

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 28

2023

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Батюшкина М.В. ТЕРМИНЫ ИНФОРМАЦИОННОГО (ЦИФРОВОГО) ПРАВА: СЕМАНТИКА, СТРУКТУРА, ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДЕФИНИЦИИ	6
Белоус А.А., Воронин М.В., Авраменко А.В. СИСТЕМНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ НОРМ ПРАВА: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	13
Моисеева О.Г., Русанов В.В. ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОПОНИМАНИЯ	22
Юридическая герменевтика	
Головинов А.В., Головинова Ю.В. КРИТИКА ТЕКСТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.М. ЯДРИНЦЕВА	27
Сорокин В.В. КРИТИКА ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРМАЛИЗМА ПРИ ТОЛКОВАНИИ ПРАВОВЫХ АКТОВ	31
Тыдыкова Н.В. О ПРОБЛЕМАХ ПОНИМАНИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ	36
Юридическая техника	
Васев И.Н. ИДЕЯ ИЕРАРХИИ В ПРАВЕ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	43
Герасименко Ю.А. НОРМЫ-ОГОВОРКИ И ОТСЫЛКИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ	49
Донскова Ю.В. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ (НА ПРИМЕРЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВА «ЗАВЕДОМО» И КОНСТРУКЦИИ «ЗНАЛ ИЛИ ДОЛЖЕН БЫЛ ЗНАТЬ» В ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ РФ)	54
Киселева Е.В., Цыбенко Д.А. ПОНЯТИЕ «НЕТИПИЧНЫЕ РАБОТОДАТЕЛИ» И ИХ ВИДЫ	62
Печатнова Ю. В., Стародубцева М. А., Пинчук А. П. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЭКСТРЕМИЗМА	68
Сасыкин К.Ю. О ПОНЯТИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И БАНКРОТСТВЕ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	73
Трубникова О.А., Калашник Н.И. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ОТНОШЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»	77
Правовая коммуникация	
Щербак Ю.Е. ОБЫДЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ТЕСТА)	83
Лингвоэкспертология	
Ахунзянова Ф. Т., Ахунзянов Е. М. К ВОПРОСУ О ЛИНГВО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ АНИМЕ	89

Зайцева О. В., Катышев П. А. ЛЕКСИКА ГЕНИТАЛИЙ: НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПОРНОГРАФИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ	96
Речевые правонарушения	
Боженова А.А. Ерахмилевич В.В. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСКОРБЛЕНИЕМ ЧУВСТВ ВЕРУЮЩИХ	105
Рецензии. Хроника. Информация	
Доронина С.В. «НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА» В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР)	111

CONTENTS

Language of Law	
Batyushkina M.V. TERMINOLOGY OF INFORMATION (DIGITAL) LAW: SEMANTICS, STRUCTURE, LEGISLATIVE DEFINITIONS	6
Belous A.A., Voronin M.V., Avramenko A.V. SYSTEMIC RECONSTRUCTION OF LEGAL NORMS: LINGUISTIC ASPECT	13
Moiseeva O.G., Rusanov V.V. ANCIENT CHINESE CONCEPTS OF UNDERSTANDING LAW	22
Legal hermeneutics	
Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. CRITICISM OF TEXTS OF LEGISLATIVE ACTS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE POLITICAL AND LEGAL WORK OF N.M. YADRINTSEV	27
Sorokin V.V. FACTUAL LEGAL RESPONSIBILITY: FORMULATION OF THE PROBLEM	31
Tydykova N.V. ON UNDERSTANDING THE ELEMENTS OF A THREAT OF HOMICIDE	36
Legal Techniques	
Vasev I.N. HIERARCHY IN LAW: PRACTICAL APPROACH	43
Gerasimenko Yu.A. RESERVATIONS AND REFERENCES IN LEGISLATION: CORRELATION ASPECTS	49
Donskova Y. V. LINGUISTIC ASPECTS OF LEGAL WRITING (CASE STUDY OF THE WORD "ZAVEDOMO" AND PHRASE "ZNAL ILI DOLZHEN BYL ZNAT" IN THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)	54
Kiseleva E.V., Tsybenko D.A. THE CONCEPT OF "ATYPICAL EMPLOYERS" AND THEIR TYPES	62
Pechatnova Yu. V., Starodubtseva M. A., Pinchuk A. P. ON THE CONCEPT OF EXTREMISM	68
Sasykin K. Yu. ON THE CONCEPTS OF INSOLVENCY AND BANKRUPTCY IN RUSSIAN LAW	73
Trubnikova O.A., Kalashnik N.I. ON THE SCOPE OF THE CONCEPT OF "RELATIONSHIPS TO PROVIDE ENVIRONMENTAL SAFETY"	77
Legal Communication	

<i>Shcherbak Yu.E.</i> COMMONPLACE INTERPRETATION OF LEGAL UTTERANCES (CASE STUDY OF A LINGUISTIC TEST)	83
Linguoexpertology	
<i>Akhunzianova F. T., Akhunzianov E. M.</i> ON LINGUISTIC AND CULTURAL EXAMINATION IN ANIME RESEARCH	89
<i>Zaytseva O.V., Katyshev P.A.</i> NAMES OF GENITALS: NOMINATIVE FEATURES AND THEIR FUNCTIONING IN PORNOGRAPHY NARRATIVE	96
Speech Offenses	
<i>Bozhenova A.A., Erahmievich V.V.</i> CHALLENGES AT CLASSIFYING ACTS OF RELIGIOUS FEELINGS DEFAMATION	105
Reviews. Chronicle. Information	
<i>Doronina S.V.</i> INDECENT UTTERANCE IN LAW, LINGUISTICS AND FORENSIC EXAMINATIONS	111

ЯЗЫК ПРАВА   УДК 81.42:340.13, ББК 81+67.022.14, ГРНТИ 16.21.33; 10.01.33, Код ВАК 5.9.5, 5.9.8

Термины информационного (цифрового) права: семантика, структура, законодательные дефиниции

М. В. Батюшкина

Законодательное Собрание Омской области

ул. Красный Путь, 1, 644002, Омск, Россия. E-mail: soulangeana@mail.ru

---

В статье привлечено внимание к понятийному аппарату законов, регулирующих процессы цифровизации и информационную сферу. Актуальность обусловлена недостаточным освещением вопросов образования и определения терминов информационной (цифровой) сферы, востребованностью результатов теоретического осмысления данных вопросов в экспертной (правоприменительной, судебной) практике, а также проблемой употребления в нормативных текстах заимствованной лексики. В основной части статьи выделяются особенности семантики, информативности и структуры терминов, в том числе терминов – словосочетаний и терминов – словесных комплексов. Обозначаются основные способы терминообразования и трансформации мотивирующей основы. Анализируются основания, способы и примеры альтернативного замещения терминов. При рассмотрении специфики законодательных дефиниций акцентируется внимание, во-первых, на функциях законодательного (официального) определения термина; во-вторых, на условиях формулирования и адекватного толкования дефиниции; в-третьих, на частотных средствах формулирования дефиниций, их структурных особенностях. Кроме того, уделяется внимание вариативности дефиниций одного термина, дублированию определения термина в разных законодательных текстах, совпадению законодательных определений разных терминов. Для реализации задач исследования применяется методология терминоведения, юридической лингвистики и экспертологии. Материал исследования: федеральные законы, а также модельные акты, разработанные Межпарламентской Ассамблеей СНГ.

Ключевые слова: цифровизация, информационное право, юридический термин, текст закона, государственный язык.

Terminology of Information (Digital) Law: Semantics, Structure, Legislative Definitions

M. V. Batyushkina

Legislative Assembly of Omsk Oblast

1 Krasny Put street, 644002, Omsk, Russia. E-mail: soulangeana@mail.ru

---

Attention is drawn to the conceptual apparatus of laws that regulate the processes of digitalization and the information sphere. The relevance is due to the following factors: insufficient scientific coverage of education issues and the definition of terms in the information (digital) sphere; demand for the results of theoretical understanding of these issues in expert (law enforcement, judicial) practice; problems of using borrowed vocabulary in normative texts. The features of semantics and structure of terms, including word-combination-terms, as well as word complex-terms are considered. The main methods of term formation and changes in the motivating stem are indicated. The grounds, methods and examples of alternative replacement of terms are analyzed. When considering the specifics of legislative definitions, emphasis is placed on the following points: firstly, the functions of the legislative (official) definition of the term; secondly, the conditions for formulating and adequately interpreting the definition; thirdly, frequently used means of formulating definitions, their structural features. In addition, attention is paid to such features as: variability of definitions of one term, duplication of the definition of a term in different legislative texts, coincidence of legislative definitions of different terms. To implement the objectives of the study, the methodology of legal linguistics and expertology is used. Research material: federal laws, as well as model codes and laws developed by CIS Interparliamentary Assembly.

Key words: digitalization, information law, legal term, text of the law, state language.

Постановка проблемы. Правовое регулирование цифровизации, разработки и применения новых технологий, продуктов искусственного интеллекта предполагает употребление понятий, как уже закрепленных и определенных в законах (общенаучных, общеправовых, отраслевых, межотраслевых понятий), так и специальной терминосистемы информационного и цифрового права.

Несмотря на плодотворное исследование аспектов коммуникации с правовых, лингвистических, культурологических, педагогических позиций [Авакьян 2019; Бегишев, Берсей 2022; Голев 2021; Горбаневский, Трофимова 2021; Макович 2021; Терещенко 2022; Трубникова, Доронина 2020; Хабриева, Черногор 2018], проблемы законодательной терминологии информационной и цифровой сферы остаются недостаточно освещенными. Для правотворческой, судебной и иных практик имеют значение вопросы использования в законах заимствованных слов, а также толкования понятий (*виртуальная реальность, цифровые аватары, умный дом* и т. д.).

Особо актуально рассмотрение семантико-структурных особенностей законодательных терминов и дефиниций, отражающих: во-первых, нормы и тексты, на основе которых в настоящее время регулируются вопросы информатизации и цифровизации; во-вторых, специфику информационного и цифрового права; в-третьих, общие правила терминотворчества, тенденции стандартизации и специализации терминологии, «эволютивной юридикации лексики» [Голев, Иркова 2022].

Методология и материал. Для реализации задач исследования применяется методология терминоведения, юридической лингвистики и экспертологии, разработанная российскими исследователями [Володина 2019; Голев 2021; Плотникова 2016; Россинская, Галяшина 2011; Хижняк 2018; Чернышова 2016]. Методологическая база включает общенаучные и специальные методы и подходы (анализ, сравнение, описание, моделирование, классификация, контекстуальный, компонентный, интерпретационный, другие подходы).

Материал исследования – тексты федеральных законов, а также модельных актов, разработанных Межпарламентской Ассамблеей СНГ.

Результаты и обсуждение. При изложении результатов исследования мы придерживаемся точки зрения о том, что термины выполняют номинативно-дефинитивную функцию, одновременно являясь и средством обозначения, и средством логического определения [Виноградов 1947: 12-13], терминология конкретной области – не просто совокупность специальных терминов, а семасиологическая система, отражающая определенное мировоззрение [Володина 2019: 163].

Семантико-структурные особенности терминов

Понятия информационного (цифрового) права, как и иные юридические понятия, выражены в законах не только однословными терминами (*информация, гиперссылка, маршрутизация*) и словосочетаниями (*инсайдерская информация, мобильное приложение, платформенная занятость*), но также словесными комплексами (*оператор регионального сегмента единой биометрической системы; цифровые информационные ресурсы, содержащие нормы современного русского литературного языка*).

Несмотря на разные способы номинации, данные термины характеризуются целостностью, устойчивостью, воспроизводимостью, функциональностью, принадлежностью к отраслевой терминологии и включенностью в систему юридических понятий. Указанные признаки отражаются в отсутствии синонимических замен при употреблении составного термина, возникновении плеонастических конструкций (*содержание контента*) и тавтологии (*подписанные электронной подписью*).

С помощью простых и сложных терминов передается широкий спектр отношений и значений (субстантивных, субстантивно-процессуальных, субстантивно-атрибутивных, объектных, объектно-атрибутивных, объектно-процессуальных и др.). Ядерный состав законов образуют отглагольные имена и именные сочетания. В силу специфики регулируемой сферы, рецепции права, стандартов формулирования законодательных норм, преобладают термины из технической, экономической, научной областей, адаптированная иноязычная лексика, общеправовые понятия и клише.

В отличие от однословных терминов словосочетание и словесный комплекс представляют собой составное образование, формулируемое в целях более информативного и юридико-лингвистически определенного названия чего-либо. С помощью компонентов, на основе которых образуются составные термины, выражается необходимое количество идентифицирующих признаков (подробнее о составных терминах: [Володина 2019; Гринев 1993; Даниленко 1971; Лотте 1961]).

С точки зрения анализа составляющих и варианта их уточнения, термины-словосочетания образуются с помощью: сочинительной связи – наиболее частотно (*заблокированный сайт, цифровая валюта, электронное сообщение, телекоммуникационные технологии*); подчинительной связи (*обладатель информации, доступ к информации*); комбинации сочинения (*единая биометрическая система, цифровые избирательные участки*), подчинения (*оператор ввода данных, оператор системы ввода данных*), сочинительной и подчинительной связей (*оборот цифровых данных, комплекс для электронного голосования, вектор единой биометрической системы, возрастная классификация информационной продукции*).

В качестве основных способов трансформации мотивирующей модели словосочетания в более сложную модель или словесный комплекс используются:

дополнение главного или зависимого компонента новым атрибутивным признаком: *персональные данные* (Adj+N) – *биометрические персональные данные* (Adj+Adj+N); *система идентификации* (N→N) – *цифровая система биометрической идентификации* ([Adj+N]→[Adj+N]);

наращение главного либо зависимого компонента новым элементом-подкомпонентом: *дистанционный способ* (Adj+N) – *дистанционный способ продажи* ([Adj+N]→N) – *дистанционный способ продажи товаров* ([Adj+N]→N→N); *оператор ввода данных* (N→N→N) – *оператор системы ввода данных о страховании* (N→N→N→N→N);

комбинации дополнения атрибутивным признаком и новым подкомпонентом: *биометрические персональные данные* (Adj+Adj+N) – *биометрические персональные данные физических лиц* ([Adj+Adj+N] → [Adj+N]); *система идентификации* (N→N) – *единая система идентификации и аутентификации* ([Adj+N]→[N и N]) – *единая информационная система идентификации и аутентификации в инфраструктуре* ([Adj+ Adj+N]→ [N и N]→N); *оператор ввода данных* (N→N→N) – *единый оператор информационной системы ввода и обработки цифровых биометрических персональных данных* ([Adj+N]→ [Adj+N]→ [N и N]→ [Adj+Adj+Adj+N]).

Каждый новый элемент осложняет конструкцию наименования и семантически, и структурно (разного рода комбинации падежного или предложно-падежного двойного, тройного (и более) управления, причастные и иные обороты, примыкания, включения). Преобладающая беспредложная форма родительного падежа позволяет не только уточнять предмет речи, значение непосредственного участия в действии (процессе), но и раскрывать потенциальный объект достижения цели в аспекте обобщенного значения.

Усложнение состава термина и способа номинации, описательность, с одной стороны, позволяют точнее, детальнее и полнее отразить выражаемое понятие, с другой стороны, влияют на восприятие термина, обуславливая дробность интерпретации базового и зависимых компонентов, параллельность выявленных смыслов. Для выявления общего значения составного наименования важны правильная постановка логических акцентов, выделение зависимых компонентов и их иерархии, благодаря которым осуществляется развертывание, конкретизация и обогащение содержания ключевого компонента.

В словесном комплексе (и сложном словосочетании) основную нагрузку выполняет ключевое, преобладающее по отношению к иным понятие, однако в образовании общего значения термина принимает участие понятийный состав в целом (поэтому, например, в силу описательности и объяснения словесный комплекс имеет сходные черты с определением).

При прямом порядке ключевое понятие, как правило, указывается в начале составного наименования (*организации, осуществляющие аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц; система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них*). При инверсии, а также в случае, если основной компонент осложнен препозиционными определителями, основной компонент либо центрирован, либо расположен в конце составного наименования (*осуществляющие аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц организации; государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них*).

Вариативность и предпочтительность терминов

Отмечено, что при наличии у терминов, выраженных отглагольными существительными среднего рода на *-ение/-ние*, вариантов – существительных женского рода на *-ция* со значением «действие, процесс» (*идентифицирование – идентификация, индексирование – индексация, модернизирование – модернизация*), в законодательном тексте употребляется вариант на *-ция*. Полагаем, данная предпочтительность обусловлена не только большей абстрактностью лексики на *-ция*, но также рецепцией и адаптацией положений, в которых используются соответствующие термины, не подлежащие замене.

На базе словосочетаний со связью неоднородных компонентов образуются сложные слова, которые употребляются наряду с мотивирующими словосочетаниями и рассматриваются по отношению к ним в качестве семантических дублетов: *программные технические средства – программно-технические средства, информационные коммуникационные технологии – информационно-коммуникационные технологии – ИКТ*.

При этом в одном или разных законах термины могут употребляться и в качестве неоднородных, и в качестве однородных, синонимичных. Примеры: *электронно-цифровая форма, электронная цифровая форма, электронная (либо цифровая) форма, электронная (= цифровая) форма*. Сравните также на примере хронологической замены понятий в сочетаниях: *документы в электронно-цифровой форме с электронной цифровой подписью → документы в электронной форме, подписанные электронной подписью* [ФЗ «Об инвестиционных фондах», ст. 3 в ред. 2013 и 2014 гг.]. В подобных случаях проблема толкования связана с вопросом о том, могут ли для целей регулирования однородные и разнородные понятия быть контекстуально соотносимыми и взаимозаменяемыми, как, например, синонимы, уточняемый термин и поясняющие его термины.

Исключение составного компонента из термина приводит к утрате семантической целостности данного термина, изменению не только его конструкции, но и семантики. Однако в качестве общего правила отмечено, что для сокращения и упрощения наименования, выраженного словосочетанием или комплексом, применяются усечение до одного либо двух (трех) слов, реже – аббревиация. Вариант-эквивалент используется в границах и для целей закона, по мере развертывания его содержания.

Как правило, краткий вариант вводится в тексте либо в скобках после преобразуемого термина: *электронная цифровая подпись (электронная подпись)* либо до многословного термина: *ГАС «Выборы» – Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Выборы»*. Однако в большинстве случаев после исходного

термина перед его семантически сжатым эквивалентом указывается специальное клише, обозначающее тот термин, который употребляется в тексте взамен исходного («далее –») либо наряду с ним («далее также –»). Примеры:

государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства (далее – система) [ст. 2 ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»];

экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций (далее – экспериментальный правовой режим) [ст. 2 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ»];

государственная интегрированная информационная система в сфере контроля за оборотом драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них на всех этапах этого оборота (далее также – ГИИС ДМДК) [ст. 1 ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях»].

Кроме того, при вторичной номинации применяется перефразирование: *дистанционная (удаленная) работа (далее – дистанционная работа, выполнение трудовой функции дистанционно)* [ст. 312.1 ТК РФ]; *субъекты, размещающие информацию в системе (далее – поставщики информации)* [ст. 2 ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»].

Текстовые проявления вторичной номинации демонстрируют не только вариативность, семантическую разницу исходного и производного терминов, но и изменение их функционального статуса. Сфера функционирования вторичного наименования не ограничивается рамками закона, в котором оно вводится, поскольку в дальнейшем, например, в иных законах и подзаконных актах, комментариях к законам, судебной практике, более компактный вариант может оказаться предпочтительнее расширенного.

Законодательные дефиниции

Особую значимость имеет вопрос точного и однозначного определения термина, поскольку при регулировании вопросов информационной (цифровой) сферы применяются не только термины из технической области, но также абстрактные, многозначно толкуемые понятия (*печать времени, ресурс нумерации, цифровая зрелость*), понятия, образованные на основе функционального, метонимического, метафорического переноса (*ключ электронной цифровой подписи, электронный паспорт законопроекта, страница сайта*). Несмотря на описательные характеристики, в толковании нуждаются словесные комплексы (например, *информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей*).

Как адресант, формулирующий определение термина, так и эксперт, оценивающий дефиницию и предлагающий рекомендации для ее уточнения, безусловно, должны обладать развитыми законодательскими навыками, коммуникативными (языковыми, речевыми) компетенциями. Точность и информативная достаточность законодательной дефиниции не всегда означают ее ясность и структурно-семантическую простоту, доступность для понимания максимально широкого числа адресатов. Для адекватного толкования законодательного определения необходимы специальные знания.

Во многих определениях используется внутренняя текстовая отсылка к структурным частям закона и (или) гипертекстовая отсылка к иным законам или актам. Понимание определения с отсылкой возможно лишь в результате системного толкования: с учетом нормы, к которой сделана данная отсылка, либо с учетом иного закона (акта), на базе которого должна осуществляться интерпретация (в отдельных примерах такой закон может быть вообще не обозначен с помощью реквизитов). Примеры:

экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций – применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, предусмотренным частью 2 статьи 1 настоящего Федерального закона [ст. 2 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ»];

организатор торговли – лицо, являющееся организатором торговли в значении, определенном Федеральным законом «Об организованных торгах» [ст. 2 ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»];

Цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [ст. 141.1 ГК РФ].

Частотным средством формулирования дефиниций является классифицирующее описание, строящееся на определении через родовое понятие и видовой признак, свойственный определяемому, указании аспектуальных (идентифицирующих, уточняющих и иных) характеристик. Примеры:

безопасность критической информационной инфраструктуры – состояние защищенности критической информационной инфраструктуры, обеспечивающее ее устойчивое функционирование при проведении в отношении ее компьютерных атак [ст. 2 ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ»];

К информационной продукции возрастной категории «универсальная» может быть отнесена не причиняющая вреда здоровью и развитию детей информационная продукция, в том числе информационная продукция общественно-политического и научно-популярного характера, кроме информационной продукции, распространение которой ограничено законодательством государства [ст. 9 МЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»].

Менее распространено определение понятия с помощью:

закрытого или открытого перечня терминов, на основе которых раскрываются содержание и объем определяемого понятия через соотношение рода и вида, целого и части, отношений совокупности, принадлежности (*участники информационного взаимодействия – оператор системы, поставщики информации и пользователи информации* [ст. 2 ФЗ «О государственной информационной системе жилищно-коммунального хозяйства»]),

а также комбинации перечневого и описательного способов наряду с усложнением и однотипностью структурного (цифровые, буквенные абзацы), синтаксического (повторы, простые перечни и перечни-градации, обороты, включения) и пунктуационного представления компонентов определения:

распространение информации – действия:

а) *направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или на передачу информации неопределенному кругу лиц, в том числе путем ее раскрытия в соответствии с законодательством Российской Федерации о ценных бумагах;*

б) *связанные с опубликованием информации в средствах массовой информации, в том числе в электронных, информационно-телекоммуникационных сетях, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»);*

в) *связанные с распространением информации через электронные, информационно-телекоммуникационные сети, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц (включая информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»)* [ст. 2 ФЗ «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»].

Вариативность, дублирование, совпадение дефиниций

Одно и то же понятие может быть определено с помощью вариативных дефиниций, то есть формулирования в одном или разных законодательных текстах различных либо сходных определений одного термина. Сравните: *электронное голосование – голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием технического средства* [ст. 2 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ»] / *электронное голосование – голосование на референдуме без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием электронного бюллетеня и комплекса средств автоматизации государственной автоматизированной системы либо технических средств подсчета, в частности комплексов для электронного голосования* [ст. 3 МЗ «О национальном референдуме»].

В дефинициях, включаемых в «перечневые» статьи (названия статей: *Основные понятия, используемые в настоящем Законе; Основные термины и определения, используемые в настоящем Законе;* и др.), связь между определяемым и определением выражается с помощью тире. В иных статьях продуктивны дефиниции с глагольными и иными связками между определяемым и определением (*является, признается, означает, то есть, как и др.*). Например: *электронное сообщение – информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети* [ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; ст. 2 МЗ «О телемедицинских услугах»] / *Под электронным сообщением понимается текстовая или иная информация, предназначенная для передачи и получения в электронном виде и использования с применением компьютерных устройств* [ст. 27 Модельного Торгового кодекса].

Под дублированием дефиниции термина мы понимаем дословное воспроизводство термина и его определения в разных текстах: *электронный учебно-методический комплекс – совокупность учебных материалов и электронных средств обучения, позволяющих обеспечить освоение и реализацию образовательной программы* [ст. 1 МЗ «О дистанционном обучении в государствах – участниках СНГ»; ст. 3 МЗ «Об использовании информационно-коммуникационных технологий в системе образования»; ст. 1 МЗ «О трансграничном образовании»].

Совпадение дефиниций терминов – это определение в одном или разных законодательных текстах различных или синонимичных терминов с помощью одной дефиниции либо сходных дефиниций. Примеры:

телеканал, радиоканал – сформированная в соответствии с сеткой вещания и выходящая в свет (эфир) под постоянным наименованием и с установленной периодичностью совокупность теле-, радиопрограмм и (или) соответственно иных аудиовизуальных, звуковых сообщений и материалов [ст. 2 ФЗ «О связи»];

электронная форма взаимодействия – способ информационного взаимодействия, основанный на применении информационно-коммуникационных технологий [ст. 2 МЗ «О трансграничном информационном обмене электронными документами»] / *электронное взаимодействие – способ информационного взаимодействия, основанный на применении информационно-коммуникационных технологий* [ст. 2 МЗ «О совершении нотариальных действий в электронной форме при трансграничном информационном обмене»].

На основе законодательных текстов вариативные определения термина, дублирование дефиниции термина, совпадение определений разных терминов могут быть рассмотрены не только с позиции микроконтекста, дистрибутивных отличий, но также с точки зрения внутриотраслевого, межотраслевого макроконтекста, соотношения и трансформации значения.

Перспективы исследования. Семантическую и формально-структурную специфику номинативно-дефиниционной базы информационной (цифровой) терминологии, безусловно, можно проанализировать более детально и в иных аспектах, в том числе с точки зрения тематических групп и деривационных гнезд, семантических процессов (синонимии, антонимии, полисемии, омонимии), утраты экспрессивности при межстилистическом заимствовании. Представляет интерес сопоставительный анализ терминов на основе юридических (законодательных) словарей.

Учитывая изменения Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации», актуальна проблема применения в законах заимствованных терминов, являющихся переводной калькой и имеющих русскоязычный эквивалент. Анонсируя проведение такого исследования, отметим, что термины, которые могут получить закрепление в законе, заимствуются не только из технической сферы (*блокчейн, провайдер, мессенджер, хостинг*), но также из информационно-публицистических текстов, предназначенных для обращения к определенной аудитории, привлечения ее внимания и воздействия на нее (*блог, бот, кибербуллинг, мем, репост, фейк*). С содержанием информационно-публицистических текстов и применением в них иноязычных понятий могут быть связаны вопросы информационной безопасности.

Литература

- Авакьян С. А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / Конституционное и муниципальное право. - 2019. - № 7. - С. 23-28.
- Бегишев И., Берсей Д. Цифровой мир: терминологический словарь-справочник в определениях официальных документов / Юрислингвистика. - 2022. - № 25 (36). - С. 55-56.
- Виноградов В. В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М., Л. 1947.
- Володина М. Н. Термин как языковое выражение специального понятия / Stephanos. - 2019. - № 4 (36). - С. 160-166.
- Голев Н. Д. Юрислингвистика. Вводный очерк теории. Кемерово, 2021.
- Голев Н. Д., Иркова А. В. Эволютивная юридизация лексики: теоретические и методические аспекты / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. - 2022. - Том 21. - № 2. - С. 5-18.
- Горбаневский М. В., Трофимова Г. Н. ГЛЭДИС в цифровом пространстве. М., 2021.
- Гринев С. В. Введение в терминоведение. М., 1993.
- Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / Исследования по русской терминологии. М., 1971. С. 7-78.
- Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М., 1961.
- Макович Т. В. Дискредитирующие коммуникации в контексте лингвоэкологии. В сб.: Язык. Культура. Общество. Санкт-Петербург, 2021. С. 95-98.
- Плотникова А. М. Документный текст как объект судебной лингвистической и автороведческой экспертизы / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. - 2016. - № 1 (30). - С. 37-43.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2011.
- Терещенко Л. К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации / Журнал российского права. - 2022. - № 12. - С. 98-110.
- Трубникова Ю. В., Доронина С. В. Проблемы формирования навыков владения деловой речью в аспекте развития профессиональной языковой личности / Лингвориторическая парадигма. - 2020. - № 25-1. - С. 110-112.
- Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности / Журнал российского права. - 2018. - № 1. - С. 85-102.
- Хижняк С. П. Терминологическое значение и его отражение в дефинициях / Вестник Саратовской юридической академии. - 2018. - № 2 (121). - С. 233-238.
- Чернышова Т. В. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. - 2016. - Т. 12. - № 3. - С. 16-28.

References

- Avakyan, S. A. (2019). Information space of knowledge, digital world and constitutional law. Constitutional and municipal law, 7, 23-28 (in Russian).
- Begishev, I., Bersey, D. (2022). Digital world: a terminological dictionary-reference book in the definitions of official documents. Jurislinguistics, 25 (36), 55-56 (in Russian).
- Chernyshova, T. V. (2016). Analytical and expert activity of a philologist and the problem of choosing a method in modern linguoexpert practice. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research, Vol. 12, 3, 16-28 (in Russian).
- Danilenko, V. P. (1971). Lexico-semantic and grammatical features of word-terms. Studies in Russian terminology. Moscow, 7-78 (in Russian).
- Golev, N. D. (2021). Jurislinguistics. Introductory essay on theory. Kemerovo (in Russian).
- Golev, N. D., Irkova, A. V. (2022). Evolutive legalization of vocabulary: theoretical and methodological aspects. Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics, Vol. 21, 2, 5-18 (in Russian).
- Gorbanevsky, M. V., Trofimova, G. N. (2021). GLADIS in the digital space. Moscow (in Russian).
- Grinev, S. V. (1993). Introduction to terminology. Moscow (in Russian).
- Khabrieva, T. Ya., Chernogor, N. N. (2018). Law in the context of digital reality. Journal of Russian Law, 1, 85-102 (in Russian).

- Khizhnyak, S. P. (2018). Terminological meaning and its reflection in definitions. *Bulletin of the Saratov Law Academy*, 2 (121), 233-238 (in Russian).
- Lotte, D. S. (1961). *Fundamentals of construction of scientific and technical terminology: Questions of theory and methodology*. Moscow (in Russian).
- Makovich, T. V. (2021). Discrediting communications in the context of linguistic ecology. *Collection: Language. Culture. Society*. St. Petersburg, 95-98 (in Russian).
- Plotnikova, A. M. (2016). Documentary text as an object of forensic linguistics and author's expertise. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 1 (30), 37-43 (in Russian).
- Rossinskaya, E. R., Galyashina, E. I. (2011). *Handbook of a Judge: Forensic Science*. Moscow (in Russian).
- Tereshchenko, L. K. (2022). Transformation of the conceptual apparatus of information law in the context of digitalization. *Journal of Russian Law*, 12, 98-110 (in Russian).
- Trubnikova, Yu. V., Doronina, S. V. (2020). Problems of the formation of business speech skills in the aspect of the development of a professional language personality. *Linguistic and rhetorical paradigm*, 25-1, 110-112 (in Russian).
- Vinogradov, V. V. (1947). *Russian language. (Grammatical doctrine of the word)*. Moscow, Leningrad (in Russian).
- Volodina, M. N. (2019). The term as a linguistic expression of a special concept. *Stephanos*, 4 (36), 160-166 (in Russian).

Citation:

Батюшкина М. В. Термины информационного (цифрового) права: семантика, структура, законодательные дефиниции // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 6-12.

Batyushkina M. V. (2023). Terminology of Information (Digital) Law: Semantics, Structure, Legislative Definitions. *Legal Linguistics*, 28, 6-12.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Системная реконструкция норм права: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. А. Белоус¹, М. В. Воронин², А. В. Авраменко³

^{1,3}*РНИМУ им. Н. И. Пирогова Минздрава России*

ул. Островитянова, 1, 117997, Москва, Россия. E-mail: ¹belous.anastasiya@gmail.com,

³anton3374@mail.ru

²*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова*

Ленинские горы, 1, стр. 13, 119991, Москва, Россия

Финансовый университет при Правительстве РФ

Ленинградский проспект, 49, 125993 ГСП 3, Москва, Россия. E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

Данная статья продолжает цикл работ, посвященных проблемам системной реконструкции права. Цель настоящего исследования – разработка и описание метода системной реконструкции норм права в его лингвистическом аспекте для решения задачи по преобразованию текстов правовых актов на естественном языке в базу данных. Преимуществом метода является комплексный междисциплинарный подход, объединяющий правоведение, лингвистику и предметную профессиональную экспертизу, что обеспечивает высокое качество преобразованных данных.

На примере Правил надлежащей производственной практики (Good Manufacturing Practice, GMP) в работе проанализированы существенные условия, затрудняющие однозначное истолкование нормативно-правового материала; с учетом данных факторов предложена модель формализованной записи, которая позволяет представлять нормы права в стандартизованном виде и объединять их в единый массив данных. На основе опыта реконструкции Правил надлежащей производственной практики описаны лексические и синтаксические преобразования исходного текста, а также определены типовые семантические задачи, которые решает эксперт на этапе синтеза. Продемонстрирована эффективность применения на данном этапе правил трансформационной грамматики для достижения семантической эквивалентности исходной и преобразованной текстовой информации в рамках описываемого метода.

Отмечены возможности метода системной реконструкции в его лингвистическом аспекте для дальнейшей работы в области совершенствования языка технических нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: реконструкция норм права, систематизация, правила надлежащей производственной практики (GMP), языковые преобразования, формализованная запись.

Systemic Reconstruction of Legal Norms: Linguistic Aspect

A. A. Belous, M. V. Voronin, A. V. Avramenko

^{1,3}*Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University)*

1 Ostrovityanova st., 117997, Moscow, Russia. E-mail: ¹belous.anastasiya@gmail.com, ³anton3374@mail.ru

²*Lomonosov Moscow State University,*

1, Leninskie Gory, Build. 13, 119991, Moscow, Russia

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradskiy prospect, 125993, Moscow, Russia. E-mail: maksim.v.voronin@mail.ru

This article continues the study of the problem of systemic reconstruction of legal norms. The aim of the present article is to develop and describe a method of systemic reconstruction of legal norms in its linguistic aspect to solve the problem of converting legal texts in natural language into a database. The advantage of the method is a comprehensive interdisciplinary approach that combines jurisprudence, linguistics and subject matter expertise. This approach ensures high quality of the converted data.

Drawing on the case of The Good Manufacturing Practice (GMP), the substantial factors that make it difficult to interpret unambiguously the regulatory material are analyzed; with these factors in view, a model of a formalized wording is proposed. The model makes it possible to present normative material in a standardized form and to combine it into a database. Based on the reconstruction experience of the Rules of GMP, lexical and syntactic transformations of the source text, as well as typical semantic tasks that the expert solves at the synthesis stage are described. The article shows the effectiveness of transformational grammar rules at that stage to achieve semantic equivalence of the original and transformed textual information within the framework of the described method.

The method of systemic reconstruction in its linguistic aspect is significant for further work related to improving the language of technical regulations.

Key words: reconstruction of law, systematization, Good Manufacturing Practice (GMP), language transformations, formalized wording.

Переход к глобальному информационному обществу и активное внедрение цифровых технологий практически во все сферы деятельности, включая социальную в целом и юридическую в частности, непосредственно сопряжены с вопросами извлечения знаний из текстов на естественном языке, их семантической обработки и преобразования в базу данных.

Проблема моделирования преобразований «естественно-языкового текста» является междисциплинарной и стратегически важной не только для информатики [Козаренко 2006], но и для всей гуманитарной сферы, вовлеченной в процессы технологизации. Область юриспруденции и права не является исключением. Поскольку право имеет языковую сущность, то есть правовые нормы могут существовать в мире только в определенных языковых формах, то лингвистический аспект преобразований для данной сферы становится критически важным. Актуальность технологического преобразования норм права и нормативно-правовых актов для их адаптации к машиночитаемости отмечена в «Концепции развития технологий машиночитаемого права», утвержденной правительственной комиссией по цифровому развитию в сентябре 2021 г., согласно которой перспективным представляется параллельное и взаимодополняющее сосуществование норм, изложенных на естественном и формальном языках. Более того, перевод правовых норм на формальный язык (технический код) рассматривается как один из эффективных способов их непротиворечивого изложения.

Главные риски, а вместе с ними и трудности преобразования текстовой нормативно-правовой информации в базу данных сопряжены с обеспечением целостности, адекватности и семантической эквивалентности преобразованных данных. Снизить риски возможно только при междисциплинарном подходе, в рамках которого значимая роль отводится фундаментальным представлениям и методам лингвистической науки.

Ранее в работе [Воронин и др. 2022] нами был представлен метод системной реконструкции нормативно-правовых актов, позволяющий адаптировать текст норм права к технологизации. Под «реконструкцией» понимается вид систематизации права, отличительной чертой которого является комплексный междисциплинарный анализ источника права, его текста и синтезированное представление объектов (далее – Объект) и требований (далее – Требование), закрепленных в нормативно-правовом акте, в формализованном виде.

Системная реконструкция норм права состоит из трех основных этапов:

- 1) анализа, включающего структурно-логический анализ юридического содержания, предметную профессиональную экспертизу норм права, отраженных в тексте, лингвистический анализ текста-источника;
- 2) синтеза, предполагающего воспроизведение всех норм, заложенных в источнике, в виде структурированного массива связанных и представленных в явном виде норм;
- 3) верификации, направленной на проверку результатов, которые были получены в ходе реализации первых двух этапов.

В настоящей статье предлагается рассмотреть лингвистический аспект данного метода при решении задачи по преобразованию одного из источников права, регулирующего производство лекарственных средств, – Правил надлежащей производственной практики (Good Manufacturing Practice, GMP) – в связанный массив данных¹, который интегрирован в информационно-поисковую правовую систему² и опубликован в сети Интернет на сайте <https://pharmi.ru>.

Факторы, затрудняющие однозначное восприятие и интерпретацию нормативного материала

Правила надлежащей производственной практики (далее – Правила НПП) являются ключевым международным регуляторным документом для предприятий-производителей лекарственных средств в России, странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), странах Европейского союза (ЕС) и представляют собой совокупность норм

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2020621577 Российская Федерация. База данных фармацевтической информации ФАРМИ: объекты, требования и пояснения правил надлежащей производственной практики в редакции решения от 3 ноября 2016 г. № 77 Совета Евразийской Экономической Комиссии: заявка № 2020621079: поступл. 28.06.2020 : опубл. 28.08.2020 / А. В. Авраменко.

² Экспертная фармацевтическая нормативно-правовая система «ФАРМИ»: [сайт]. URL: <https://pharmi.ru/> (дата обращения 01 июня 2022 г.).

технического характера. Для всех субъектов, вовлеченных в деятельность по производству лекарственных средств, особенно важно интерпретировать данный документ однозначно и в едином ключе.

Обзор научной периодики и собственные наблюдения позволяют выделить ряд факторов, затрудняющих однозначное восприятие и интерпретацию нормативного материала Правил НПП, что, в свою очередь, осложняет и задачу по его цифровой трансформации.

Во-первых, существование норм права в форме текста на естественном языке. В отличие, например, от формализованного языка логики, в естественном языке имеется асимметрия между планом содержания и планом выражения языкового знака, что позволяет обозначать один и тот же отрезок действительности с помощью различных языковых средств, равно как и использовать одно языковое выражение для передачи разных смыслов. Как следствие, в тексте Правил НПП неизбежно возникают лексическая и синтаксическая синонимия и полисемия, появляется высокая степень зависимости значения отдельных лексических и синтаксических единиц от контекста. К выводу о неизбежности полисемии в юридическом языке приходит в своем исследовании И. И. Лизикова, отмечая, что многозначность может не только сниматься контекстом, но и им порождаться [Лизикова 2009]. Сам юридический текст рассматривается рядом авторов как многомерное полисемичное пространство, в котором пересекается множество возможных смыслов [Баранов и др. 2002; Дединкин 2021; Гаврилова 2019].

Во-вторых, недостаточная проработка отраслевой фармацевтической терминологии. В своей работе Э. А. Коржавых и Л. В. Мошкова перечисляют распространенные негативные явления в фармацевтической терминологии, в том числе «различное понимание терминов представителями разных школ и направлений, вариантность форм написания одних и тех же терминов, наличие понятий, не имеющих современного научно обоснованного определения, попытки произвольного внедрения иноязычных терминов или, наоборот, необоснованной русификации без учета внедренности заимствованных терминов, распространение немотивированных и ложно ориентирующих терминов, а также отсутствие единых научно обоснованных принципов образования фармацевтических терминов» [Коржавых, Мошкова 2002: 55-56]. Очевидно, что указанные явления во многом определяют и качество нормативно-правовых актов, связанных с этим же терминологическим полем.

Ситуацию наглядно иллюстрируют современные правовые информационные системы (ИС), имеющие функцию «словарь терминов». Так, обращение с запросом «валидация» в словарь терминов ИС «Техэксперт: 6 поколение» Интранет дает в результате 19 различных дефиниций термина, каждая из которых установлена определенным действующим нормативно-правовым актом.

В-третьих, степень адекватности перевода оригинального технического текста. Очевидно, что неточности перевода англоязычного текста Правил НПП ЕС, исходного для русскоязычного варианта, усугубляют уже имеющиеся в источнике трудности интерпретации правовых норм. Примеры неудачного перевода в актуальных нормативных актах приводит в своей публикации А. В. Александров [Александров 2012]. Главной ошибкой автор считает буквальный перевод – «применение значений английских (французских, немецких и т. д.) слов и их ориентирование на внешнее подобие, сходство иностранного и русского слова». В качестве меры, улучшающей перевод нормативного документа, рассматривается публичное обсуждение каждого нового документа на профессиональном экспертном уровне еще на этапе подготовки его проекта. В работе [Борисова 2018] проблема научно-технического перевода рассматривается более широко. Автор приводит типы лексических единиц, вызывающих затруднения при переводе, среди которых отраслевые термины, общенаучная лексика, неологизмы, стилистически окрашенные лексемы, многозначные слова, а также безэквивалентная лексика.

Четвертым фактором, влияющим на восприятие текста Правил НПП, является удобочитаемость документа. Лингвистический анализ показывает, что русскоязычный текст Правил НПП отличается весьма сложной синтаксической структурой: в избытке представлены многосоставные сложные словосочетания, причастные обороты и пассивные конструкции, слишком длинные предложения с большим количеством предикативных ядер, значительны разрывы между зависимыми словами. Прикладное исследование российского законодательства продемонстрировало негативное влияние указанных явлений на удобочитаемость и, соответственно, доступность и понятность официальных документов [Сложность российских законов 2020]. Выводы исследования могут быть экстраполированы на всю нормативно-правовую сферу. Представляется важным, что на фоне универсальной общемировой тенденции к упрощению подачи информации и преобладанию аудиовизуальной формы ее восприятия избыточная сложность текста также затрудняет понимание Правил в целом и вычленение контролируемых параметров в частности.

Отдельно необходимо отметить недостаточно стандартизированное оформление структуры текста Правил НПП. Как подчеркивает Barbara K. Immel, исторически оригинальные Правила НПП развивались как корректирующие действия в ответ на чрезвычайные происшествия, связанные с дефектами качества лекарственных средств и зачастую сопровождавшиеся летальными исходами [Immel 2001]. Указанные обстоятельства могли способствовать тому, что стандартизации оформления структуры оригинальных текстов Правил НПП не придавалось должного значения. Не была проведена стандартизация оформления структуры текста и при создании аутентичных версий Правил НПП Российской Федерации и ЕАЭС на основе текста Правил НПП ЕС.

Представленные факторы в совокупности влияют на интерпретацию текста Правил НПП, усложняют идентификацию правовых норм, их понимание и последующее выполнение, что вызывает серьезные негативные последствия на практике. Внедрение унифицированной формулировки, наиболее удобной для четкой идентификации элементов нормы права, позволит качественно улучшить процессы, связанные с толкованием и применением нормативно-правовых актов.

В силу многогранности предмета правового регулирования Правил НПП в частности и фармацевтической области в целом, на современном этапе описание правовых норм средствами математической логики представляется затруднительным, как следствие, нужны более гибкие описательные средства [Рыжков, Бобров 2013]. Лингвистический подход дает научную основу для практических действий в данном направлении.

Формализованная запись нормативного материала

В рамках метода системной реконструкции предложена модель формализованной записи, которая позволяет представлять нормы права в стандартизованном виде и объединять их в единый массив данных.

Лингвистической основой модели послужила теория пропозиций семантического синтаксиса, а именно положение о двухчленной структуре пропозиции, которая включает актанты – предметы (в широком смысле) объективного мира, о которых идет речь, и предикаты – признаки (свойства, отношения), присущие этим предметам. Объединение информационных элементов в единый массив данных осуществляется в соответствии с представлением о системности права в целом и структуре отдельной нормы права как микросистемы, состоящей из гипотезы, диспозиции и санкции.

Диспозицию нормы права в фармацевтике, равно как и в других технических сферах, образуют объекты, или элементы деятельности (логически соответствуют актантам), и требования, предъявляемые к ним (логически соответствуют предикатам). Таким образом, ядро формализованной записи можно представить как бинарную структуру, в языковом выражении соответствующую двусоставному предложению с модальностью долженствования, в котором Объекты Правил НПП занимают позицию подлежащего (семантический субъект) и образуют тему высказывания, а предъявляемые к Объекту Требования – это сказуемое (семантический предикат) и, соответственно, рема высказывания.

Такую модель отличает относительная симметрия плана выражения и плана содержания, в том числе симметрия предметного содержания, логической структуры, коммуникативной организации и формально-грамматического выражения, что обеспечивает точность, однозначность, доступность, стандартность и системность представления правовой нормы, а значит, и удобство применения на практике – при управлении регуляторным соответствием.

Для воспроизведения всех норм, заложенных в источнике, в виде структурированного массива связанных данных исходная текстовая форма выражения смысловых фрагментов преобразуется в соответствии с указанной моделью, то есть прежде всего выделяются и формулируются в оптимальном виде Объекты регулирования и Требования к ним.

Типы преобразований

Методология системной реконструкции предусматривает стадийность процесса преобразования нормативно-правового текста в систему данных. Начальным этапом процесса является анализ текста и предварительная идентификация элементов норм. В лингвистическом аспекте преобразования осуществляются после структурно-семантического анализа на уровне текста и предложения, а также лексико-семантического анализа на уровне слова и словосочетания, в результате чего выявляются актанты и предикаты, соответствующие Объектам и Требованиям нормативно-правового акта, а также все соответствующие им номинации, встречающиеся в тексте.

В соответствии с уровнем анализа можно выделить два типа преобразований: 1) лексические и 2) синтаксические.

Лексические преобразования связаны с выделением терминологического понятия, соответствующего тому или иному Объекту, либо Требованию. При этом при необходимости восполняется семантическая недостаточность и устраняется семантическая избыточность соответствующих формулировок исходного текста. При наличии синонимичных способов выражения одного и того же понятия выбирается единая общая номинация, которая используется в формализованной записи для обозначения соответствующего Объекта или Требования.

Синтаксические преобразования направлены на изменение плана выражения синтаксической единицы исходного текста в соответствии с моделью формализованной записи при сохранении ее плана содержания. Другими словами, корректность преобразования обеспечивается тождеством пропозиций, то есть конкретных ситуаций действительности, для исходного и преобразованного высказываний.

Сама идея порождения синтаксических структур, инвариантных по содержанию, но отличающихся друг от друга планом выражения, восходит еще к трансформационной грамматике Ноама Хомского [Chomsky 1957], согласно которой все многообразие синтаксических типов в естественных языках может быть сведено к простой системе ядерных структур, а из них, соответственно, с помощью небольшого числа трансформационных правил можно вывести все остальные сложные.

Применение трансформаций хорошо известно в переводческой практике, где они используются для повышения адекватности и эквивалентности перевода. Считаем, что трансформационные правила применимы и для корректного преобразования нормативно-правовых документов в рамках метода системной реконструкции норм права.

При переходе от семантики к средствам ее выражения можно выделить типовые семантические задачи, которые решаются экспертом на этапе синтеза, и связанные с ними трансформационные правила и операции.

1. Отражение характера нормы права в формализованной записи.

Имплицитно заложенная в исходном тексте Правил НПП предписывающая модальность может иметь и свое эксплицитное представление, выраженное посредством определенных языковых единиц: кратких прилагательных (*должен / не должен, обязан*), наречий (*нужно, надо, необходимо, обязательно и др.*), глаголов (*надлежит, следует, полагается, стоит и др.*), существительных (*требование, необходимость, обязанность и др.*).

В формализованной записи для выражения регулирующего предписания (логический оператор «обязательно»)

в стандартном виде используется лексема *должен*. Эта лексема в русском языке составляет ядро поля долженствования и формирует номинативную конструкцию, то есть конструкцию, где семантический субъект представлен в именительном падеже и выполняет функцию подлежащего.

Требования запрещающего характера (логический оператор «запрещено»), традиционно выражаемые предикатом *не должен*, ситуационно преобразуются в высказывание с утвердительной формулировкой.

Пример 1.

Исходный смысловой фрагмент:

п. 2.3. ... Круг обязанностей персонала должен охватывать все стороны надлежащей производственной практики, однако *не должно быть необоснованного дублирования сфер ответственности*.

Преобразование:

Случаи дублирования сфер ответственности персонала производителя // *должны быть обоснованы*.

Аналогом данного преобразования можно считать антонимический перевод – лексико-грамматическую трансформацию, при которой осуществляется замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную.

Известно, что в зависимости от ракурса рассмотрения связь между предметом (явлением) действительности и его признаком может быть представлена как в утвердительной, так и в отрицательной форме, то есть данные категории являются взаимозаменяемыми. В оппозиции этих двух форм отражения действительности отрицание является маркированным членом в силу своей оформленности специальными лексико-грамматическими средствами, то есть формально оказывается более сложным. В семантическом плане отрицание также является производным, поскольку чаще всего появляется при сравнительном описании какого-либо объекта, когда есть возможность выделения не только тех признаков, которые имеются, но и тех, которые отсутствуют [Кузнецова 2016]. Говоря о коммуникативной перспективе предложения, подчеркнем, что утвердительная формулировка является более определенной, поскольку сужает поле альтернатив до одной, а отрицательная уменьшает неопределенность всего лишь на одну альтернативу, сохраняя все остальные в качестве возможных [Шатуновский 1996].

Таким образом, в результирующей формулировке предпочтение отдается утверждению как структуре, ядерной в формальном и семантическом плане, а также коммуникативно более определенной для адресата. При невозможности такого преобразования сохраняется отрицательная формулировка «не должен».

Что касается нормативных элементов разрешающего характера (логический оператор «разрешено», лексически представлены преимущественно предикатом *может*), то они в силу своей опциональности исключаются из предметной группы «Требования» и выделяются в группу «Пояснения».

2. Выражение содержания нормы права в результирующей формулировке.

Согласно заданной модели, Объект Правил НПП всегда должен занимать в результирующей формулировке позицию подлежащего. Если в исходном тексте эта позиция отличается, то применяются конверсивные трансформации, позволяющие менять в русском языке смысловой ракурс описания ситуации за счетмены направления отношений между субъектом и объектом. Среди конверсивов выделяются грамматические (соотносительные формы активного и пассивного залога) и лексические (выраженные разными словами, например, «А содержит В» = «В входит в состав А»).

В случаях, когда Объект нормы права является в действительности *субъектом* действия, он, отражая естественное положение дел, совпадает с семантическим субъектом и закономерно занимает позицию подлежащего, а в инфинитивной части сказуемого, соответствующей Требованию, используется активный залог: «должен + выполнять/выполнить».

Если Объект нормы права является в действительности *объектом* действия, а субъект действия только подразумевается или назван в другой норме права, то возникает необходимость перенести фокус на объект и поставить его на место подлежащего, для чего в инфинитивной конструкции, соответствующей Требованию, используется пассивный залог: «должен + выполняться/ быть выполнен».

Пример 2.

Исходный смысловой фрагмент:

Приложение 1, п. 82. Эффективность любого нового процесса должна быть подтверждена *при валидации, которую необходимо регулярно повторять в соответствии с планом, учитывающим график эксплуатации, а также при любом значительном изменении в процессе или оборудовании*.

Преобразование:

– Валидация // *должна регулярно повторяться в соответствии с планом, учитывающим график эксплуатации*.

– Валидация // *должна регулярно повторяться при любом значительном изменении в процессе или оборудовании*.

Зачастую в исходном тексте Правил при описании таких Объектов уже используются пассивные бессубъектные конструкции, которые специалисты в области стилистики обычно характеризуют как статичные и затрудняющие восприятие. Однако экспериментальные данные, полученные в рамках специального исследования [Сложность российских законов 2020: 54], свидетельствуют о том, что использование глаголов в страдательном залоге влияет на

усложнение понимания юридического текста меньше всего, в отличие, например, от длины предложения и количества предикативных узлов в нем.

Если исходная формулировка содержит предложение с двумя актантами, каждый из которых может выступать Объектом нормы права, то ситуационно используется наиболее подходящий из семантически эквивалентных трансформированных вариантов, либо два варианта одновременно: Объект «А» – Требование «В», Объект «В» – Требование «А».

Пример 3.

Исходный смысловой фрагмент:

п. 1.6. Должны проводиться периодические обзоры функционирования фармацевтической системы качества с вовлечением в этот процесс высшего руководства, чтобы определить возможности для постоянного улучшения продукции, процессов и самой системы.

Преобразование:

– Обзор функционирования фармацевтической системы качества производителя лекарственных препаратов // должен определить возможности для постоянного улучшения продукции, процессов и самой системы.

– Возможности для постоянного улучшения продукции, процессов и самой системы качества производителя лекарственных препаратов // должны быть определены в ходе обзора функционирования фармацевтической системы качества.

Как правило, актаны в таком предложении представляют сопоставимые понятия одного порядка, а связывающий их предикат относится к реляционному типу, то есть обозначает отношения между объектом и субъектом, разница между которыми не является принципиальной. В таких случаях конверсия позволяет сохранить смысловое тождество преобразованных высказываний и в то же время создать различие в актуальном членении предложения. Выбор смыслового ракурса описания для результирующей формулировки определяется экспертом в предметной области. В большинстве случаев трансформация исходного фрагмента предусматривает сохранение обоих вариантов.

Актаны и предикаты могут быть представлены в исходном тексте не только развернутой пропозицией (на нее указывают имя и глагол в роли подлежащего и сказуемого соответственно), но и в свернутом виде, а именно 1) причастными, 2) деепричастными, 3) адъективными оборотами, 4) словосочетаниями или словами с предикативной семантикой. Для формализованной записи такие пропозиции преобразуются в развернутые, где предикат выражается глаголом.

3. Преобразование формулировок, содержащих явления неопределенности.

Если правовая норма содержит явления неопределенности, то при преобразовании неопределенность по возможности устраняется, либо добавляется Требование, в соответствии с которым область неопределенности должна быть детерминирована правопреемником в процессе действия права.

Неопределенность – это неотъемлемое свойство права, которое проявляется в неконкретности формы и содержания правовых явлений и имеет как негативное, так и позитивное значение [Власенко 2013].

Как дефект правового регулирования неопределенность может быть обусловлена внутренними причинами (правовая несогласованность, противоречивость норм и др.) и внешними, связанными с отступлением от логико-языковых и графических стандартов.

Во избежание негативной неопределенности при преобразовании исходных фрагментов Правил НПП, в том числе с выявленными логико-языковыми дефектами, в соответствии с результатами комплексного анализа восполняется семантическая недостаточность, добавляются необходимые конкретизаторы и сохраняется унифицированная номинация понятий.

Как позитивное свойство неопределенность элементов нормы (гипотезы, диспозиции, санкции) составляет условие гибкости и точности правового регулирования, поскольку предоставляет свободу выбора наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения правопреемника вариантов решения, учитывая, таким образом, динамику развития общественных отношений. Это отражается, в свою очередь, на структуре нормы права и позволяет выделить с учетом критерия определенности абсолютно-определенные и относительно-определенные диспозиции [Власенко 2013].

Одним из признаков относительно-определенных диспозиций, с лингвистической точки зрения, можно считать появление в тексте хеджей (средств выражения нечеткости), в числе которых, например, неопределенное местоимение *некоторый*, вводные конструкции *по возможности*, *как правило*, существительные с семантикой вероятности *случай*, *возможность* и др. В целях сохранения «вкраплений» диспозитивной свободы и свободы усмотрения для правопреемника исходные формулировки с данными выражениями преобразуются в формулировки, требующие перехода к определенности в процессе реализации права: в качестве Объекта выделяется область неопределенности, в качестве Требования - переход к определенности в процессе реализации права.

Пример 4.

Исходный смысловой фрагмент:

п. 1.6. Должны проводиться периодические обзоры функционирования фармацевтической системы качества с вовлечением в этот процесс высшего руководства, чтобы определить возможности для постоянного улучшения продукции, процессов и самой системы.

Преобразование:

Возможности для постоянного улучшения продукции, процессов и самой системы качества производителя лекарственных препаратов // должны быть определены в ходе обзора функционирования фармацевтической системы качества.

Таким образом, главной задачей при преобразовании текста нормативно-правового акта на естественном языке в базу данных методом системной реконструкции является обеспечение семантической эквивалентности исходной и преобразованной текстовой информации. Для этого отправной точкой всех преобразований служит семантический уровень. В результате анализа пропозиций выявляются семантические единицы, соответствующие Объектам и Требованиям Правил НПП. На этапе синтеза им дается языковое выражение, при котором означающим Объекта является именная группа, а означающим Требования – глагольная, что дает возможность их последующего объединения в предложение согласно модели формализованной записи.

Заключение

Информационно-технологическое развитие правовой системы создает на практике потребность в эффективных методах преобразования текстов правовых актов на естественном языке в базу данных. Перспективным для решения такой задачи представляется метод системной реконструкции норм права. Его преимуществом является комплексный междисциплинарный подход, объединяющий правоведение, предметную профессиональную экспертизу и лингвистику, что обеспечивает высокое качество преобразованных данных.

Лингвистическая наука в целом и такие ее направления, как семантический синтаксис и трансформационная грамматика, в частности обеспечивают надежную основу для моделирования процессов преобразования. Более того, средства семантического синтаксиса, в отличие от аппарата математической логики, оказываются более гибким и удобным инструментом для создания модели формализованной записи нормы права. Практическая апробация предложенной формализованной записи, свидетельством которой является действующая Экспертная фармацевтическая нормативно-правовая система «ФАРМИ», подтверждает выдвинутое О. Ю. Рыжковым и Л. К. Бобровым теоретическое предположение о принципиальной возможности создания такой записи для правовых актов [Рыжков, Бобров 2013], а также доказывает эффективность лингвистического подхода в решении данной задачи.

С учетом факторов, затрудняющих однозначное и непротиворечивое истолкование нормативно-правового материала, можно заключить, что на сегодняшний день качественное и предсказуемое преобразование текста нормативно-правового акта на естественном языке в базу данных возможно лишь в режиме ручного проектирования с привлечением знаний и экспертного опыта человека (что коррелирует с выводом, полученным С. А. Гудковой и М. В. Дайнеко в результате обзора современных методов лингвистического анализа текста [Гудкова 2020]). Экспертный подход обеспечивает процессы понимания, то есть деятельность на уровне плана содержания и семантики, а именно: выявление смысловых элементов, соответствующих объектам и требованиям технического нормативно-правового акта (этап анализа), и их последующее стандартизованное выражение средствами естественного языка (этап синтеза).

Обобщение практического опыта реконструкции Правил НПП позволило выделить типовые семантические задачи, которые решает эксперт на этапе синтеза. Применение на данном этапе правил трансформационной грамматики позволяет обеспечить семантическую эквивалентность исходной и преобразованной текстовой информации в рамках описываемого метода.

В перспективе метод системной реконструкции в своем лингвистическом аспекте дает основу для дальнейшей работы в области совершенствования языка технических нормативно-правовых актов и может быть оценен как одна из стратегий повышения удобочитаемости, точности, непротиворечивости, однозначности и доступности правовых норм.

Литература

- Александров А. В. Хитросплетения фармацевтической терминологии / Промышленное обозрение. Фармацевтическая отрасль. – 2012. – № 4 (33). – С. 128–131.
- Баранов В. М., Белов В. А., Александров А. С., Баранова М. В. Философские основы соотношения языка права и текста закона / Философия права. – 2002. – № 1(5). – С. 5–14.
- Борисова Л. И. Лексические проблемы письменного научно-технического перевода (материалы к экспериментальной программе по курсу «Теория и практика научно-технического перевода. Английский язык») / Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. – 2018. – № 2 (22) – С. 7–13.
- Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения / Журнал российского права. – 2013. – № 2(194). – С. 32–44.
- Воронин М. В., Авраменко А. В., Белоус А. А. Системная реконструкция норм права: потребности, методология, перспективы / Юридический мир. – 2022. – № 9. – С. 30–38.
- Гаврилова Ю. А. Юридическая интерпретация в российском праве: единство методологического и деятельностного подходов / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2019. – Т. 23. – № 2. – С. 200–218.

- Гудкова С. А., Дайнеко М. В. Аналитический обзор современных методов лингвистического анализа текстов: тенденции и перспективы / Научный вектор Балкан. – 2020. – Т. 4. – № 3(9). – С. 57–60.
- Дединкин А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретическая наука / Вестник Кемеровского государственного университета. – 2021. – Т. 23. – № 1(85). – С. 220–228.
- Козеренко Е. Б. Лингвистические аспекты информатики / Системы и средства информатики. – 2006. – Т. 16. – № 3. – С. 88–111.
- Коржавых Э. А., Мошкова Л. В. Методика упорядочения фармацевтической терминологии / Экономический вестник фармации. 2002. – № 8. – С. 55–64.
- Кузнецова А. А. Утверждение и отрицание в их категориальных взаимосвязях / Преподаватель XXI век. – 2016. – № 1–2. – С. 357–366.
- Лизикова И. И. Полисемия в юридическом языке / Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 6. – С. 108–113.
- Рыжков О. Ю. Формализованная запись нормативных документов для компьютерной обработки / Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2013. – № 5. – С. 7–14.
- Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / Н. Л. Григорьева, А. В. Кнутов, С. М. Плаксин [и др.]; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт государственного и муниципального управления. М., 2020.
- Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996.
- Chomsky N. Syntactic Structures. S'-Gravenhage, 1957.
- Immel B. K. A brief history of the GMPs for pharmaceuticals / Pharmaceutical Technology. – 2001. – Vol. 25. – No. 7. – P. 44.

References

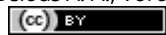
- Aleksandrov, A. V. (2012). Intricacies of pharmaceutical terminology. *Industrial Review. Pharmaceutical industry*, 4 (33), 128-131 (in Russian).
- Baranov, V. M., Belov, V. A., Aleksandrov, A. S., Baranova, M. V. (2002). Philosophical foundations of the relationship between the language of law and the text of the law. *Philosophy of Law*, 1(5), 5-14 (in Russian).
- Borisova, L. I. (2018). Lexical problems of written scientific-technical translation (materials to the experimental program for the advanced translation course "The theory and practice of scientific-technical translation (English)". *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*, 2 (22), 7-13 (in Russian).
- Chomsky, N. (1957). *Syntactic Structures*. S'-Gravenhage (in English).
- Dedinkin, A. L. (2021). Legal discourse as a multi-dimensional integrated phenomenon and legal linguistics as a syncretic science/ *Bulletin of the Kemerovo State University*, 23, 1(85), 220-228 (in Russian).
- Gavrilova, Yu. A. (2019). Legal interpretation in Russian law: the unity of the methodological and activity approaches. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*, 23, 2, 200-218 (in Russian).
- Gudkova, S. A., Daineko, M. V. (2020). Analytical review of modern methods of linguistic text analysis: trends and prospects. *Scientific vector of the Balkans*, 4, 3(9), 57-60 (in Russian).
- Immel, B. K. (2001). A brief history of the GMPs for pharmaceuticals. *Pharmaceutical Technology*, 25, 7, 44 (in English).
- Korzavykh, E. A., Moshkova, L. V. (2002). Pharmaceutical terminology streamlining methodology. *Economic Bulletin of Pharmacy*, 8, 55-64 (in Russian).
- Kozerenko, E. B. (2006). Linguistic aspects of informatics. *Systems and means of informatics*, 16, 3, 88-111 (in Russian).
- Kuznetsova, A.A. (2016). Assertion, negation and their categorical relationships. *Lecturer XXI century*, 1-2, 357-366 (in Russian).
- Lizikova, I. I. (2009). Polysemy in legal language. *Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 6, 108-113 (in Russian).
- Ryzhkov, O. Yu. (2013). Formalized record of normative documents for computer processing. *Scientific and technical information. Series 2: Information Processes and Systems*, 5, 7-14 (in Russian).
- Shatunovsky, I. B. (1996). *Sentence semantics and non-referential words (meaning, communicative perspective, pragmatics): a monograph*. Moscow (in Russian).
- The complexity of Russian laws. Syntactic analysis experience. (2020). N. L., Grigorieva, A. V., Knutov, S. M., Plaksin [and others]; National Research University "Higher School of Economics", Institute of State and Municipal Administration. Moscow: National Research University "Higher School of Economics" (in Russian).
- Vlasenko, N. A. (2013). Uncertainty in law: the nature and forms of expression. *Journal of Russian law*, 2 (194), 32-44 (in Russian).
- Voronin, M. V., Avramenko, A. V., Belous, A. A. (2022). Systematic reconstruction of legal norms: needs, methodology, prospects. *Legal world*, 9, 30-38 (in Russian).

Citation:

Белоус А. А., Воронин М. В., Авраменко А. В. Системная реконструкция норм права: лингвистический аспект // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 13-21.

Belous A. A., Voronin M. V., Avramenko A. V. (2023). Systemic Reconstruction of Legal Norms: Linguistic Aspect. Legal Linguistics, 28, 13–21.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Древнекитайские концепции правопонимания

О. Г. Моисеева¹, В. В. Русанов²

Алтайский государственный университет

пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹moi.seeva@mail.ru, ²ragomir@mail.ru

Статья посвящена исследованию политико-правовой мысли в Древнем Китае. Древнекитайские мыслители в своих работах отразили свои подходы к пониманию права. Шан Ян в «Шан цзюнь шу» («Книга правителя области Шан») рассматривает закон в качестве единственного регулятора общественных отношений. Легисты отождествляют понятие права и закона, право рассматривается как совокупность правил поведения, исходящих от государства и охраняемых им, что соответствует нормативной концепции правопонимания.

Еще один вариант правопонимания был разработан представителями даосизма. Лао-цзы в работе «Дао дэ цзин» («Книга пути и благодати») особое внимание уделил изложению своего учения о Дао как высшем законе развития вселенной, природы, общества и человека. Дао выступает как естественный закон непосредственного, прямого действия. Даосы являются сторонниками естественно-правовой концепции.

У Конфуция в работе «Лунь юй» («Беседы и суждения») в качестве основного регулятора общественных отношений выступает не дао или закон, а нормы ритуала «ли». Право не сводится к закону, а рассматривается как совокупность правоотношений и складывающийся на основе их правопорядок. Правопонимание Конфуция можно отнести к социологической концепции.

В работе Сюнь-цзы наблюдаются попытки сближения конфуцианских правил ритуала «ли» и легистского закона «фа». Складывается новое, ортодоксальное конфуцианство, которое уже полностью не отрицает закон, выступает за управление как на основе ли, так и на основе фа, при доминирующей роли ли. В Китае складывается новый тип правопонимания – интегративный или синтетический.

В статье делается вывод, что в рамках политико-правовой мысли Древнего Китая сложились различные подходы к пониманию права. После провозглашения во II до н.э. обновленного конфуцианства официальной идеологией Китая интегративный тип правопонимания становится доминирующим, как в теории, так и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: конфуцианство, легизм, даосизм, право, Древний Китай.

Ancient Chinese Concepts of Understanding Law

O. G. Moiseeva¹, V. V. Rusanov²

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹moi.seeva@mail.ru, ²ragomir@mail.ru

The article studies political and legal thought in Ancient China. Ancient Chinese thinkers in their works reflected their approaches to understanding law. Shang Yang in "Shang jun shu" ("The Book of the Ruler of the Shang Region") considers the law as the only regulator of social relations. Legalists equate the concept of law and law, law is considered as a set of rules of conduct emanating from the state and protected by it, which corresponds to the normative concept of legal understanding.

Another version of legal understanding was developed by representatives of Taoism. Lao Tzu in his work "Tao Te Ching" ("The Book of the Way and Grace") paid special attention to the exposition of his teaching about Tao as the highest law of the development of the universe, nature, society and man. Tao acts as a natural law of immediate, direct action. Taoists are supporters of the natural law concept. In Confucius' work "Lun Yu" ("Conversations and Judgments"), the main regulator of social relations is not the Tao or the law, but the norms of ritual "li". The right is not reduced to the law, but is considered as a set of legal relations, and the legal order that develops on the basis of them. Legal understanding of Confucius can be attributed to the sociological concept.

In the work of Xun Tzu, there are attempts to bring together the Confucian rules of the ritual "li" and the Legalist law "fa". A new, orthodox Confucianism is emerging, which no longer completely denies the law, but advocates management both on the basis of li and on the basis of fa, with the dominant role of li. In China, a new type of legal understanding is emerging - integrative or synthetic. The article concludes that within the framework of the political and legal thought of Ancient China, there were various approaches to understanding law. After the proclamation in II BC. updated Confucianism with the official ideology of China, the integrative type of legal understanding becomes dominant, both in theory and in law enforcement practice.

Key words: confucianism, legalism, taoism, law, ancient China.

Политико-правовая мысль зародилась и получила свое развитие еще в эпоху существования древних государств. Она сложилась на основе мифологических и религиозных представлений о человеке, обществе, государстве и праве. В Древнем Китае впервые в мировой истории в рамках исследования политико-правовых явлений возобладали рационально-социологический подход к их изучению. Вопросы государства, права, лучшего варианта управления, взаимоотношений между правителем и подданными, методов управления стали центральными в философской и политико-правовой мысли Древнего Китая. В разных странах, на различных этапах их развития сложилось большое количество научных школ, которые давали свои ответы на вопросы о происхождении, понятии и сущности права, соотношении данной категории с законом. Среди наиболее значимых подходов к пониманию права можно назвать: естественно-правовой, социологический, психологический, нормативный, исторический. И по сей день вопросы определения понятия права являются дискуссионными.

Развитие представлений о праве и законе происходило в рамках древнекитайских философских школ: даосизма, конфуцианства, легизма. Центральным понятием даосизма является Дао. Учение о Дао было изложено в труде «Дао дэ цзин» («Книга пути и благодати»), автором которого считают Лао-цзы. В состав иероглифа Дао входит две части: шоу – голова и цзоу – идти. Основное значение данного иероглифа – дорога, по которой идут люди. Другими вариантами перевода Дао является «слово», «повиновение», а в философском смысле «истина», императивный долг [Конисси 1999: 405]. В даосизме значение Дао наполнилось более широким смыслом. Дао – это и причина существования, и закон развития всего, что существует в мире: Вселенной, природы, общества и человека.

Дао рассматривается как высший всеобщий мировой закон. «Дао – вот самое высшее в мире... ведь оно не подчиняется ничьим указаниям и неизменно следует само по себе. Воистину все происходит из дао...» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 130]. Качество Дао как высшего закона проявляется и в том, что Дао первично по отношению к правителям и даже по отношению к небесному владыке. «Я не знаю, чье оно порождение, я лишь знаю, что оно предшествует небесному владыке» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 116]. Выстраивая иерархию законов в мире и определяя положение Дао, Лао-цзы писал, что: «Человек следует (законам) земли. Земля следует (законам) неба. Небо следует (законам) дао, а дао следует самому себе» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 122].

Одними из основополагающих принципов, которые должны были соблюдаться для достижения этического идеала даосов, были принципы цзы жань – «спонтанности, естественности» и у вэй – «недеяния». Данное положение также применимо и для регулирования общественных отношений. «Дао постоянно осуществляет недеяние, однако нет ничего такого, чтобы оно не делало» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 126].

Лао-цзы отрицательно относился к управлению на основе правил поведения (ритуала). «Ритуал – это признак отсутствия доверия и преданности. [В ритуале] – начало смуты» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 126]. Даосы выступали против активной целеполагающей деятельности, всего того, что не соответствует принципам естественности и недеяния, в том числе негативно относились к законодательству как средству регулирования поведения людей. Лао-цзы считал, что законы способствуют росту преступности и социальной напряженности. Он выступал против писаного законодательства и позитивного права. «Когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным... Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 132]. А. Э. Черноков рассматривает Дао как высший источник естественного права. «Небо и Дао как высшие источники естественного права формируют с помощью этического постулата основные нормы поведения и правового регулирования. Основная функция этих правил заключается во всеобъемлющем социальном контроле и повседневном регулировании поведения» [Черноков 2007: 149].

Взгляды даосов на понятие права можно рассматривать как вариант концепции естественного права. В даосизме ничего не говорится о позитивном праве, законах, но подчеркивается огромное значение Дао как регулятора, в том числе и общественных отношений. Дао выступает как естественный закон прямого, непосредственного действия. Даосизм не оказал серьезного влияния на правоприменительную практику, но вместе с тем повлиял на понимание права и его роли в жизни каждого жителя Поднебесной.

Еще один вариант правопонимания был представлен в работе величайшего китайского мыслителя Конфуция. Для Конфуция главным средством поддержания порядка в обществе служит соблюдение традиций, норм морали и нравственности. При этом именно нравственное поведение, соблюдение правил гораздо важнее, чем исполнение закона. В своем поведении человек должен, прежде всего, исходить из стремления к миру и поддержанию гармонии, а не из соблюдения закона. С точки зрения Конфуция общественные отношения должны регулироваться не законом, а нормами ли. «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, народ будет стремиться уклоняться от наказаний и не будет испытывать стыда. Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 143]. В основе управления государством, согласно взглядам Конфуция, должна лежать добродетель, которая рассматривается им как «обширный комплекс этико-правовых норм и принципов, с помощью которых регулируются отношения в семье» [Нерсисянц 1983: 58]. Сложившиеся в рамках семьи нормы и принципы получают распространение и становятся регуляторами всей совокупности отношений в обществе.

Главное место в совокупности этических, правовых норм и принципов занимают ли. Ли рассматриваются также как церемонии, этикет, каноны поведения. Характеризуя ли, Л. Ф. Федорова пишет, что ли – это «правила поведения, социальная норма, ритуально оформленный моральный кодекс» [Федорова 2015: 76]. Л. С. Переломов рассматривает ли как «систему морально-этических принципов, норм поведения, которые должны соблюдать все жители Поднебесной» [Книга правителя

области Шан 1993: 61]. В. А. Рубин рассматривает ли не только как правила вежливого поведения, но и религиозный ритуал, ритуал управления. «Соблюдение ли означало не только выполнение определенных правил; в понимании Конфуция сюда входило и принятие ценностей, в этих правилах воплощенных» [Рубин 1972: 15]. Еще один вариант понимания ли предлагает В. М. Рыбаков: «Ли – моральные устои и обусловленное ими поведение» [Рыбаков 1999: 9]. Ли имеют и правовое наполнение. Н. Н. Деев пишет, характеризуя ли: «это не только правовые обычаи и обрядность, этикет и ритуал, внешние формы человеческого поведения» [Политические учения 1976: 174]. И еще: «Ли в учении Конфуция выполняло функцию права в установлении порядка и контроля над поведением» [Политические учения 1976: 178].

Характеризуя роль ли как регулятора общественных отношений, Л. С. Переломов писал: «Основой официального конфуцианства стали модернизированные правящей элитой правила – ли, игравшие большую роль в жизни общества и государства, нежели закон и право» [Конфуцианское «Четверокнижие» 2004: 48].

В отличие от сторонников даосизма, Конфуций считал, что Дао не управляет миром человека непосредственно. Для достижения гармонии необходимы правила правильного поведения – ли [Скаун 2008: 396]. Правила ритуала ли тесно связаны с обычным правом, базируются на нем. Но вместе с тем ли не являлись обычным правом, ли не были и законом. Важным отличием ли от обычного права и закона было отсутствие санкций, наказания за их несоблюдение [Кычанов 1988: 299]. Вместе с тем как закон, так и ли обладали обязательностью их соблюдения. Конфуций отмечал: «На то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть; то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать; то, что не соответствует ритуалу, нельзя говорить; то, что не соответствует ритуалу, нельзя делать» [Древнекитайская философия Т.1. 1972: 159]. В рамках конфуцианского подхода к регулированию общественных отношений закон вступает в действие только в случае нарушения правил ли и необходимости применения санкций к преступникам.

Еще одним отличием ли от закона является то, что ли санкционированы обществом и признаны большинством населения в ходе длительного периода его развития, законы же приняты и санкционированы государством. В рамках сохраняющихся общинных порядков большую роль играла сила личного нравственного примера вышестоящих (правителей, чиновников, глав общин) по отношению к нижестоящим (простому народу). Конфуций подчеркивал, что и правитель в своей деятельности должен руководствоваться нормами ли. «Если в верхах любят ритуал, то в народе нет таких, кто бы осмеливался не проявлять почтительности» [Древнекитайская философия Т. 1. 1972: 162].

И. И. Кальной относит даосское и конфуцианское правопонимание к естественно-правовому подходу в правопонимании. «Конфуцианско-даоская система ценностей и норм обрела на практике характер естественного права, что существенно отличает ее от западного аналога, где доминирует позитивное право» [Кальной 2006: 102]. Стойки зрения противопоставления данных концепций юридическому позитивизму, этот вывод справедлив. Вместе с тем правопонимание Лао-цзы и Конфуция имеет существенные отличия. Если у Лао-цзы Дао – естественный закон, то Конфуций выступает за регулирование общественных отношений на основе правил поведения, норм ритуала – ли, тем самым конфуцианское правопонимание можно отнести к социологическому направлению.

Еще один, наиболее известный вариант правопонимания был представлен китайской школой законников (фа цзя), в европейской традиции легистов. Китайский язык использует иероглиф фалюй, который переводится как «закон, право, правовой, юридический», в котором главная смысловая нагрузка принадлежит «фа». Вероятнее всего, первоначально иероглиф фа понимался как «образец, норма». В дальнейшем иероглиф стал переводиться как «закон, право» (также «правило, метод») [Королева 2021: 99].

Категория фа получила наибольшую разработку в творчестве легистов. Вместе с тем данное понятие встречается в трудах представителей и других философских школ Древнего Китая. В даосизме у Лао-цзы фа рассматривается как «образец», в моизме у Мо-цзы – «метод». Для Конфуция важнейшим является принцип ли чжи, то есть управления на основе ритуала – ли, тем самым подчеркивается, что в основе управления должен лежать не закон, а нравственное воздействие на общество. В трактате Шан Яна фа – это «закон». У Хань Фэй-цзы фа понимается как «писанные юридические определения («сборники писаний, в которых установлены чины и учреждения, с тем, чтобы упорядочить “сто фамилий”, т. е. жизнь народа)» [Духовная культура Китая 2006: 460].

Еще одним близким по смыслу к иероглифу фа «закон» является понятие син – «наказание». До периода Чуньцю (VIII-V вв. до н. э.) между данными иероглифами различий не было, они были тождественны по смыслу. В период кризиса Чжоуской государственности и борьбы за образование первой централизованной империи Цинь (V-III вв. до н. э.) новая модель управления на основе законов приобретает все большую популярность, что приводит к тому, что иероглиф фа начинает рассматриваться в широком и узком смысле. В узком смысле фа – это «наказание», в широком – «законодательство», «правовая система», «право».

Для легизма характерно признание правом страны только законов, принятых правителем. Следовательно, можно считать концепцию законников ярким примером юридического позитивизма. Легисты, в противовес управлению на основе норм ли (конфуцианство), считали, что общественные отношения должны регулироваться исключительно законами (фа). В «Книге правителя области Шан» Шан Ян раскрывает и обосновывает новую модель управления государством на основе законов и суровых наказаний. «Закон и предписания - жи знь народа и основа управления страной, они оберегают права народа» [Книга правителя области Шан 1993: 237].

Законы должны быть единообразными и обязательными для всех жителей Поднебесной. Творцом законов является правитель - дес пот. Шан Ян считает, что и правитель должен соблюдать законы. «Умный правитель относится бережно к законам и установлениям. Он не внимает рассуждениям, противоречащим законам; он не превозносит действий, противоречащих закону; он сам не совершает поступков, противоречащих закону. Он должен внимать рассуждениям, соответствующим законам; он должен превозносить действия, соответствующие закону; он должен увязывать свои поступки с законом» [Книга правителя области Шан 1993: 228].

Понятие Дао и ли встречается и в творчестве Шан Яна. Он говорит: «для возвышения правителя существует путь Дао, но удерживается господство различными способами (ли)» [Книга правителя области Шан 1993: 177].

Шан Ян отвергал принцип управления, выработанный в конфуцианстве. Он считал, что правитель при управлении государством должен руководствоваться только законами, а не правилами ли. «Мудрый творит законы, а глупый ограничен ими; одаренный изменяет ли, а никчемный связан ли. С человеком, который связан ли, не стоит говорить о делах; с человеком, который ограничен старыми законами, не стоит говорить о переменах» [Книга правителя области Шан 1993: 140]. «Основой для людей является закон. Поэтому если умелый правитель при помощи закона ограждает людей от проступков, то слава и земли приходят к нему» [Книга правителя области Шан 1993: 210].

Шан Ян считал, что законы должны быть написаны ясным языком, быть понятными для простых людей, базироваться на обычаях и традициях народа.

В легизме наблюдается резкое противопоставление законов иным формам социальной регуляции. Школа фа цзя отрицала иные варианты правопонимания, которые были выработаны в рамках даосизма, конфуцианства, моизма. Для данных школ в целом было характерно подчеркивание истоков, природы, роли и значение социальных норм и правил поведения в регулировании общественных отношений, тогда как легизм признавал исключительно закон как единственный социальный регулятор.

Китайский мыслитель Сюнь-цзы предложил в своей работе «Сюнь-цзы» еще один вариант правопонимания. Он подчеркивал большое значение правил поведения – ли для управления государством, и одновременно настаивал на уважительном отношении к закону. Наблюдается попытка сближения закона и правил поведения. «Благодаря ли ограничивается хорошее и скверное и проявляются в нужное время радость и гнев. Благодаря ли повинуются низы и проявляют мудрость верхи. Благодаря ли удается избежать беспорядка в этом непрерывно меняющемся мире. Горе тому, кто нарушит ли. Не является ли ли высшим принципом вселенной?» [Древнекитайская философия Т.2. 1973: 178]. Можно согласиться, что фактически ли становится законом. Сюнь-цзы считал, что если нарушается ли, то не соблюдается и закон.

Сюнь-цзы пишет о возможном применении норм закона и правил поведения в зависимости от поведения человека. Для регулирования правомерного поведения используются правила ли, для неправомерного – нормы фа. «Великий долг в управлении делами [государства] состоит в следующем: того, кто приходит с добрыми намерениями, следует встречать в соответствии с нормами ритуала; того же, кто приходит не с добрыми намерениями, следует встречать законами об уголовных наказаниях» [Древнекитайская философия Т.2. 1973: 150].

Сюнь-цзы пытался усовершенствовать систему регулирования общественных отношений, выстроив новый вариант взаимодействия ритуалов, обычаев и законов. Сюнь-цзы подчеркивал тесную взаимосвязь ли и фа. Он рассматривал правила ли как основу законов. Законы должны соответствовать по своему содержанию положениям ли, и должны регулировать отношения между аристократией и народом, отношения между аристократией должны строиться исключительно на соблюдении ли. У Сюнь-цзы были последователи, которые также выступали за управление как на основе ли, так и на основе фа, подчеркивали значение как морального воздействия, так и наказания. Можно говорить о том, что в творчестве Сюнь-цзы и его последователей сложился новый вариант правопонимания – комплексный или синтетический, интегративный.

В период правления династии Хань происходит постепенное слияние двух противоборствующих концепций конфуцианства и легизма. При императоре У-ди (156-87 гг. до н. э.) обновленное конфуцианство становится официальной идеологией Китая. Конфуцианство перенимало идеи легизма, ставившие закон на службу государственных властей. Выраженные в ли конфуцианские заповеди становятся нормами права фа.

Социальные нормы ли, благодаря мощному авторитету Конфуция, становятся императивными. Процесс взаимного проникновения ли и фа был длительным. Сохранение уважительного отношения к ли было связано с их традиционностью, многовековым периодом их существования, моральное осуждение за их несоблюдение было более эффективным, чем наказание за несоблюдение фа. Происходит процесс постепенной конфуцизации закона, в китайское законодательство вносятся многие конфуцианские постулаты, тем самым приобретая силу закона [Книга правителя области Шан 1993: 111].

Окончательно представление об управлении как с помощью ли, так и с помощью фа сложилось в период III-VI вв. Профессор Линь в 1967 г. высказался следующим образом о соотношении ли и фа: «То, что наказуемо по закону, не может быть позволено и по ли, а то, что позволено по ли, естественно, не может быть наказуемо и по закону».

Раскрывая особенности китайского правопонимания, А. И. Ковлер отмечает, что порядок в семье, обществе и государстве должен поддерживаться с помощью ритуала. Законы же способствуют уменьшению добродетели, идущей от человека. Таковы основные постулаты китайского правопонимания, заложенные конфуцианством и даосизмом и отводящие центральное место в правоприменительной практике Человеку, а не Закону [Ковлер 2020: 2].

Древнекитайские мыслители разработали несколько подходов к понятию права и соотношению данной категории с законом. Наиболее известным типом правопонимания в Китае стал юридический позитивизм, который рассматривал право исключительно в узком смысле, как совокупность законов. В творчестве Лао-цзы представлена естественно-правовая концепция. Конфуций и его последователи отводили главную роль в регулировании общественных отношений правилам ритуала – ли, и являлись сторонниками социологического типа правопонимания. Сюнь-цзы – яркий представитель нового конфуцианства, признавал значение и ли, и фа как регуляторов общественных отношений, его тип правопонимания – комплексный, синтетический, интегративный.

В 136 г. до н. э. при императоре У-ди конфуцианство (уже обновленное, ортодоксальное) было провозглашено государственной идеологией Китая. С точки зрения правопонимания возобладал синтетический подход к понятию права, что нашло отражение как в законодательстве, так и в правоприменительной практике.

Литература

- Древнекитайская философия. Т.2. М., 1973.
Духовная культура Китая. М., 2006.
Кальной И. И. Философия права. М., 2006.
Книга правителя области Шан. М., 1993.
Ковлер А. И. Антропология права. М., 2020.
Конисси Д. Дао: гармония мира. М., Харьков, 1999.
Конфуцианское «Четверокнижие». М., 2004.
Королева О. А. Процесс формирования и развития иероглифа фа («право») в китайской культуре / Вестник Института востоковедения РАН. - 2021. - № 4. – С.97-107.
Кычанов Е. М. Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988.
Нерсесянц В. С. Право и закон. М., 1983.
Политические учения: История и современность. Домарксистская политическая мысль. М., 1976.
Рубин В. А. Идеология и культура Древнего Китая. М., 1972.
Рыбаков В. М. Уголовные установления Тан с разъяснениями. СПб., 1999.
Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение. Киев, 2008.
Черноков А. Э. Введение в сравнительное правоведение. СПб., 2007.
Федорова Л. Ф. Философия Древнего Востока. М., 2015.

References

- Ancient Chinese philosophy. (1972). Vol.1. Moscow (in Russian).
Ancient Chinese philosophy. (1973). Vol. 2. Moscow (in Russian).
Chernokov, A. E. (2007). Introduction to comparative law. St. Petersburg (in Russian).
Confucian "Tetrabook". (2004). Moscow (in Russian).
Conissi, D. (1999). Tao: harmony of the world. Moscow, Kharkov (in Russian).
Fedorova, L. F. (2015). Philosophy of the Ancient East. Moscow (in Russian).
Kalnoy, I. I. (2006). Philosophy of law. Moscow (in Russian).
Koroleva, O. A. (2021). The process of formation and development of the hieroglyph fa ("law") in Chinese culture. Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 4, 97-107 (in Russian).
Kovler, A. I. (2020). Anthropology of law. Moscow (in Russian).
Kychanov, E. M. (1988). Ethics and ritual in traditional China. Moscow (in Russian).
Nersesyants, V. S. (1983). Right and law. Moscow (in Russian).
Political doctrines: History and modernity. Pre-Marxist political thought. (1976). Moscow (in Russian).
Rubin, V. A. (1972). Ideology and culture of Ancient China. Moscow (in Russian).
Rybakov, V. M. (1999). Tang criminal regulations with explanations. St. Petersburg (in Russian).
Skakun, O. F. (2008). General Comparative Law. Kyiv (in Russian).
Spiritual culture of China. (2006). Moscow (in Russian).
The book of the ruler of the Shang region. (1993). Moscow (in Russian).

Citation:

Моисеева О. Г., Русанов В. В. Древнекитайские концепции правопонимания // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 22-26.

Moiseeva O. G., Rusanov V. V. (2023). Ancient Chinese Concepts of Understanding Law. Legal Linguistics, 28, 22–26.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Критика текстов законодательных актов Российской Империи в политико-правовом творчестве Н. М. Ядринцева

А. В. Головинов¹, Ю. В. Головинова²

¹*Алтайский государственный университет*

пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Алтайский государственный педагогический университет*

ул. Молодежная, 55, 656035, Барнаул, Россия. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

Публикация посвящена проблеме анализа некоторых законодательных актов имперской России в политико-правовой идеологии областников. Осуществлена попытка показать многообразие апелляции в языке областнической доктрины к законодательству и юридическим терминам. Выявлено, что представители движения сибирского областничества весьма избирательно подходили к анализу текстов нормативно-правовых актов Российской Империи, что было обусловлено их интересами к конкретным проблемам.

Авторами установлено, что, анализируя различные постановления правительства о соразмерности наказания и уменьшении ссылки, такие как Указы 1811 и 1821 гг., а также Устав 1822 г. о ссыльных, сибирский мыслитель оценивал систему наказаний как неудовлетворительную. Отношение к этому виду уголовного наказания в среде ученых правоведов второй половины XIX века было неоднозначным.

Акцентируется внимание на том, что применение передовых взглядов ученых-юристов очень часто приходится наблюдать в политико-правовой идеологии областничества. Например, Н. М. Ядринцев ссылался на положения международного тюремного конгресса в Стокгольме.

Авторы приходят к выводу о том, что текстуальный разбор законодательства областниками в сфере пенитенциарной политики государства, в том числе проблемы ссылки и содержания осужденных, позволял вкуче с отсылками к доктрине права всесторонне подходить к решению тех или иных политико-правовых проблем.

Ключевые слова: законодательные акты, Российская Империя, сибирское областничество, правовые учения, ссылка, пенитенциаристика, Н. М. Ядринцев.

Criticism of Texts of Legislative Acts of the Russian Empire in the Political and Legal Work of N. M. Yadrintsev

A. V. Golovinov¹, Yu. V. Golovinova²

¹*Altai State University*

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: alex-golovinov@mail.ru

²*Altai State Pedagogical University*

55 Molodyozhnaya st., 656035, Barnaul, Russia. E-mail: yu.golovinova@mail.ru

The publication concerns the problem of analysis of some legislative acts of imperial Russia in the political and legal ideology of the regionalists. An attempt has been made to show the diversity of references in the language of the regional doctrine to legislation and legal terms. It is shown that representatives of the Siberian regionalism movement were very selective in their analysis of the texts of legal acts of the Russian Empire, which was due to their interests for specific problems.

The authors found that while theoretically analyzing various government decrees on the proportionality of punishment and reduction of exile, such as Decrees of 1811 and 1821, as well as the Charter of 1822 on exiles, the Siberian thinker assessed the system of punishments as unsatisfactory. The attitude to this type of criminal punishment among legal scholars of the second half of the XIX century was ambiguous.

It is emphasized that the application of progressive views of legal scholars is very often observed in the political and legal ideology of regionalism. For example, N. M. Yadrintsev referred to the provisions of the International Prison Congress of Stockholm.

The authors comes to the conclusion that the textual analysis of the legislation by the regionalists in regard to the penitentiary policy of the state, including the problem of exile and maintenance of convicts, together with references to the doctrine of law, made it possible to comprehensively approach the solution of certain political and legal problems.

Key words: legislative acts, Russian Empire, Siberian regionalism, legal teachings, exile, penology, N. M. Yadrintsev.

Политико-правовая идеология сибирского областничества с момента своего генезиса отличалась многоаспектностью. Не будучи профессиональными юристами, сибирские общественные деятели с пристрастием анализировали некоторые законодательные акты царизма. Потому в языке областнической идеологии можно наблюдать использование юридических терминов и понятий. Закон, право, указ, устав, приказ, узаконение и другие дефиниции присущи лексико-терминологическому аппарату областников. Однако представители движения сибирского областничества весьма избирательно подходили к анализу текстов нормативно-правовых актов Российской Империи, что было обусловлено их интересом к конкретным проблемам. Это, прежде всего, тематика ссылки как вида уголовного наказания и проблематика содержания осужденных.

В настоящее время в среде ученых разнообразных гуманитарных направлений можно наблюдать стабильный интерес к политико-правовой идеологии сибирского областничества. Прежде всего, можно выделять работы В. А. Должикова [Должиков 2018], Л. М. Дамешека [Дамешек 1981], М. В. Шиловского [Шиловский 2021], А. В. Малинова [Малинов 2012], А. А. Иванова [Иванов 2009], А. Э. Зайнутдинова [Зайнутдинов 2011], Ю. Б. Костяковой [Костякова 2019], Т. Н. Емельяновой [Емельянова 2004], И. Г. Чередниченко [Чередниченко 2004], А. Г. Кандеевой [Кандеева 2001].

Итак, анализируя различные постановления правительства о соразмерности наказания и уменьшении ссылки, такие как Указы 1811 и 1821 гг., а также Устав 1822 г. о ссыльных, в научно-исследовательском стиле сибирский областник Н. М. Ядринцев оценивал систему наказаний как неудовлетворительную. Интерес юридического сообщества явно вызывал богатейший фактический и статистический материал о вреде ссылки и неэффективности ее в связи с несоразмерностью преступления и наказания. Отношение к этому виду уголовного наказания в среде ученых правоведов вт. пол. XIX было неоднозначным.

В конечном счете, на основе анализа нормативного регулирования в сфере тюремоведения была издана в Петербурге в 1872 году книга сибирского областника «Русская община в тюрьме и ссылке». Она давала некоторые ответы на разнообразные вопросы науки и практики тюремоведения вт. пол. XIX столетия. Как известно, в кругах юристов, которых волновали проблемы исполнения наказания, этот фундаментальный труд был в ходу.

В целом сибирских областников, разделявших положения исторической школы права, всегда занимала история тех или иных актов. Обращение к исторической ретроспективе помогало подобрать ключ к современному правовому состоянию. Н. М. Ядринцев обнаруживал первые попытки законодательного регулирования ссылки. «О ссылке в Сибирь, – писал он, – упоминается в первый раз в Уложении 1648 г: ею велено карать тяглых московских и городских людей за самовольную приписку к разным лицам и учреждениям». Областник находит объяснение такому подходу законодателя. По его мнению, эта мера была вызвана стремлением тяглых и податных людей, которые, чтобы избежать уплаты налогов, переходили в частную зависимость, закладывались за патриарха, монастыри, за бояр, и под их покровительством торговали и промышляли разными промыслами, не платя податей [Ядринцев 1870: 209].

Также в фокус внимания мыслителя попадали и акты подзаконного характера. В частности, чтобы составить статистические сведения о положении ссыльных в Сибири, он анализирует современный ему Приказ о ссыльных вт. пол. XIX в.

«Единственные сведения, – сожалел Н. М. Ядринцев, – которыми у нас привыкли руководствоваться, это только цифры Приказа о ссыльных, дающие знать, сколько уголовных преступников прошло через рубеж Урала из России в Сибирь. За этим рубежом, спустя момент перехода, как о числе, так и о положении ссыльных мы уже не имеем никаких сведений; самые ведомости Приказа о ссыльных – о количестве ссылки за прошлые годы, далеко не были полны, а цифры Приказа не были разрабатываемы и публикуемы» [Ядринцев 2000: 173].

В целом детальный разбор нормативной базы в сфере ссылки приводил к умозаключению о том, что подобный вид наказания нецелесообразен и требует отмены. Особенно в современном для Н. М. Ядринцева обществе, то есть в XIX столетии, проблематика ссылки связывалась им с несоразмерностью наказания. «Устав 1822 о ссыльных, – писал он, – формулирует еще более постепенность и предполагает ссылку только по суду, в крайнем случае. Но, несмотря на эти стремления, судьба русской ссылки подвергается совершенно противоположной участи. Уже с начала XIX столетия мы видим необыкновенное увеличение числа ссыльных» [Ядринцев 1870: 227]. Как видно, ядринцевский концепт отмены ссылки, обличение ее химерной природы и многообразных патологий основательно вписывался в контекст общих уголовно-правовых дискуссий «эпохи освобождения».

Также, опираясь на тексты тюремных инструкций и прежде всего на правовую доктрину в сфере тюремоведения, сибирский общественный деятель констатирует некоторые пробелы в правовом регулировании содержания осужденных в пенитенциариях Российской Империи. Он решительно выступает против одиночных камер. Н. М. Ядринцев констатирует болезненно-раздражительное состояние подследственных и заключенных в «одиночках». Логично возникал вопрос об исправительном значении такого содержания заключенных. Николай

Михайлович высказывал мысль о том, что правонарушители, содержащиеся в условиях одиночного заточения, только огрублялись и ресоциализировались. «Преступники грубые и неразвитые, – пришел к выводу областник, – сидевшие долго в уединении на цепи, являлись впоследствии еще озлобленнее и беспощаднее, из них выходили самые страшные мстители и убийцы. Это можно видеть из жизни многих наших каторжных, сживавших на цепи. Долгое уединение воспитывало желчными и озлобленными даже людей развитых...» [Ядринцев 1869: 61].

Как видим, гуманизм политико-правового творчества Н. М. Ядринцева выражался вообще в безмерно высоком представлении о человеческой природе. Такой антропологизм побуждал сибирского областника определить собственно факт наличия мотивов преступлений и личности самих преступников. Противоправность областник связывал со злом. Причины существования такого зла заключены, по мнению Н. М. Ядринцева, не в самой человеческой природе как таковой, а в нечеловеческих и противочеловеческих общественных условиях, которые негативно воздействуют на развитие человеческих качеств. Социальная несправедливость и сословный строй с привилегиями являются источниками преступлений. Нищета и отчаянное положение толкает на преступления бедняков. Но и высшие классы тоже склонны к преступлениям, несмотря на их более высокое положение в обществе и материальный достаток. Представители этих классов склонны к нарушению чужих прав, особенно прав людей, стоящих ниже на социальной лестнице. Лидер движения областников констатировал: «Для всестороннего знакомства с преступлением и преступником одинаково необходимы, как исследования зависимости человека от внешних условий, так и обстоятельное изучение индивидуального характера личности, раскрывающее ту силу упругости, какая дана человеку для сопротивления этим неблагоприятным внешним условиям. Изучение человеческих характеров должно замыкать круг общего научного исследования причин преступлений. А так как уголовная статистика в объяснении преступлений нисходит от общего к частному, то исследование индивидуальных преступлений, идя, наоборот, от частного к общему, будет служить проверкой общих и конечных выводов» [Ядринцев 1872: 162].

Подводя итоги, отметим, что областнической политико-правовой идеологии, представленной в трудах Н. М. Ядринцева и его соратников, был присущ акцент на критическом анализе современной ему системы нормативно-правовых актов. Текстуальный разбор законодательства в сфере пенитенциарной политики государства, в том числе проблемы ссылки и содержания осужденных, позволял вкупе с отсылками к доктрине права всесторонне подходить к решению тех или иных политико-правовых проблем. Радикальное отрицание ссылки как не эффективной формы наказания в наследии Н. М. Ядринцева полностью было основано на анализе текстов нормативных положений. Также базовой константой в пенитенциарных воззрениях сибирского областника выступает идея решительного отказа от длительного содержания подследственных и осужденных в одиночных камерах, которая также стала результатом апелляции к различным источникам права и доктрине.

Литература

- Дамешек Л. М.* Н. М. Ядринцев о взаимном влиянии русского и коренных народов Сибири / Проблемы социально-экономического и политического развития стран Востока: Тезисы докл. Регион. науч. конф. (Иркутск, 14-16 мая 1981 г.). – Иркутск. – 1981. – С. 76-81.
- Должиков В. А.* Н. М. Ядринцев об этнокультурном взаимодействии крестьян-старообрядцев Русского Алтая с аборигенным населением / Народы и религии Евразии. – 2018. – №15(2). – С. 78-85.
- Емельянова Т. Н.* Областничество Н. М. Ядринцева как философия российской действительности. СПб., 2004.
- Зайнутдинов А. Э.* Социологические взгляды Н. М. Ядринцева / Петербургская социология сегодня. – 2011. – Т. 1. – С. 62-64.
- Иванов А. А.* Уголовная ссылка и освоение Сибири в трудах лидеров областнического движения второй половины XIX в. / Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2009. – №1. – С. 166-165.
- Кандеева А. Г.* Слово о Ядринцеве : монография - 2-е изд., испр. и доп. Омск, 2001.
- Костякова Ю. Б.* Публикаторская деятельность Н. М. Ядринцева в ссылке: причины и результаты (по письмам к Г. Н. Потанину за 1872-1873 гг.) / Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 62. – С. 19-24.
- Малинов А. В.* Философия и идеология областничества. СПб., 2012.
- Чередниченко И. Г.* Сибирские областники о роли местной прессы в развитии регионального самосознания / Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. – Иркутск. – 2004. – С. 44-48
- Шиловский М. В.* Публицистическое осмысление Н. М. Ядринцевым перспектив развития Сибири в 1870-1880-е гг. / Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Омск. – 2021. – С. 22-26.
- Ядринцев Н. М.* Преступники по изображению романтической и натуральной школы / Дело. – 1872. – № 6. – отд. 1. – С. 167-210.
- Ядринцев Н. М.* Тюрьма и ссылка / Восточное обозрение. – 1890. – №28. – С. 1-4.
- Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее / под ред. С.Г. Пархимовича. Тюмень, 2000.
- Ядринцев Н. М.* Секретная (из записок подследственного арестанта) / Дело: учено-литературный журнал. СПб., – 1869. – № 5. – С. 40-68.

Ядринцев Н. М. Исторические очерки русской ссылки в связи с развитием преступлений / Дело. – 1870. – № 10. – отд. 1. – С. 122-234.

References

- Cherednichenko, I. G. (2004). Siberian regionalists on the role of the local press in the development of regional identity. Siberia: a view from the outside and from the inside. Spiritual dimension of space. Irkutsk, 44-48 (in Russian).
- Dameshek, L. M. (1981). N. M. Yadrintsev on the mutual influence of the Russian and the indigenous peoples of Siberia. Problems of socio-economic and political development of the countries of the East: Abstracts of reports. Region. scientific conf. (Irkutsk, May 14-16, 1981). Irkutsk, 76-81 (in Russian).
- Dolzhikov, V. A. (2018). N. M. Yadrintsev about the ethno-cultural interaction of the Old Believer peasants of the Russian Altai with the aboriginal population. Peoples and religions of Eurasia, 15 (2), 78-85 (in Russian).
- Emelyanova, T. N. (2004). Regionalism N. M. Yadrintsev as a philosophy of Russian reality. St. Petersburg (in Russian).
- Ivanov, A. A. (2009.) Criminal exile and the development of Siberia in the works of the leaders of the regional movement of the second half of the 19th century. Izvestia of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies, 1, 166-165 (in Russian).
- Kandeeva, A. G. (2001). Word about Yadrintsev: monograph. Omsk (in Russian).
- Kostyakova, Yu. B. (2019). Publication activity of N.M. Yadrintseva in exile: causes and results (according to letters to G. N. Potanin for 1872-1873). Tomsk State University Bulletin. History, 62, 19-24 (in Russian).
- Malinov, A. V. (2012). Philosophy and ideology of regionalism. St. Petersburg (in Russian).
- Shilovsky, M. V. (2021). Publicistic comprehension of N. M. Yadrintsev prospects for the development of Siberia in the 1870-1880s. Yadrintsev readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference. Omsk, 22-26 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1869). Secret (from the notes of a prisoner under investigation). Delo: scientific and literary journal. St. Petersburg. No. 5. 40-68 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1870). Historical essays on Russian exile in connection with the development of crimes. Delo. No. 10. dep. 1. 122-234 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1872). Criminals in the image of the romantic and natural school. Delo. No. 6. dep. 1. 167-210 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (1890). Prison and exile. East Review. No. 28. 1-4 (in Russian).
- Yadrintsev, N. M. (2000). Siberia as a colony: The current situation in Siberia. Her wants and needs. Her past and future. Tyumen (in Russian).
- Zainutdinov, A. E. (2011). Sociological views of N. M. Yadrintseva. Petersburg sociology today, 1, 62-64 (in Russian).

Citation:

Головинов А. В., Головинова Ю. В. Критика текстов законодательных актов Российской Империи в политико-правовом творчестве Н. М. Ядринцева // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 27-30.

Golovinov A. V., Golovinova Yu. V. (2023). Criticism of Texts of Legislative Acts of the Russian Empire in the Political and Legal Work of N. M. Yadrintsev. Legal Linguistics, 28, 27-30.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Критика юридического формализма при толковании правовых актов

В. В. Сорокин

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

В статье проводится идея о необходимости подчинения буквы закона духу права и в связи с этим предлагается теоретическая характеристика формализма в праве. При ориентации правовой системы на формализм правоприменители сводят свою функцию к механическому соотнесению реальной правовой ситуации со статьями нормативно-правовых актов. Предпочтение духа права над буквой закона предполагает, что правоприменитель не занимается механическим отбором норм, формально подходящих к рассматриваемому случаю. Юрист должен по каждому делу рассуждать о границах правового регулирования, о верховенстве принципов права над нормами правовых актов, об основаниях обязательной силы норм права.

Ключевые слова: формализм, буква закона, дух права, принципы права, толкование права.

Factual Legal Responsibility: Formulation of the Problem

V. V. Sorokin

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: sorokin.v@yandex.ru*

The author of the article introduces the concept of "subjection of the letter of the law to the spirit of the law" and gives theoretical fundamentals of formalism in law. When jurisdiction is centered on formalism, law enforcers mechanically compare a legal situation to articles of laws and regulations. Subjection of the letter of the law to the spirit of the law presupposes law enforcers' refusal from mechanical choice of norms which can be very formal concerning a particular case. A lawyer should keep in mind the purview of the law in regard to a particular case, as well as subjection of the letter of the law to the spirit of the law, and the binding force of the law.

Key words: formalism, the letter of the law, the spirit of the law, principles of law, law interpretation.

Формализм противостоит духу права, противоположен ему и представляет собой предпочтение буквы закона над духом права. Авторы употребляют термин «юридический формализм», проявляемый в следовании не духу, а букве правового акта [Юдин 2007: 12]. Но словосочетание «юридический формализм» неудачно, поскольку формализм – явление отрицательное, а негативное явление не должно быть юридическим.

Вызывает недоумение тот факт, что в отечественном правоведении происходил ажиотаж по поводу правового нигилизма российского общества, а проблема формализма в праве оказалась неразработанной.

Формализм в праве нужно рассматривать на уровне главных проблем. Именно формалистическая юриспруденция порождает бюрократизм государственной деятельности, авторитарные тенденции, социальное напряжение в обществе от бездушия власти и комплекса запущенных проблем.

Формальное отношение к рассматриваемым делам не требует от правоприменителя таких усилий, как выявление духа права. Формализм предполагает бездумное и бездушное применение норм, формально подходящих к рассматриваемому юридическому случаю.

Формализм фактически исключает использование принципов права, расширительного, ограничительного, доктринального, телеологического толкования норм права, аналогии закона и аналогии права.

В странах романо-германской правовой семьи волю законодателя рассматривают в качестве основного содержания права, а закон – как безусловное руководство к действию. В этой связи вспоминается урок 1945-46 гг., когда после падения фашизма в Европе судей, прокуроров и полицейских, работавших на фашистский режим, судили за то, что они исполняли официальные законы. Требуется внимания деятельность органов конституционной юстиции, которые правомочны лишать законы юридической силы с позиции надзаконных критериев. Следовательно, буква закона не является безусловным мерилom правомерности поведения.

Романо-германская правовая система запрограммирована на господство формального подхода. Поэтому в странах романо-германской правовой семьи складываются полицейские государства. Именно там существовали фашистские режимы. Впрочем, наличие формализма совсем не исключается в любой другой правовой системе мира.

Работница не смогла подтвердить, что отсутствовала на рабочем месте более 4-х часов в течение рабочего дня по заданию работодателя. Это можно квалифицировать как дисциплинарный проступок?

Заведующая детским садом принимает денежные средства от спонсоров для осуществления необходимых ремонтных работ в детсаду в условиях недостатка бюджетного финансирования. Это должностное преступление?

Видеокамера ГИБДД фиксирует, как машина скорой помощи мчится по вызову к больному. Это нарушение водителем правил дорожного движения?

Во всех этих случаях правонарушений нет уже потому, что у субъектов нет мотива на причинение вреда и корысти, но при доминировании карьерных соображений представители правоохранительных органов могут применить меры юридической ответственности. Карьерные соображения правоохранителей будут ставиться во главу угла до тех пор, пока главным критерием эффективности их деятельности считается количество переданных дел в суд.

В юридической литературе было высказано мнение, что формализм имеет положительные свойства, так как способствует сокращению субъективизма в праве. В частности, такую точку зрения выразил А. В. Волков в статье «Формализм против субъективизма в гражданском праве» [Волков 2019: 34]. Но, во-первых, формализм несет с собой не меньше ошибок и неправосудных решений, чем субъективизм. А во-вторых, субъективизм как раз и проявляется при формальном отношении к делу, поскольку правоприменитель отступает от объективной истины в пользу формального тождества нормы и казуса. Е. В. Васьяковский в своей книге «Курс гражданского процесса» отмечал: «...процессуальный формализм, при всей своей необходимости, представляет большую опасность для раскрытия в процессе материальной правды» [Васьяковский 1912: 161].

Не послужит ли отступление от буквы закона в пользу духа права почвой для произвола? При отступлении от буквы закона субъект права должен быть ограничен некими объективными началами, например – целью достижения общественного блага или соображениями использования принципов права. При этом буква закона отрицательным явлением не является, отрицателен формализм и формальное отношение к людям.

Юридической науке предстоит выработать критерии формализма в праве, чтобы у субъектов права на всех уровнях выработалось отторжение к этому негативному явлению. Среди признаков формализма в сфере права можно назвать:

- предпочтение буквального вида толкования перед расширительным и ограничительным;
  - принятие юрисдикционного решения без опоры на принципы права;
  - игнорирование направленности личности обвиняемого и его настоящих мотивов;
  - перепроизводство нормативно-правовых актов;
  - игнорирование цели права;
  - цель исправления и перевоспитания преступников объявляется недостижимой и фактически снимается с повестки дня;
  - господство теории нормативизма;
  - игнорирование уникальности каждого юридического дела;
  - преобладание обвинительного уклона в дознании, следствии и суде;
  - политизированность юридического процесса;
  - негласное сотрудничество органов полиции, следствия, прокуратуры и суда в продвижении обвинительного приговора как единственно положительного критерия работы правоохранительной системы;
  - процессуальное право оказывается важнее материального;
  - комментаторский стиль научных исследований юристов;
  - растерянность судей и прочих правоприменителей перед пробелами в законе;
  - ставка на устрашение общества при полной неэффективности формально-юридических средств;
  - перестраховка, волокита, бюрократизм в юридическом процессе.
- К непосредственным последствиям формализма в праве относятся:
- психологическая неудовлетворенность субъектов права;
  - отсутствие гибкости правового регулирования;
  - репрессивный характер правоохранительной системы;
  - огосударствление сферы права;
  - конвейерный подход к рассмотрению юридических дел;
  - недоверие общества к правоохранительным органам государства;
  - непрофессиональная деформация сотрудников правоохранительных органов и суда;
  - привлекательность правоприменительной деятельности для карьеристов и патологических личностей;
  - распространенность юридических ошибок и, в частности, неправосудных приговоров;
  - произвол и безнаказанность карательных органов государства;
  - создание множества дублирующих друг друга правоохранительных структур;
  - ослабление роли адвокатуры;
  - переполненность тюрем и следственных изоляторов;
  - колоссальный документооборот и запутанное делопроизводство;
  - высшая ценность воплощается не в истине либо человеческой личности, а в указаниях и одобрении начальства.

Путем сокращения академических часов на фундаментальные юридические дисциплины, неразумного перераспределения часов между лекционными и практическими занятиями, абсолютизации тестирования, преувеличения дистанционных форм обучения государственный образовательный стандарт способствует снижению качества подготовки отечественных юристов. Бакалавры и магистры юридических факультетов значительное время затрачивают на то, чтобы выучить простые алгоритмы и элементарные приемы. Но в нетипичной ситуации такой юрист ощущает свою

беспомощность. Он привык подражать и следовать схеме, а для принятия самостоятельного решения ему не хватает творческого мышления в ситуациях, которые отклоняются от стандартных, системного видения явлений и процессов в их взаимосвязи.

Когда законодательство Российской Империи и Союза ССР полностью отменили, отечественным юристам пришлось пользоваться юридическим мировоззрением, чтобы адаптироваться к новой ситуации и ориентироваться в ней. Немецкий правовед Ю. Кирхман в XIX в. заметил, как одним росчерком пера законодателя целые библиотеки превращаются в макулатуру [Радько 2018: 462]. Сложность жизни требует от юридического образования обучения не формалистов-нормативистов, а универсалов с фундаментальной теоретической подготовкой.

Б. Х. Ганиев предположил, что формализм в праве представляет собой психологический педантизм субъекта права и объективную сторону всякого правового действия [Ганиев 2015: 22]. Возникает вопрос, почему свой педантизм некоторые правоприменители направляют на обеспечение «формальной истины», а не на выяснение правды. Сложно не заметить, что за педантизмом крючкотвора скрываются корыстные карьерные расчеты. Формализм в праве сопряжен с правовым нигилизмом, отрицающим именно дух права как таковой. Формализм оборачивается преследованием правоприменителем собственной выгоды в ущерб обществу. По существу формализм – это имитация правоприменительной деятельности.

Нередко формализм в праве поддерживается ведомственным корпоративизмом или круговой порукой должностных лиц, уполномоченных заниматься правоохранительной деятельностью. Если от принятых на службу сотрудников настойчиво требуют выполнения показателей о количестве переданных уголовных дел в суд, возникают условия для фабрикации обвинительных заключений. Фактически отступая от права и законности, формалисты готовы «гнать план», не разбирая средств. В ход идут подтасовки фактов и методы устрашения обвиняемых.

Конечно, процессуальные формальности существуют не в последнюю очередь для того, чтобы защитить граждан от произвола должностных лиц. Однако все формальности нужно располагать ниже духа права и при обнаружении соответствующей юридической коллизии отдавать предпочтение духу права. Ш. Монтескье сказал: «Если на судебские формальности смотреть как на препятствия, затрудняющие гражданину защиту своих прав и интересов, то можно найти их слишком много. Если же судебские формальности рассматривать с точки зрения их отношения к свободе и безопасности граждан, то обнаружим, что их слишком мало, поскольку все затруднения, издержки и проволочки и сами ошибки правосудия являются той ценой, которую гражданин оплачивает за свободу» [Монтескье 1955: 225].

В деле осуждения и преодоления формализма в праве, безусловно, лидируют высшие судебные инстанции.

Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2006 г. N 358-О, от 25 января 2007 г. N 68-О-О, от 20 февраля 2007 г. N 124-О-О и в Решении Верховного Суда РФ от 21 мая 2007 г. N ГКПИ06-1601 осуждается процессуальный формализм при доступе к суду. Высшие судебные инстанции указали, что судьям нельзя по формальным основаниям возвращать истцам и другим заявителям заявления в связи с невыполнением в установленный срок указаний судьи. В Определении Верховного Суда РФ от 23.07.2015 по делу № 306-ЭС15-1364 сделан вывод о том, что иск не подлежит оставлению без рассмотрения, несмотря на несоблюдение досудебного порядка разрешения спора, если поведение ответчика свидетельствует не о намерении быстро урегулировать спор в досудебном порядке, а затянуть рассмотрение дела. В этом деле ответчик сначала начал активно возражать по существу требований, в частности, заявил ходатайство о назначении экспертизы, а о несоблюдении досудебного порядка спора заявил только через длительное время после начала рассмотрения дела. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 23.04.2013 № 1649/13 по делу № А54-5995/2009 указано, что ответчик конклюдентными действиями согласился на изменение подсудности (иск был предъявлен по месту нахождения ответчика в нарушение условия о рассмотрении споров в Арбитражном суде города Москвы), поскольку в течение длительного разбирательства не заявлял о нарушении правил подсудности, а представлял возражения по существу спора. И в том, и в другом деле суды отошли от строго формального применения норм, требующих, в первом случае, оставить иск без рассмотрения, а во втором – передать дело по подсудности, а учли сопутствующие обстоятельства, а именно поведение ответчиков, которые всеми средствами пытались затянуть рассмотрение дела. Высшие судебные инстанции позволили себе отойти от процессуального формализма при явно выраженном злоупотреблении правом.

И судебная практика все больше отходит от формального применения материальных и даже процессуальных норм в сторону изучения всех сопутствующих обстоятельств и наличия у сторон подлежащего защите интереса в применении таких норм.

Администрация сельского поселения в Ставропольском крае обратилась в суд с иском к гражданке Л., указав, что ответчик осуществила строительство жилого дома и даже зарегистрировала на него право собственности, однако этот объект недвижимости имеет все признаки самовольной постройки. Суд первой инстанции доводы истца поддержал, исходя из того обстоятельства, что у ответчицы отсутствовало разрешение на строительство дома. Суд апелляционной инстанции согласился, а коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ постановила: возможность сноса самовольной постройки надо связывать не с формальным соблюдением требований о получении разрешения на строительство, а с установлением обстоятельств, которые могли бы препятствовать использованию такой постройки ввиду ее несоответствия требованиям безопасности и возможных нарушений прав третьих лиц. Судебная коллегия указала, что суды первой и второй инстанций вынесли решения, основываясь на формальном подходе, не основанном на полном и всестороннем исследовании обстоятельств, имеющих значение для дела. И коль скоро постройка гражданкой Л. жилого дома произведена на принадлежащем ей земельном участке, никому не угрожает и прав третьих лиц не нарушает, судебная коллегия защитила ее интересы.

Истец Ф. приобрела у медицинской компании биологически активные добавки к пище на сумму 365 000 рублей. Они не дали никакого эффекта, и Ф. потребовала компенсации морального вреда в связи с предоставлением ответчиком ненадлежащей, недобросовестной информации. Районный суд г. Москвы в иске отказал. Вышестоящие инстанции оставили решение без изменений. И только Верховный Суд РФ, куда обратилась Ф., установил, что нижестоящие суды возложили

обязанность доказывать непредоставление надлежащих сведений на человека, который не обладает специальными познаниями. Поэтому Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила решение нижестоящей инстанции и указала, что «в данном случае суды крайне формально подошли к исследованию доводов истца» (Частное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10.10.2017 г. № 5-КП7-146).

К сожалению, законодатель создает условия для проявления формализма в праве так, что даже высшим судебным инстанциям трудно исправить положение. Не так давно в Арбитражный процессуальный кодекс РФ была введена норма, направленная на повышение дисциплины в арбитражном процессе (ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ). В соответствии с ней обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены или несогласие с такими обстоятельствами не вытекает из иных доказательств, обосновывающих представленные возражения относительно существования заявленных требований. Это представляет собой формальное вменение. Поэтому процессуалисты сразу выразили тревогу в юридической печати [Шеменева 2011: 18]. Ведь в данной норме права законодатель, не разграничивая неоспаривание обстоятельств и молчаливое признание, не только отождествляет разные по своей природе категории, но и вводит принципиально новую фикцию, позволяющую арбитражным судьям вполне произвольно считать якобы признанные факты установленными. Получается, что одной из сторон достаточно для проигрыша дела не оспаривать все доводы своего процессуального оппонента, а истина по делу тем самым проигнорирована.

В ч. 5 статьи 12 Налогового кодекса РФ законодатель сформулировал: «Федеральные, региональные и местные налоги и сборы отменяются настоящим кодексом». Конечно, законодательный орган имел в виду «могут быть отменены», но в силу такого упущения буквальный вид толкования в данном случае использовать неуместно.

Даже когда законодатель употребляет вполне уместную риторику, эти нормативные положения зачастую оказываются декларативными и не получают подкрепления каким-либо обеспечительным механизмом. Так, в ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.06.2013 г. законодатель определяет цель защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей.

При ориентации правовой системы на формализм правоприменители сводят свою функцию к механическому соотношению реальной правовой ситуации со статьями нормативно-правовых актов. Предпочтение духа права над буквой закона предполагает, что правоприменитель не занимается механическим отбором норм, формально подходящих к рассматриваемому случаю. Юрист должен по каждому делу рассуждать о границах правового регулирования, о верховенстве принципов права над нормами правовых актов, об основаниях обязательной силы норм права.

По отношению к гражданам и должностным лицам государства необходимо дифференцировать объем толкования права: 1) положения закона, регламентирующие властную деятельность правоприменителя, могут быть истолкованы только ограничительно, но никак не расширительно; 2) положения закона, регулирующие деятельность гражданина, не состоящего на государственной службе, должны быть истолкованы только расширительно.

Когда сегодня всерьез обсуждается вопрос об использовании роботов в процессе отправления правосудия, обнажается довольно примитивное понимание права. Р. фон Иеринг еще в XIX в. обосновал вывод о том, что «юрист не может быть просто автоматом по раздаче праве» [Радько 2018: 212].

Использование компьютерной программы для отправления правосудия как раз и открывает простор для формализма. Инициаторы этого проекта не понимают сути юридического процесса (установление истины невозможно без актуализации духа права и напряженного интеллектуального труда). Юридические машины, которые запрограммированы на автоматическое действие по алгоритму создателей, не способны понимать и чувствовать сложную взаимосвязь явлений, в которую вплетена та или иная норма.

Тот или иной казус (случай из жизни) не только сопрягаем с той или иной нормой права, но связан с более широким контекстом (духовным, нравственным, социальным, психологическим), в который вписывается этот казус как часть регулируемого правом отношения.

При господстве формализма содержание права подменяют его формой. Дух права и буква закона есть не взаимоисключающие (как истинное и ложное), а взаимодополняющие понятия. Только между ними существует жесткая субординационная связь. Форма права и юридическая процедура занимают подчиненное положение, служа средством доказательства или согласования порядка ведения дела с лучшим выяснением истины. А предпочтение буквы закона над духом права недопустимо.

Литература

- Волков А. В. Формализм против субъективизма в гражданском праве / Современное право. - 2019. - № 2. - С. 32-39.
- Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. СПб, 1912.
- Радько Т. Н. Правовая антология. М., 2018.
- Ганиев Б. Х. Угрозы правового формализма в контексте российской правовой политики / Юрист-правоведъ. - 2015. - № 3. - С. 20-27.
- Монтескье Ш. О духе законов / Избранные произведения. М., 1955.
- Кулакова В. Ю. Проблемы теоретической обоснованности и практической применимости правила ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ / Законы России: опыт, анализ, практика. - 2011. - № 10. - С. 18-26.
- Шеменева О. Н. Неоспоренные обстоятельства в арбитражном процессе / Арбитражный и гражданский процесс. - 2011. - N 2. - С. 19-22.
- Юдин А. Исторические причины неэффективности современного гражданского судопроизводства / Арбитражный и гражданский процесс. - 2007. - N 12. - С. 10-16.

References

- Ganiev, B. Kh. (2015). Threats of legal formalism in the context of Russian legal policy. *Legal jurist*, 3, 20-27 (in Russian).
- Kulakova, V. Yu. (2011). Problems of theoretical validity and practical applicability of the rule of Part 3.1 of Art. 70 APC RF. *Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 10, 18-26 (in Russian).
- Montesquieu Sh. (1955) *About the spirit of laws. Selected works*. Moscow (in Russian).
- Radko, T. N. (2018). *Legal anthology*. Moscow (in Russian).
- Shemeneva, O. N. (2011). Undisputed circumstances in the arbitration process. *Arbitration and civil process*, 2, 19–22 (in Russian).
- Vaskovsky, E. V. (1912). *Civil process course*. St. Petersburg (in Russian).
- Volkov, A. V. (2019). Formalism versus subjectivism in civil law. *Modern law*, 2, 32-39 (in Russian).
- Yudin, A. (2007). Historical reasons for the inefficiency of modern civil proceedings. *Arbitration and civil proceedings*, 12, 10-16 (in Russian).
-

Citation:

Сорокин В. В. Критика юридического формализма при толковании правовых актов // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 31-35.

Sorokin V. V. (2023). Factual Legal Responsibility: Formulation of the Problem. *Legal Linguistics*, 28, 31–35.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством

Н. В. Тыдыкова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: academnauka@rambler.ru*

Автор анализирует обстоятельства, посредством которых правоприменительная практика устанавливает признак реальности в составе угрозы убийством. Отмечается, что суды зачастую трактуют признак реальности неоправданно узко, связывая его с совершением виновным подкрепляющих действий, ввиду чего без должной уголовно-правовой оценки остается определенное число случаев. Доказывается, что для того, чтобы быть признанной реальной, угроза не обязательно должна сопровождаться подкрепляющими действиями. Приводятся примеры других обстоятельств, с которыми может быть связано опасение потерпевшего по поводу осуществления угрозы. Аналогичный подход предложено использовать и при квалификации тех преступлений, в которых угроза убийством является квалифицирующим обстоятельством. Исследуются различные формы выражения угрозы убийством. Автор приходит к выводу о том, что если угроза убийством была выражена не в утвердительной форме, а в вероятностной, то ее квалификация по ст. 119 УК РФ возможна только при установлении умысла лица таким способом оказать влияние на сознание потерпевшего и сформировать у него состояние тревоги за свою жизнь. Решены вопросы о квалификации угрозы неопределенного объема, направленной в будущее, угрозы, высказанной третьим лицам, в отношении двух и более лиц. Доказывается отсутствие оснований к принятию идеи о декриминализации угрозы убийством, которая высказывается в литературе. Сформулированы соответствующие правила квалификации угрозы убийством, которые, по мнению автора, не противоречат устоявшимся в теории уголовного права положениям и соответствуют позициям Верховного Суда РФ и Конституционного суда РФ, высказанным по этому вопросу.

Ключевые слова: угроза убийством, реальность угрозы, адресат угрозы, психическое насилие, демонстрация оружия.

On Understanding the Elements of a Threat of Homicide

N. V. Tydykova

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: academnauka@rambler.ru*

The author analyzes the circumstances by which law enforcement practice establishes an element of reality as part of a threat of homicide. It is noted that the courts often interpret the essential element of reality unreasonably narrowly, linking it with reinforcing actions committed by the offender, which leaves a certain number of cases without a proper criminal legal assessment. It is proved that in order to be recognized as real, the threat does not have to be accompanied by reinforcing actions. Examples of other circumstances are given that may be associated with the fear of the victim about the implementation of the threat. A similar approach is proposed to be used in the qualification of those crimes in which the threat of murder is a qualifying circumstance. Various forms of expressing a threat of homicide are being explored. The author comes to the conclusion that if the threat of homicide was expressed not in an affirmative form, but in a probabilistic one, then its qualification under Art. 119 of the Criminal Code of the Russian Federation is possible only if the intent of the person is established in this way to influence the consciousness of the victim and form in them a state of anxiety for his life. The issue of the qualification of a threat of indefinite volume prospected to the future, a threat expressed to third parties against two or more persons have been resolved. The absence of grounds for accepting the idea of decriminalization of the threat of murder, which is expressed in the literature, is proved. The relevant rules for qualifying the threat of homicide are formulated, which, in the author's opinion, do not contradict the provisions established in the theory of criminal law and correspond to the positions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation expressed on this issue.

Key words: threat of homicide, reality of the threat, addressee of the threat, mental violence, demonstration of weapons.

Статья 119 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Общественная опасность этого преступления

заключается в формировании у потерпевшего чувства тревоги, беспокойства за свою безопасность, жизнь и здоровье, а в отдельных случаях близких ему лиц.

Такое деяние не только имеет уголовно-правовое значение само по себе, но и существенно увеличивает общественную опасность других преступлений при их совершении с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Так, например, пункты «б» частей 2 статей 131 и 132 УК РФ предусматривают соответствующий квалифицирующий признак.

В теории уголовного права и правоприменительной практике наработан ряд правил квалификации угроз. Так, угроза может быть выражена устно, письменно (в том числе с использованием средств связи) или конклюдентными действиями. Она может быть передана потерпевшему непосредственно или через иных лиц. По моменту предполагаемой реализации угрозы могут быть как обращены к настоящему времени, так и направлены в будущее.

Условием наступления уголовной ответственности по рассматриваемой статье является установление наличия оснований опасаться осуществления этой угрозы, то есть признака реальности угрозы.

Анализ правоприменительной практики показал, что для подтверждения реальности угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью правоприменителем используются следующие обстоятельства: нанесение ударов руками или ногами по телу потерпевшего [Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-48/2021 от 13 июля 2021 г.]; агрессивное поведение виновного по отношению к потерпевшему, его нахождение в состоянии опьянения, физическое превосходство, отсутствие у потерпевшего возможности убежать, характер взаимоотношений потерпевшего и угрожавшего [Приговор Чусовского городского суда Пермского края № 1-134/2021 от 9 июля 2021 г.]; демонстрация оружия [Приговор Шатурского городского суда Московской области № 1-183/2021 от 3 июня 2021 г.] или иного предмета, используемого в качестве оружия (например, топора, ножа) [Приговор Ярославского районного суда Ярославской области № 1-161/2021 от 26 июля 2021 г.]; сдавливание шеи потерпевшего [Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-36/2021 от 8 июня 2021 г.]; нанесение ударов предметами, используемыми в качестве оружия не по жизненно важным органам потерпевшего [Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-23/2021 от 18 марта 2021 г.] или по другим предметам, находившимся в непосредственной близости от потерпевшего [Постановление Шарангского районного суда Нижегородской области № 1-17/2021 от 18 марта 2021 г.]; доведение до сведения потерпевшего информации о знании угрожающим места жительства потерпевшего, времени его возвращения домой и пути следования [Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-54/2021 от 20 июля 2021 г.]; причинение смерти другому потерпевшему в присутствии потерпевшего [Приговор Алтайского краевого суда № 2- 5/2018 от 27 июня 2018 г.].

В литературе справедливо отмечается, что правоприменительная практика зачастую требование реальности угрозы толкует узко, понимая под реальными только такие угрозы, которые сопровождаются конкретными действиями [Ермакова 2019: 172].

В определении Конституционного суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О указано, что статья 119 УК РФ позволяет признавать составообразующим применительно к предусмотренному ею преступлению только такое деяние, которое совершается с умыслом, направленным на восприятие потерпевшим реальности угрозы, когда имеются объективные основания опасаться ее осуществления. Преступление может быть совершено только с прямым умыслом и считается оконченным с момента высказывания угрозы или ее выражения в иной форме. Это означает, что действия, подкрепляющие угрозу, не являются обязательными для рассматриваемого состава преступления.

В одном из определений Верховный Суд РФ указал, что оценкой реальности угрозы является субъективный и объективный критерий. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего. Объективный критерий оценки реальности угрозы устанавливается с учетом обстоятельств, характеризующих обстановку, в которой потерпевшему угрожают, личности угрожающего, взаимоотношения потерпевшего и виновного [Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № 82-УД21-7-К7 от 22 июля 2021 г.].

Убедительной выглядит позиция ряда исследователей, которые отмечают, что угроза необязательно должна включать в себя действительное намерение причинения такого вреда, способность или неспособность угрозы вызвать страх у потерпевшего характеризует угрозу как реальную и как нереальную [Сердюк 2008: 66; Безверхов 2018: 527].

Следовательно, угроза убийством может быть оценена как реальная не только в тех случаях, когда виновные лица предпринимали активные действия по подкреплению своих угроз. Опасения потерпевшего относительно осуществления угрозы могут быть основаны на других обстоятельствах, например, выраженном конфликтном характере взаимоотношений угрожавшего и потерпевшего; способах донесения угроз (например, с использованием траурной символики, краски, имитирующей кровь, демонстрацией устрашающих изображений и т.п.); информации о времени, способе или иных детализирующих обстоятельствах реализации выраженной угрозы, доведенной угрожающим до сведения потерпевшего; множественных эпизодах выражения угроз; обстановке, в которой потерпевшему угрожают и других обстоятельствах.

При этом, так как рассматриваемый признак нашел закрепление в диспозиции статьи 119 УК РФ, он подлежит установлению в каждом случае. При его недоказанности усмотреть в совершенном деянии признаков этого преступления не представляется возможным. Так, например, высказанную Я. в зале судебного заседания угрозу убийством П. не воспринял реально, а обстоятельства произошедшего свидетельствовали об отсутствии у осужденной Я. намерения реализовать высказанную ею угрозу непосредственно в зале судебного заседания либо в будущем. Так как доказательств обратного в материалах дела не имелось, было установлено, что в действиях Я. состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ, отсутствовал [Апелляционное постановление N 22-737/2015 от 13 августа 2015 г.].

Угроза убийством в ряде составов преступлений выступает квалифицирующим обстоятельством (например, в статьях 131, 132, 296 УК РФ). Однако в этих нормах законодатель прямо не указывает на условие, при котором имеются основания опасаться ее реализации, как обязательное. Но отсутствие прямого указания на такой признак не означает возможности его вменения в случае выражения угроз, опасаться которых не было оснований. Это связано, в первую очередь, с отсутствием

общественной опасности таких угроз. Поэтому практика идет по пути обязательности его установления и при квалификации угрозы убийством как квалифицирующего признака других составов преступлений. Так, в апелляционном определении от 25 сентября 2013 г. № 93-АПУ13-6 Верховный Суд РФ применительно к ч. 1 ст. 296 УК РФ анализировал признак реальности высказанной виновным угрозы. Аналогичные выводы можно встретить и в литературе [Раздобудько 2017: 39-40]. В абз. 1 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» разъясняется, что ответственность за изнасилование или совершение насильственных действий сексуального характера с угрозой применения насилия наступает лишь в случаях, если у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления этой угрозы. Анализ практики по таким делам показал, что наличие или отсутствие оснований опасаться угрозы устанавливается и описывается в материалах дела по тем же признакам, что и в составе преступления, предусмотренном ст. 119 УК РФ.

Как было отмечено выше, угроза может быть выражена в различных формах. Причем не обязательно, чтобы она была выражена словесно. Так, Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что угроза убийством может быть выражена в любой форме и отсутствие словесных угроз не исключает уголовной ответственности [Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 г.; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017г.]. В рассматриваемом случае осужденный нанес удар железным крюком по голове потерпевшего, и эти действия последний расценивал для себя как угрозу убийством при наличии оснований опасаться осуществления данной угрозы. Данный вид угрозы можно определить как угрозу, выраженную конклюдентными действиями. Конклюдентные действия можно определить как действия, демонстрирующие намерения (применение физического насилия, демонстрация оружия и предметов, используемых в качестве оружия, которыми может быть причинена смерть, приготовление могилы и подобные действия), характерные для таких случаев жесты (движение ладони вдоль горла, имитация кистью руки выстрела из пистолета в висок и т. п.) и другие.

Однако возникает вопрос о разграничении таких угроз с покушением на убийство. При покушении на убийство применяемое насилие направлено на причинение смерти, которая не наступает по независящим от виновного обстоятельствам, а при угрозе убийством насилие только подкрепляет заявленные виновным намерения. При этом, подкрепляя угрозу насильственными действиями, виновный контролирует объем применяемого насилия, который не должен быть таким, чтобы причинить смерть или тяжкий вред здоровью потерпевшего. Кстати, тот объем вреда, причинение которого образует самостоятельный состав преступления, требует соответственно самостоятельной квалификации и угрозой не охватывается [Шарапов 2006: 31; Мевлуд 2021: 140].

Анализ практики показывает, что конклюдентными действиями, которые трактуются как угроза убийством, часто являются демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, или жесты, выражающие намерение причинить смерть. В литературе справедливо отмечается, что в таких случаях необходимо принимать во внимание не только оружие, которым угрожал преступник, но и характер и направленность угрозы [Коновалов 2018: 34].

При решении вопроса о том, является ли демонстрация оружия или предмета, используемого в качестве оружия, угрозой убийством, необходимо исходить из двух обстоятельств. Во-первых, характеристики самого оружия или предмета, используемого в качестве оружия. Очевидно, что они по своим свойствам должны объективно нести возможность причинения смерти. О необходимости учета этого обстоятельства говорит позиция Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, которая в одном из определений указала, что потерпевший воспринял действия осужденного, направившего на него пневматический пистолет, как реальную угрозу для своей жизни и здоровья, полагая, что в руках у нападавшего находится огнестрельное оружие. Судебная коллегия сочла, что у потерпевшего имелись основания опасаться осуществления угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, учитывая обстоятельства совершения преступления и характеристику пистолета [Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ N 127-УД18-19 от 15.01.2019 г.]. Во-вторых, необходимо учитывать способ использования или демонстрации оружия или предмета, используемого в качестве оружия. Так, например, демонстрация газового баллончика и угроза его распыления вряд ли может признаваться угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а, например, угроза распыления всего его объема в ротовую полость вполне может, так как при таком его использовании возможно наступление смерти потерпевшего. Угроза предметами, имитирующими оружие, если потерпевший воспринимал угрозу как реальную, также может быть квалифицирована как угроза убийством [Постановление Московского городского суда N 4у-6827/2017 от 28.11.2017 г.].

В литературе можно встретить указание на такую форму, как угроза, вытекающая из обстановки [Кондратенко 2008: 41; Безверхов 2014: 97]. Сложно говорить о самостоятельном значении такого способа ее выражения. Скорее характеристика обстановки совершения преступления может свидетельствовать о том, что у потерпевшего есть реальные основания опасаться выраженной иным способом (словесно, письменно или конклюдентными действиями) угрозы. Или виновный какими-либо способами дает понять потерпевшему, что осознает, что обстановка формирует у потерпевшего страх за свою жизнь и желает, чтобы тот так и думал. Другое решение этого вопроса сделало бы возможным вменение рассматриваемого квалифицирующего обстоятельства практически в любом случае, когда потерпевший считал, что обстановка совершения в отношении него преступления говорит о возможности причинения ему смерти. Так, например, часто насильственные преступления совершаются в ночное время суток, в отсутствие других людей, которые могли бы оказать потерпевшему помощь, в месте совершения деяния могут находиться такие предметы, как кухонный нож, бритва или различные инструменты, однако не всегда их наличие, как и другие описанные обстоятельства, свидетельствуют о том, что виновный желает это использовать для формирования у потерпевшего страха за свою жизнь. К аналогичным выводам приходят и другие авторы [Зотов 2022: 124]. В судебной практике встречаются ситуации угрозы, вытекающей из обстановки, когда лицо или группа лиц в ночное время в безлюдном месте требует от женщины вступить с ними в половую связь. По многим таким делам суд учитывал указанные обстоятельства для подтверждения реальности угрозы, которая была выражена словесно.

Если виновный словами или конклюдентными действиями обращает внимание потерпевшего на обстановку (ночное время суток, безлюдная местность, невозможность убежать, имевшие место в прошлом посягающего факты совершения преступлений против жизни и т. п.) с целью сформировать у того опасение за свою жизнь, то такая угроза по форме выражения относится скорее к словесной или выраженной конклюдентными действиями, а обстановка – фактор, ее подкрепляющий. Причем обстановка угрожающего жизни характера может как формироваться виновным специально, так и использоваться уже возникшая помимо его воли. Главное, чтобы имели место оба фактора: объективный – угроза выражена виновным и воспринята потерпевшим именно как угроза для жизни; и субъективный – виновный желал выразить именно угрозу убийством.

Угроза убийством не обязательно должна быть озвучена виновным самому потерпевшему, возможна ее передача через третьих лиц. Важно желание виновного довести до сведения адресата такую угрозу. Так, действия С. были квалифицированы по ст. 119 УК РФ: он высказал угрозу убийством Е. посредством ее передачи третьим лицам (Н., Е., М.), вышедшим из квартиры Е., демонстрируя при этом нож и осознавая, что данные угрозы будут доведены до сведения потерпевшей, отчего последняя испытает страх за свою жизнь и здоровье [Постановление Президиума Сахалинского областного суда N 44у-6/2018 от 16.02.2018 г.].

Вызывают сложности для правовой оценки случаи, когда информация о желании убить потерпевшего была высказана не в утвердительной форме, а, например, в качестве предложения, адресованного соисполнителю, для демонстрации желания и готовности убить. Так, Ф. сказал Ц.: «Давай грохнем Л.». Ц. отказался. Потерпевшая Л. в своих показаниях подтвердила, что реально опасалась за свою жизнь, несмотря на отказ второго преступника совершить убийство. Однако суд не усмотрел в содеянном признаков рассматриваемого преступления, а в мотивировочной части приговора указал на то, что разговор о возможном убийстве между преступниками не был непосредственно направлен к потерпевшей [Дело № 1–92/00].

Видится, что в подобных ситуациях, помимо субъективного восприятия такой угрозы потерпевшим, необходимо решить вопрос и о наличии или отсутствии умысла лица на выражение угрозы убийством. Если такая угроза охватывалась их умыслом, то не имеет значения, к кому обращены слова об угрозе, так как в ст. 119 УК РФ нет указания на то, что угроза убийством должна быть обращена непосредственно к потерпевшему в утвердительной форме. Вполне достаточно того, чтобы она была озвучена, независимо от того, к кому была обращена, и воспринималась потерпевшим реально. При этом виновный или виновные, озвучивая такую угрозу, должны осознавать, что эту информацию воспринимает потерпевший тоже и идентифицирует ее как угрожающую. Вполне возможна ситуация, когда лицо разговаривает само с собой или с воображаемым партнером во время совершения преступления и озвучивает намерение убить или причинить вред здоровью. В этом случае, при наличии умысла лица таким образом оказать влияние на сознание потерпевшего и сформировать у него состояние тревоги за свою жизнь, угрозу убийством можно считать выраженной.

Если виновный четко определяет объем возможных последствий, то проблем при квалификации, как правило, не возникает, например, виновный словами высказывает угрозу убийством. Однако часто угрозы носят неопределенный характер («порешу», «порезу», «плохо будет», «ноги выдеру» и т. п.), что создает трудности для определения объема физического насилия, которым угрожал виновный [Тыдыкова 2013: 99]. Думается, что удачный алгоритм для решения этой квалификационной проблемы предложен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 N 29, где дано следующее разъяснение: «В тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т. п.». В отсутствие специального разъяснения, которое касалось бы состава, предусмотренного ст. 119 УК РФ, видится возможным исходить из аналогичных обстоятельств.

Состав преступления, предусмотренный ст. 119 УК РФ, предполагает, что на квалификацию не оказывает влияния предполагаемый момент реализации угрозы убийством. Это означает, что угрожающий может высказывать как намерение причинить смерть немедленно, так и в будущем. Это прямо не закреплено в тексте статьи 119 УК РФ, но так как не указано и иное правило, то практика идет именно по такому пути. Например, С. высказывал К. угрозу убийством на будущее, а К. имела основания опасаться осуществления ее реально, так как на ее глазах был убит Б. [Определение Верховного Суда РФ N 4-005-33 от 22.03.2005 г.].

Интересен вопрос о квалификации содеянного, когда виновный высказывает угрозу убийством в отношении двух лиц. Практика идет по пути квалификации таких деяний как единого преступления, если лицо действовало с единым умыслом и единым намерением на совершение преступления [Определение Верховного Суда РФ N 88-Д10-3 от 31.08.2010 г.].

Несмотря на то, что состав угрозы убийством является традиционным для российского уголовного права и степень общественной опасности этого преступления не должна вызывать сомнений, можно встретить отдельные предложения о декриминализации или частичной декриминализации этого состава преступления. Так, например, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.07.2015 N 37 в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен проект Федерального Закона, которым было предложено декриминализировать угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 119 УК РФ), если такое деяние совершено однократно. Думается, что законодателем справедливо такое предложение воспринято и реализовано не было, так как не вызывает сомнений общественная опасность угрозы убийством ни как самостоятельного состава преступления, ни в качестве квалифицирующего признака некоторых других составов преступлений. Кроме того, реализация такого предложения потребовала бы сформулировать в УК РФ новый состав преступления с административной преюдицией, что вызвало бы другие вопросы и сложности для правоприменения.

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет сформулировать несколько правил квалификации угрозы убийством.

1) Реальность угрозы (наличие оснований опасаться осуществления этой угрозы) является обязательным признаком как состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, так и других составов, где угроза убийством выступает квалифицирующим обстоятельством. Угроза убийством может быть оценена как реальная не только в тех случаях, когда виновные лица совершали подкрепляющие действия, опасения потерпевшего относительно осуществления угрозы могут быть основаны на других обстоятельствах, в частности, на анализе обстановки, в которой угроза была выражена, выраженном конфликтном характере взаимоотношений угрожавшего и потерпевшего, способах донесения угроз, информации о времени, способе или иных детализирующих обстоятельствах реализации угрозы и других обстоятельствах.

2) Угроза убийством может быть выражена в любой форме, в том числе конклюдентными действиями. Если таким действием является демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, то при оценке объема такой угрозы необходимо исходить из характеристики самого оружия или предмета, используемого в качестве оружия, и способа использования или демонстрации оружия или предмета, используемого в качестве оружия.

3) Угроза, вытекающая из обстановки, имеет уголовно-правовое значение только в качестве обстоятельства, подтверждающего реальность угрозы.

4) Угроза может быть доведена до сведения потерпевшего через третьих лиц, а также выражена не только в утвердительной форме, но и в вопросительной и вероятностной.

5) Вопрос о квалификации деяния при угрозе насильем неопределенного объема следует решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших причинить смерть.

Литература

- Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 93-АПУ13-6 от 25 сентября 2013 г. / СПС Гарант
Апелляционное постановление N 22-737/2015 от 13 августа 2015 года / СПС Консультант
Безверхов А. Г. Актуальные проблемы уголовного права / Вестник Самарского государственного университета. 2014. №11 /1 (22). С. 94-110.
Безверхов А. Г., Норвартян Ю. С. Соотношение категорий «насилие» и «угроза» в современном уголовном праве России / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т.9. Вып. 4. С. 522-533.
Дело № 1–92/00 / Архив Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края.
Ермакова О. В. Особенности квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: сборник материалов XIX всероссийской научно-практической конференции. отв. ред. А. Г. Чириков. 2019. С. 170-173.
Зотов А. Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике / Право и практика. 2022. №2. с. 121- 126.
Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ N 127-УД18-19 от 15.01.2019 / СПС Консультант.
Кондратенко М. А., Тыдыкова Н. В. Проблема квалификации признаков составов в насильственных преступлениях / Российская юстиция. - 2008. - N 1. - С. 41-42.
Коновалов Н. Н. Угроза убийством и угроза причинением тяжкого вреда здоровью при насильственных действиях сексуального характера и при изнасиловании / Российский судья. 2018. N 8. С. 30 – 35.
Мевлуд Д. Д., Майстренко Г. А. Уголовная ответственность за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 138-140.
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021 / Бюллетень Верховного Суда РФ.2022. N 2;
Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12.07.2017 / Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. N 9.
Определение Верховного суда Российской Федерации по делу № 82-УД21-7-К7от 22 июля 2021 года / Верховный суд РФ: сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru>.
Определение Верховного Суда РФ N 4-005-33 от 22.03.2005 / СПС Консультант.
Определение Верховного Суда РФ N 88-Д10-3 от 31.08.2010 / СПС Консультант.
Постановление Московского городского суда N 4у-6827/2017от 28.11.2017 / СПС Консультант.
Постановление Президиума Сахалинского областного суда N 44у-6/2018 от 16.02.2018 по делу / СПС Консультант.
Постановление Шарангского районногосуда Нижегородской области № 1-17/2021 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-17/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
Приговор Алтайского краевого суда№ 2- 5/2018 от 27 июня 2018 года г. / Алтайский краевой суд: сайт.URL:<https://kraevoy--alt.sudrf.ru>.
Приговор Чусовского городского суда Пермского края № 1-134/2021 от 9 июля 2021 г. по делу № 1-134/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-54/2021 от 20 июля 2021 г. по делу № 1-54/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
Приговор Шатровского районного суда Курганской области № 1-48/2021 от 13 июля 2021 г. по делу № 1-48/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>

- Приговор Шатурского городского суда Московской области № 1-183/2021 от 3 июня 2021 г. по делу № 1-183/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
- Приговор Шилкинского районного суда Забайкальского края № 1-23/2021 1-387/2020 от 18 марта 2021 г. по делу № 1-23/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>.
- Приговор Ярославского районного суда Ярославской области № 1-161/2021 от 26 июля 2021 г. по делу № 1-161/2021 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
- Приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-248/2020 1-36/2021 от 8 июня 2021 г. по делу № 1-248/2020 / Судебные и нормативные акты РФ: сайт.URL: <https://sudact.ru>.
- Раздобудько В. О. Уголовно-правовая характеристика угрозы: учебное пособие / В. О. Раздобудько, Д. А. Пархоменко, С. В. Пархоменко. Иркутск, 2017.
- Сердюк Л. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Уголовное право. - 2008. - № 1. - С. 64-68.
- Тыдыкова Н. В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М., 2013.
- Шаранов Р. Д. Насилие в уголовном праве: понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: автореф. дис. ... док. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

References

- Appeal decision N 22-737 / 2015 of August 13, 2015. ATP Consultant (in Russian).
- Appeal ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 93-APU13-6 dated September 25, 2013. SPS Garant (in Russian).
- Bezverkhov, A. G., Norvartyan, Yu. S. (2018). Correlation between the categories "violence" and "threat" in the modern criminal law of Russia. Bulletin of St. Petersburg University. Right, 9, 4, 522-533 (in Russian).
- Bezverkhov, A. G. (2014). Actual problems of criminal law. Bulletin of the Samara State University, 11/1(22), 94-110 (in Russian).
- Case No. 1–92/00. Archive of the Oktyabrsky District Court of Barnaul, Altai Territory (in Russian).
- Cassation ruling of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation N 127-UD18-19 of 01/15/2019. ATP Consultant (in Russian).
- Decree of the Moscow City Court N 4u-6827 / 2017 dated November 28, 2017. ATP Consultant (in Russian).
- Decree of the Presidium of the Sakhalin Regional Court N 44u-6 / 2018 dated February 16, 2018. ATP Consultant (in Russian).
- Determination of the Supreme Court of the Russian Federation N 4-005-33 dated March 22, 2005. ATP Consultant (in Russian).
- Ermakova, O. V. (2019). Peculiarities of qualification of the threat of murder or grievous bodily harm. The penitentiary system today: the interaction of science and practice: a collection of materials of the XIX All-Russian Scientific and Practical Conference. resp. ed. A. G. Chirikov, 170-173 (in Russian).
- Judgment of the Chusovoy City Court of the Perm Territory No. 1-134/2021 dated July 9, 2021 in case No. 1-134/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shatrovsky District Court of the Kurgan Region No. 1-54/2021 dated July 20, 2021 in case No. 1-54/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shatrovsky District Court of the Kurgan Region No. 1-48/2021 dated July 13, 2021 in case No. 1-48/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shatursky City Court of the Moscow Region No. 1-183/2021 dated June 3, 2021 in case No. 1-183/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Shilkinsky District Court of the Trans-Baikal Territory No. 1-23/2021 1-387/2020 dated March 18, 2021 in case No. 1-23/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. URL: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Judgment of the Yaroslavl District Court of the Yaroslavl Region No. 1-161/2021 dated July 26, 2021 in case No. 1-161/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Kondratenko, M. A., Tydykova, N. V. (2008). The problem of qualification of signs of compositions in violent crimes. Russian justice, 1, 41-42 (in Russian).
- Konovalov, N. N. (2018). The threat of murder and the threat of causing grievous bodily harm in case of sexual assault and rape. Russian judge, 8, 30-35 (in Russian).
- Mevlud, D. D., Maistrenko, G. A. (2021). Criminal liability for threats to kill or cause grievous bodily harm. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 138-140 (in Russian).
- Razdobudko, V. O. (2017). Criminal and legal characteristics of the threat: textbook / V. O. Razdobudko, D. A. Parkhomenko, S. V. Parkhomenko. Irkutsk (in Russian).
- Resolution of the Sharangsky District Court of the Nizhny Novgorod Region No. 1-17/2021 dated March 18, 2021 in case No. 1-17/2021. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).
- Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 10, 2021. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. (2022). No. 2 (in Russian).
- Review of the judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, approved. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on July 12, 2017. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (2018). No. 9 (in Russian).
- Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in case No. 82-UD21-7-K7 dated July 22, 2021. Supreme Court of the Russian Federation. Available from: <https://www.vsrfr.ru/> (in Russian).
- Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation N 88-D10-3 dated August 31, 2010. ATP Consultant (in Russian).

Sentence of the Altai Regional Court No. 2-5/2018 dated June 27, 2018. Altai Regional Court. Available from: <https://kraevoy-alt.sudrf.ru/> (in Russian).

Sentence of the Yartsevsky City Court of the Smolensk Region No. 1-248/2020 1-36/2021 dated June 8, 2021 in case No. 1-248/2020. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation. Available from: <https://sudact.ru/> (in Russian).

Serdyuk, L. (2008). Legal assessment of the consequences of the threat of murder or causing grievous bodily harm. Criminal Law, 1, 64-68 (in Russian).

Sharapov, R. D. (2006). Violence in criminal law: concept, qualification, improvement of the mechanism of criminal law warning: author. dis. ... doc. legal sciences. Yekaterinburg (in Russian).

Тыдыкова, Н. В. (2013). Criminal-legal characteristics and issues of qualification of violent sexual crimes. Moscow (in Russian).

Zotov, A. Yu. (2022). Problems of qualifying the threat of murder or causing grievous bodily harm arising in modern investigative and judicial practice. Law and Practice, 2, 121-126 (in Russian).

Citation:

Тыдыкова Н. В. О проблемах понимания признаков состава угрозы убийством // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 36-42.

Tydykova N. V. (2023). On Understanding the Elements of a Threat of Homicide. Legal Linguistics, 28, 36–42.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Идея иерархии в праве: практические аспекты

И. Н. Васев

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: vasev1986@mail.ru

Современная практическая юриспруденция сталкивается с множеством трудностей, вызванных несогласованностью действующего законодательства. Разрешение коллизий норм разной юридической силы, коллизий общих и специальных норм, темпоральных (временных) коллизий составляет неотъемлемую часть деятельности правоприменителя. Особенно актуальна данная проблема в части столкновения правовых норм разной юридической силы. Иерархически устроенная правовая система предполагает внутреннюю координацию нормативно-правовых актов. Классическим принципом разрешения коллизий между нормативно-правовыми актами разной юридической силы является правило о приоритете нормы большей юридической силы. Однако внешняя простота данного правила осложняется применительно к России отсутствием легальной системы нормативно-правовых актов, а также принципом федерализма. Указанная иерархия формулируется усилиями теоретической науки. В статье обсуждаются и проблемные моменты использования иерархии нормативно-правовых актов в случае их коллизионного столкновения.

Ключевые слова: иерархия нормативно-правовых актов, коллизия норм права, коллизионное правовое регулирование, принцип федерализма.

Hierarchy in Law: Practical Approach

I. N. Vasev

Altai State University

68 Sozialistichesky St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: vasev1986@mail.ru

Modern practical jurisprudence is faced with many difficulties caused by the inconsistency of the current legislation. The resolution of conflicts of norms of different legal force, collisions of general and special norms, temporal (temporary) collisions is an integral part of the law enforcer's work. This problem is particularly topical in relation to the interference of legal norms of different legal force. A hierarchically arranged legal system presupposes internal coordination of legal acts. The classical principle of resolving conflicts between normative legal acts of different legal force is the rule of the priority of a norm of greater legal force. However, when Russia is concerned, the deceptive simplicity of this rule is complicated by the lack of a legal system of legal acts, as well as by the principle of federalism. The hierarchy under discussion is developed by the efforts of theoretical science. The article also discusses the problematic aspects of using the hierarchy of legal acts in case of their collision.

Key words: hierarchy of normative legal acts, conflict of laws, conflict of law regulation, principle of federalism.

Идея иерархического построения права является ключевой для современной юриспруденции. Она, в частности, выражается в таких качествах права, как системность, беспробельность, коллизионная согласованность и пр. И, тем не менее, в России отсутствует сколь бы то ни было обстоятельное законодательное регулирование вопроса иерархии источников права и даже иерархии нормативно-правовых актов. Предполагалось, что данный пробел в некоторой степени устранил ФЗ «О нормативных правовых актах». Проект этого закона был принят Государственной Думой РФ в первом чтении в 1996 г., но отклонен в 2004 г. Но даже из тех немногих статей проекта, которые были прямо посвящены вопросам иерархии нормативно-правовых актов, явствовало, что современный законодатель еще не в состоянии разрешить поставленную задачу. Тем более не в состоянии законодатель и предустановить некую непротиворечивую модель соотношения различных источников права. Г. Ф. Шершеневич в свое время по этому поводу замечал: «Из равносильности норм права можно с одинаковым успехом вывести как то, что каждая из форм может отменить противоречащее ей положение другой формы, так и то, что ни одна из форм не в состоянии отменить положения, созданного другой, равносильной ей, формой» [Шершеневич 1910: 121].

Потребности же практического правоприменения требуют установления хотя бы инструментальной модели иерархии нормативно-правовых актов. Исходным принципом при построении такой системы неизменно выступает юридическая сила конкретного вида нормативно-правового акта. Система нормативно-правовых актов в России не имеет легального закрепления, что, в принципе, оправдано, т. к. возложение на законодателя труда по установлению такой системы означало

бы стремление к формализации постоянно изменяющейся правовой жизни. Поэтому иерархия нормативно-правовых актов в России в зависимости от их юридической силы устанавливается усилиями теоретической науки. В настоящее время система нормативно-правовых актов в Российской Федерации представляется следующей:

1) Конституция Российской Федерации. Для дополнительного обоснования ее значения наука зачастую пользуется термином «Основной закон», однако такая практика не имеет под собой легального основания. Перед нами всего лишь доктринальная отсылка к немецкой правовой науке (*Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland*). Сама же Конституция РФ «Основным законом» себя не именует.

Утверждение системообразующей роли Конституции РФ по отношению ко всей системе нормативно-правовых актов находит свое выражение в следующих ее положениях:

Ст. 15 Конституции РФ:

«1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации».

Сама Конституция РФ прямо не отвечает на вопрос об (не-)однородности ее текста с точки зрения юридической силы. Формальный повод для усмотрения такой внутренней иерархии имеется (ч. 2 ст. 16 Конституции РФ). И даже Конституционный Суд РФ изначально давал повод рассуждать о неравносилности конституционных положений [Определение Конституционного Суда РФ № 13-О от 01.04.1996]. Современная же теория права все более склоняется к той точке зрения, что текст Конституции РФ однороден в своей юридической силе [Петров 2020] и нет оснований устанавливать внутреннюю иерархию положений Конституции РФ;

2) общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора. Согласно общераспространенной традиции, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора занимают второе место в приводимой иерархии. Для обоснования такого взгляда на юридическую силу норм международного права традиционно избирается ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако такая точка зрения, будучи популярной в первые два десятилетия после принятия Конституции РФ 1993 г., в настоящее время не является более общепризнанной. Приоритетность норм международного права по отношению к национальному (исключая Конституцию) выводилась в свое время из одностороннего грамматического толкования ч. 4 ст. 15 Конституции. Вместе с тем в случае противоречия смысла, заложенного законодателем в словесную оболочку нормы права, с системным смыслом той же нормы, устанавливаемым за счет сопоставления ее со смежными по содержанию нормами, приоритет должен отдаваться системному смыслу. Иначе говоря, результаты грамматического толкования корректируются результатами системного толкования нормы. Именно поэтому дореволюционные юристы для обозначения системного толкования прибегали к термину «реальное толкование». Е. В. Васьковский указывал, что слова зачастую не могут передать волю законодателя без искажений, т. к. они сухи и не отражают всего смыслового контекста. Для устранения неточностей в понимании такой нормы и существует «реальный» способ толкования (современный системный, исторический, целевой и пр. способы в совокупности) [Васьковский 1913].

А «реальный» смысл ч. 4 ст. 15 заключается в том, что она должна быть сопоставляема с положениями о суверенности Российского государства, с нормами о статусе Федерального Собрания РФ и иных высших органов государственной власти. Так, при поспешном признании приоритета норм международного права ч. 4 ст. 15 почему-то не соизмеряется с ч. 6 ст. 125 Конституции РФ.

Ч. 6 ст. 125 Конституции РФ:

«6. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению».

Именно этими соображениями и была обусловлена поправка к ст. 79 Конституции РФ в 2020 г., которая в настоящее время гласит:

«Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».

Необходимо помнить, что норма международного права становится обязательной для Российской Федерации в случае ее ратификации Федеральным Собранием РФ. Указанная норма в случае ее ратификации предполагает ее изначальную согласованность с национальным законодательством. Если же между ними имеется рассогласованность, то возможны два варианта:

1) национальное законодательство перед ратификацией нормы международного права приводится в соответствие этой норме, а потому при ратификации между ними отсутствуют содержательные коллизии [Хисамов 2010: 58-61]. В таком случае норма международного права приобретает форму федерального закона о ратификации, а значит, проникает в тело национального права именно на уровне федеральных законов.

2) норма международного права ратифицируется без предварительного приведения в соответствие с ней норм национального права. И здесь, казалось бы, в полной мере должна проявить себя ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Но столь поспешное признание за нормой международного права повышенной юридической силы порождает неразрешимые противоречия на практике.

Так, ст. 34 «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы» устанавливает:

«1. Пограничные представители совместно с компетентными властями в возможно короткие сроки проводят расследование в отношении лиц, нарушивших государственную границу, устанавливают их личность, факт и причины нарушения границы и осуществляют их передачу компетентным властям Стороны, с территории государства которой они нарушили границу, в течение 7 дней с момента задержания.

3. Если лицо, нарушившее границу, совершило на территории государства Стороны, компетентные власти которой его задержали, другие преступные деяния, эти компетентные власти могут в соответствии с законодательством своего государства задержать указанное лицо на срок, необходимый для расследования обстоятельств его преступных деяний» [Соглашение от 09.11.2006].

Иначе говоря, если лицо, незаконно пересекшее Государственную границу РФ, является гражданином КНР и не совершило иных преступлений (кроме незаконного пересечения Государственной границы РФ) на территории РФ, то оно подлежит передаче КНР.

Но Уголовный кодекс РФ в то же самое время в ст. 322 устанавливает уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. При этом ст. 1 Уголовного кодекса РФ недвусмысленно устанавливает:

Ст. 1 УК РФ «Уголовное законодательство Российской Федерации»:

«1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс». И хотя в той же статье имеется общая отсылка к международному праву («2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права»), общего положения дел это не меняет.

Слепое применение нормы международного права в ущерб норме национального права означало бы постепенное разрушение здания национальной правовой системы. Поэтому перед нами не случай, подтверждающий буквальный смысл ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а, скорее, пример крайне ошибочного, ненормального развития национального права, представляющий собой не норму, а отклонение от системного смысла Конституции РФ.

Таким образом, норма международного права ни в коем случае не может посягать на принцип суверенности национального государства, а потому включается в систему национального права через ратификацию и только в форме федерального закона. Значит, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора с точки зрения юридической силы не занимают особого второго места непосредственно после Конституции РФ, а располагаются на уровне федеральных законов;

3) законы о поправках к Конституции РФ. Их высокое положение обусловлено тем, что, по сути, они содержат в себе конституционный текст;

4) федеральные конституционные законы РФ, служащие непосредственному развитию положений Конституции. Они принимаются в случаях, прямо предусмотренных Конституцией, при соблюдении особого порядка принятия;

5) федеральные законы РФ. Как уже было отмечено выше, именно к этому уровню необходимо относить и нормы международного права.

В группе федеральных законов проблема осложняется наличием в ней кодексов и основ законодательства;

6) указы Президента РФ;

7) постановления Правительства РФ;

8) нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти. В практической области постоянно возникает проблема идентификации правовых актов, фактически содержащих в себе нормы права, но формально относимых к числу правоприменительных правовых актов. Высшие судебные инстанции РФ в настоящее время в своей практике все более склонны расценивать ненормативные по форме, но нормативные по существу правовые акты как нормативно-правовые акты [Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 N 58-О];

9) конституции республик и уставы иных субъектов РФ. На уровне субъекта РФ фактически повторяется система НПА федерального уровня. Основными НПА субъекта являются конституции и уставы, конституционная разница между ними является технической (конституции республик принимаются на республиканских референдумах);

10) законы субъектов РФ. В отдельных субъектах РФ предусмотрено усложнение системы их законодательства за счет конституционных (уставных) законов. Согласно приводимому в научной литературе перечню, принятие таких «органических» законов предусмотрено всего в 7 субъектах Российской Федерации – республиках Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Тыва, Ингушетия, Алтай, а также в Калининградской области и Красноярском крае [Ульихин 2014: 32-38];

11) акты органов исполнительной власти субъектов РФ;

12) акты органов местного самоуправления;

13) локальные нормативно-правовые акты. Так, ст. 8 Трудового кодекса РФ, по сути, предоставляет всем работодателям (за исключением работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями) право локального нормотворчества [Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ]. Однако столь широкое допущение локального нормотворчества вовсе не является общим правилом для иных отраслей российского права.

Так в общем виде может быть представлена иерархия нормативно-правовых актов в современной российской правовой системе. Предназначение такого расположения нормативно-правовых актов по юридической силе – в установлении их соподчиненности, когда при коллизии между ними в качестве поведенческого образца избирается норма, закрепленная в акте большей юридической силы [Петренко 2011: 111-120].

Однако необходимо учитывать, что применительно к России на указанную систему значительное влияние оказывает принцип федерализма. Так, на вопрос «что выше по юридической силе: указ Президента РФ или Закон субъекта РФ?» не стоит давать поспешного ответа о большей юридической силе актов Президента РФ, т. к. они, якобы, занимают более высокое положение в ранее приведенной системе. Распределение предметов ведения и полномочий по трем группам (исключительного ведения РФ, совместного ведения, исключительного ведения субъектов РФ) предполагает, что акт федерального органа государственной власти не может, например, вмешиваться в предмет исключительного ведения субъекта РФ и наоборот. Это означает, что в определенных условиях (ст. 73 Конституции РФ) закон субъекта РФ может

подлежать приоритетному применению по отношению к указу Президента РФ. Это, как минимум, один пример, демонстрирующий условность ранее приведенной иерархии нормативно-правовых актов.

Проследим влияние принципа федерализма на понимание системы нормативно-правовых актов также на таком примере:

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г. признан противоречащим федеральному законодательству, недействующим и не подлежащим применению со дня вступления решения в законную силу Закон г. Москвы от 7 декабря 2001 г. № 69 «О городском минимуме оплаты труда» на том основании, что установление минимума оплаты труда относится к компетенции федеральных органов законодательной власти. Московский городской суд указал: «В силу этого неправомерно установление и иного, хотя и превышающего установленный на федеральном уровне, минимума оплаты труда» [Решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г.].

На вопрос о том, может ли субъект Федерации в своем законодательстве повысить уровень прав и свобод человека и гражданина по сравнению с федеральным стандартом, если этот вопрос отнесен к исключительной компетенции Федерации, Московский городской суд справедливо ответил отрицательно. Т. е. судебная практика пришла к выводу, что субъекты РФ могут повышать уровень прав свобод и гарантий лишь путем установления дополнительных прав, которые не предусмотрены федеральным законодательством. Не может нормативно-правовой акт субъекта РФ вторгаться в предметы ведения Федерации в целом ни при каких условиях.

Встречаются в правоприменительной практике и более сложные случаи иерархической коллизии. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 05.05.1992 N 431 (ред. от 25.02.2003) «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» устанавливается следующее субъективное право для многодетных семей:

«...бесплатное питание (завтраки и обеды) для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений за счет средств всеобщего и отчислений от их производственной деятельности и других внебюджетных отчислений».

При этом механизм реализации этой нормы предусмотрен не был.

Одновременно с вышеуказанной нормой на территории Алтайского края действует Закон Алтайского края от 29.12.2006 N 148-ЗС «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае», которым предусматриваются:

«компенсационные выплаты на питание для учащихся общеобразовательных учреждений», а также устанавливается механизм реализации указанного субъективного права.

Таким образом, перед нами коллизия нормы федерального уровня (но не обеспеченной механизмом ее реализации) и нормы уровня субъекта РФ (обеспеченной механизмом реализации). Практика, по-видимому, пошла по пути придания приоритета второй норме и исключения действия нормы федерального уровня в силу ее «мертворожденности». Но такая позиция противоречит пусть не «букве», но «духу» ст. 76 Конституции РФ, предполагающей по вопросам совместного ведения приоритетность федеральных нормативно-правовых актов. А потому Закон Алтайского края ни в коем случае не может осуществить замену одного субъективного права (пусть и нереализуемого) на другое; он может лишь осуществить дополнительное правовое регулирование, что, собственно, отражено и в наименовании Закона Алтайского края.

Итак, для разрешения коллизии норм разной юридической силы принципиально важным является местоположение актов, в которых содержатся указанные нормы, в иерархии нормативно-правовых актов. По установлении их местоположения следует руководствоваться правилом: акт большей юридической силы приоритетен по отношению к акту меньшей юридической силы.

Но вновь заметим, что речь идет именно о системе нормативно-правовых актов. В правовых системах, допускающих широкое применение иных источников права (правовой обычай, судебный прецедент, правовая доктрина и пр.) для применения указанного правила необходимо будет установить характер взаимоотношения между этими источниками.

Коллизионное правило об актах разной юридической силы обладает наибольшим «удельным весом». Оно подчиняет себе как правило об общей и специальной норме, так и правила разрешения темпоральных (временных) коллизий. Например, если в коллизию вступят старая норма меньшей юридической силы, но сформулированная по типу специально, и новая общая норма большей юридической силы, то первенством будет пользоваться норма большей юридической силы.

Литература

Васьковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М., 1913.

Закон Алтайского края от 29.12.2006 N 148-ЗС «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае» (ред. от 31.12.2013) / Алтайская правда. - N8-9, 18.01.2007

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) / Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014, N 31. – Ст. 4398.

Определение Конституционного Суда РФ № 13-О от 01.04.1996 / СПС «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ № 137-О от 28.12.1995 / СПС «КонсультантПлюс».

Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 N 58-О / Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 2006 г., N 4, Решение Верховного Суда РФ от 18.06.1998. / Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, 1998 г., N 12, стр. 7.

Петренко Д. С. О принципе верховенства закона: противоречия между законами и подзаконными нормативными актами на примере норм, регулирующих оборот биологически активных добавок / Вестник Международного института экономики и права. - № 2 (3). - 2011. - С.111-120.

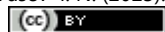
- Петров А. А. Внутренняя согласованность действующей Конституции РФ и спорные вопросы преодоления коллизий в праве. URL: <https://www.academia.edu/37972843>.
- Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П / Российская газета. - N 163. - 27.07.2015.
- Решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/90/reshenie-moskovskogo-gorodskogo-suda-ot-05-06-2002--3-2502002.pdf>
- Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы (Заклучено в г. Пекине 09.11.2006). Соглашение вступило в силу 08.04.2007 / Бюллетень международных договоров. - 2007. - N 5. - С. 40-78.
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от 02.05.2015) / Российская газета. - N 256. - 31.12.2001.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. / Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - N 25. - Ст. 2954.
- Указ Президента РФ от 05.05.1992 N 431 (ред. от 25.02.2003) «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» / В данном виде документ опубликован не был.
- Ульяхин В. С. Особые законы субъектов Российской Федерации: возможная конституционно-правовая трактовка / Сибирский юридический вестник. - №2. - 2014. - С. 32-38.
- Хисамов Э. Р. К вопросу о месте федеральных законов о ратификации в иерархии нормативных актов Российской Федерации / Современная наука. - 2010. - №3. - С. 58-61.

References

- Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the regime of the Russian-Chinese state border (Concluded in Beijing on November 9, 2006). The Agreement entered into force on 08.04.2007. Bulletin of International Treaties. 2007. N 5. Pp. 40-78 (in Russian).
- Decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Moscow City Court of June 5, 2002. Available from: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/90/reshenie-moskovskogo-gorodskogo-suda-ot-05-06-2002--3-2502002.pdf> (in Russian).
- Decree of the President of the Russian Federation of 05.05.1992 N 431 (as amended on 25.02.2003) "On measures for the social support of large families." The document was not published in this form.
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 13-O of 04/01/1996. SPS "ConsultantPlus" (in Russian).
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 137-O of December 28, 1995. ATP "Consultant Plus" (in Russian).
- Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.03.2006 N 58-O. Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. - 2006, N 4, Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 06/18/1998. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, 1998, N 12, p. 7 (in Russian).
- Khisamov, E. R. (2010). On the question of the place of federal laws on ratification in the hierarchy of normative acts of the Russian Federation. Modern Science, 3, 58-61 (in Russian).
- Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 N 197-FZ (as amended on April 6, 2015, as amended on May 2, 2015). Rossiyskaya Gazeta. - N 256. - 12/31/2001 (in Russian).
- Law of the Altai Territory dated December 29, 2006 N 148-3C "On additional measures of social support for large families in the Altai Territory" (as amended on December 31, 2013). Altaiskaya Pravda. - N8-9, 01/18/2007 (in Russian).
- Petrenko, D. S. (2011). On the principle of the rule of law: contradictions between laws and by-laws on the example of the rules governing the circulation of biologically active additives. Bulletin of the International Institute of Economics and Law, 2 (3), 111-120 (in Russian).
- Petrov, A. A. Internal consistency of the current Constitution of the Russian Federation and controversial issues of overcoming conflicts in law. Available from: <https://www.academia.edu/37972843> (in Russian).
- Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2015 N 21-P. Rossiyskaya Gazeta. - N 163. - 07/27/2015 (in Russian).
- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 N 6-FKZ, of December 30, 2008 N 7-FKZ, of February 5, 2014 N 2 -FKZ, dated July 21, 2014 N 11-FKZ, dated March 14, 2020 No. 1-FKZ).
- Collection of legislation of the Russian Federation. - 08/04/2014, N 31. - Art. 4398 (in Russian).
- The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-FZ. Collected Legislation of the Russian Federation. - 06/17/1996, N 25. - Art. 2954 (in Russian).
- Ul'ikhin, V. S. (2014). Special laws of the constituent entities of the Russian Federation: a possible constitutional and legal interpretation. Siberian Legal Bulletin, 2, 32-38 (in Russian).
- Vaskovskiy, E. V. (1913). Guide to the interpretation and application of laws: for beginner lawyers. Moscow (in Russian).

Citation:

Васев И. Н. Идея иерархии в праве: практические аспекты // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 43-48.
 Vasev I. N. (2023). Hierarchy in Law: Practical Approach. Legal Linguistics, 28, 43-48.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Нормы-оговорки и отсылки в законодательстве: аспекты соотношения

Ю. А. Герасименко

*Ростовский государственный экономический университет
ул. Большая Садовая, 69, 344002, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: Julia.tsikolenko@mail.ru*

Статья посвящена отдельным аспектам соотношения норм-оговорок и отсылок, используемых в положениях законодательства. Применяя совокупность общенаучной и специальной методологии исследования, в том числе диалектического, сравнительно-правового, формально-юридического методов, на основе элементов общего и особенного норм-оговорок и отсылок в законодательстве формулируются положения, уточняющие и развивающие учение о специализации законодательства, о юридической технике правотворчества, предлагается авторское видение содержательной основы норм-оговорок. Норма-оговорка позиционируется в качестве разновидности специального правового предписания, направленного на регулирование видовых правоотношений. Аргументируется тезис о том, что, взаимодействуя с иными технико-юридическими средствами и приемами правового регулирования, в первую очередь законодательными отсылками, норма-оговорка нередко приобретает их юридическую оболочку. На основе анализа законодательства, правоприменительной практики и юридической доктрины доказывается различный функциональный потенциал норм-оговорок и законодательных отсылок, показывается их значение как средств правового воздействия. Выводы, высказанные автором, расширяют юридическое знание о теории правовой нормы, а также послужат началом научной дискуссии относительно самостоятельного восприятия нормы-оговорки, стимулируют дальнейший научный поиск в данном направлении.

Ключевые слова: норма права, оговорка, отсылка, юрислингвистика.

Reservations and References in Legislation: Correlation Aspects

Yu. A. Gerasimenko

*Rostov National University
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: Julia.tsikolenko@mail.ru*

The article discusses certain aspects of the correlation of norms-reservations and references used in the provisions of legislation. Applying complex general scientific and special research methodology, including: dialectical, comparative legal, and formal legal methods, based on elements of general and special norms-reservations and references in legislation, the author formulates provisions that clarify and develop the doctrine of the specialization of legislation, the legal technique of law-making, as well as proposes a vision of the fundamental basis of the norms-reservations. The reservation is seen as a kind of special legal regulation aimed at regulating specific legal relations. The thesis is argued that interacting with other technical and legal means and methods of legal regulation, primarily legislative references, the norm-reservation often acquires its legal expression. Based on the analysis of legislation, law enforcement practice and legal doctrine, the various functional potential of norms-reservations and legislative references is proved, their significance as means of legal influence is shown. The conclusions expressed by the author expand legal knowledge about the theory of the legal norm, and will also serve as the beginning of a scientific discussion regarding the independent perception of the norm-reservation, and will stimulate further scientific endeavor.

Key words: rule of law, reservation, reference, legal linguistics.

Несмотря на весьма обширное количество публикаций по тематике оговорок как института международного частного права [Цинделиани, Безикова 2022], компонента судебной (в первую очередь интерпретационной) практики [Егоров 2012], технико-юридического приема [Репьев 2021], их юридическая природа изучена недостаточно. Самым распространенным объектом исследования применительно к феномену «оговорка» являются общественные отношения, складывающиеся в рамках института оговорки о публичном порядке [Мартынюк 2011]. При этом норма-оговорка и вовсе выпала из фокуса внимания ученых в качестве самостоятельного феномена и лишь фрагментарно изучалась правоведами. Имеют место единичные публикации на данный счет, и в данной статье предпринята попытка нивелировать это упущение, углубив знания относительно феномена «норма-оговорка» в праве, сопоставив его с близко соприкасающимся феноменом – законодательной отсылкой.

Учитывая полисемичный характер термина «оговорка», начать полагаем уместным с ее краткого юрислингвистического анализа. Это необходимо еще и в свете того, что «оговорка» имеет широкий синонимичный ряд, а также омонимичное свойство. Так, слово «оговориться» употребляется в одном ряду с терминами «обмолвиться», «ошибиться», и

в значении нечаянно произнесенного высказывания, незначительной допущенной ошибки речи [Словарь синонимов 2003: 37]. Видимо, в связи с этим в русском языке, как литературном, так и разговорном, за словом «оговорка» закрепилось значение непроизвольной лингвистической ошибки [Ефремова 2006: 428]. Полагаем, что для разграничения восприятия «оговорки» как ошибки и как некоего разъяснения следует обратить внимание на его глагольные формы.

Так, «оговаривать» значит «объяснять наперед, ставить условие, предупреждать условно» [Толковый словарь 1881: 667]. Современные справочные источники также используют аналогичную интерпретацию термина «оговорить» через различные формы разъяснения. Например, «объяснить наперед, предупредить» [Ушаков 2008: 586]. Вместе с тем необходимо иметь в виду и омонимичные свойства данного глагола, имеющего, тем не менее, кардинально иное значение в понимании «оклеветать, очернить, опорочить» и пр. Таким образом, в юрислингвистическом аспекте и в рамках языка нормотворчества термин «оговорка» используется в значении разъяснительного положения, поправки к основному тексту, дополнения к ранее установленному.

Интересно, что профессор Д. А. Керимов процесс дополнения в правовом регулировании связывает еще и с таким приемом юридической техники, как законодательная отсылка [Керимов 1962: 89]. Ряд других ученых, в числе которых А. Г. Репьев, развивая данное положение, полагают, что в результате отсылочного предписания правовое регулирование не только может дополняться, но из него могут делаться и изъятия [Репьев 2022 № 1: 19]. Полагаем, что норма-оговорка также используется правотворческими органами для изъятия и дополнения правового регулирования. Актуальным в этой связи выступает рассмотрение соотношения подобных инструментов юридической техники, с учетом соотношения ее с основополагающими качествами нормы права, которая должна иметь характер общеобязательности, строгой определенности, стабильности и пр.

Прав был С. С. Алексеев, что способы изложения норм относятся к такой системе знаний, как правовая технология [Алексеев 2008: 482]. Полагаем, через призму данного тезиса вполне допустимо рассматривать природу норм-оговорок и законодательных отсылок. «Технология» (от греч. *technē* – искусство и *logos* – учение) в самом общем виде представляет собой систему способов, методов, применяемых в какой-либо сфере, совокупность знаний о такой системе [Ушаков 2008: 1047].

Юридическая природа норм-оговорок демонстрирует, что они характеризуются как универсальный, и в то же время самобытный технико-юридический способ фиксации в нормативном правовом акте воли государства. В рамках данного тезиса выдвинем положение, что способ, как образ технико-юридических действий по закреплению нормы права, как известно, может быть прямым, отсылочным или бланкетным. Закономерности закрепления в правовых актах норм-оговорок демонстрируют, что последняя вполне может сочетать все три варианта. Видимо, не случайно мнение, присутствующее в науке, что оговорки выступают в определенном смысле адресом отсылки, «места, где находится недостающая правовая информация» [Ткачук 2008: 15]. В такой интерпретации норма-оговорка является способом технико-юридического закрепления и последующей реализации многоярусного правового предписания, в основе которого – базовое правило поведения, а надстройкой является акцессорное уточнение, дополнение, изъятие, указывающее на иной вариант правового регулирования.

Указание на юридическое сходство норм-оговорок и законодательных отсылок, их корреспондирующий друг другу технико-юридический характер актуализирует обращение к элементам их различия. Следует понимать, что единство норм-оговорок и законодательных отсылок относится к их сущности, обусловленной соотношением с общим началом – генеральным правовым предписанием, что черты различия, характерные для каждой из них, касаются их формы и содержания. Последние просматриваются в следующем:

во-первых, законодательная отсылка не является самостоятельным нормативным предписанием [Ткачук 2008: 15], чего нельзя сказать о норме-оговорке. Предписания, изложенные в норме-оговорке, могут служить основанием как возникновения новых, изменения существующих, так и прекращения имеющихся правовых отношений. К примеру, несмотря на то, что по общему правилу «государство не отвечает по обязательствам Банка России» [О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): ст. 2] и наоборот, такие правоотношения могут возникнуть на легитимной основе за счет присутствующей в нормативном правовом акте нормы-оговорки: «если они не приняли на себя такие обязательства или если иное не предусмотрено федеральными законами». Игнорирование нормы-оговорки вполне может служить фактом признания такого действия в качестве правонарушения, что повлечет за собой наступление юридической ответственности;

во-вторых, отсылка ограничивает усмотрение субъектов и правоприменительную интерпретацию [Ткачук 2008: 15, 19], а норма-оговорка по своей природе реализует обратный потенциал – нацеливает правоприменителя на расширение субъективного усмотрения, в том числе посредством всех форм и видов толкования. При этом усмотрение, реализуемое в рамках толкования нормы-оговорки, позволяет максимально расширять взгляды на уточнение и детализацию, особенно если норма-оговорка содержит оценочную формулировку, такую как, например, «исключительные личные обстоятельства». Так, в соответствии с требованиями Федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ поднадзорному лицу запрещено оставлять пределы территории проживания, определенные судом [Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: п. 3 ч. 1 ст. 4]. Однако нормой-оговоркой, применяемой в совокупности с ведомственным нормативным правовым актом, установлено, что при возникновении исключительных личных обстоятельств заместитель начальника территориального органа МВД России [О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, п. 6] может дать разрешение на краткосрочный выезд (ч. 3 ст. 12 федерального закона от 06.04.2011 № 64-ФЗ). При этом основания для такого разрешения определены в норме федерального закона таким образом, что при их интерпретации нацеливают субъект правоприменения на широкое применение субъективного усмотрения. Формулировка «угрожающая жизни тяжелая болезнь близкого родственника» предполагает, что соответствующее должностное лицо оценит и фактическое состояние здоровья близкого поднадзорному субъекту человека, и определит достаточную степень родства (принимая во внимание, что перечень близких родственников указанным федеральным законом не определен, а в иных нормативных правовых актах имеют место отдельные расхождения, например относительно неполнородных братьев и сестер) (относительно признания неполнородных братьев (сестер) в качестве близких родственников интересно сравнение ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ и ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ);

в-третьих, отсылка в нормативном правовом акте преследует цели приблизить степень правового регулирования к максимальной конкретности, а оговорка в содержании правового предписания – к абстрактности. Достигается это при помощи соответствующих технико-юридических приемов: в первом случае – адресуя правоприменителя к положениям иной

статьи либо другого нормативного правового акта, а во втором – ориентируя на расширение содержания правового воздействия за счет включения в него общечеловеческих компонентов, нравственных императивов, начал разумности и иных. Так, одними из наиболее часто встречающихся юридических лексем, используемых для норм-оговорок, являются словосочетания: «в исключительном случае», «в случае, если», «если иное не предусмотрено» и пр. [Репьев 2022 № 4: 76]. К примеру, словосочетанием «если иное не предусмотрено» законодатель указывает вектор по толкованию и применению нормы исходя из общечеловеческих представлений о хорошем и плохом, справедливом и несправедливом. С такой оговорки начинается статья 2 Федерального закона от 25.10.2002 № 125-ФЗ, определяющая порядок очередности предоставления жилищных субсидий, который предполагает, что «в первую очередь жилищные субсидии предоставляются гражданам, признанным инвалидами I и II групп» [О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: ст. 2]. Формируя официальную позицию по этому вопросу, Конституционный Суд РФ указал, что «очередность предоставления социальных выплат определяется в зависимости от даты подачи/регистрации заявления о постановке на учет. Указанный порядок определения очередности <...> обеспечивает реализацию конституционного принципа справедливости» [определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1575-О];

в-четвертых, отсылки в законодательстве преследуют одну из ключевых целей оптимизации системы нормативных правовых актов посредством экономии правового пространства, чего нельзя сказать о нормах-оговорках. Последние, стремясь добиться полноты правового регулирования, насыщают нормативный правовой материал и акты применения права дополнительными сведениями, исходящими из интерпретации самой оговорки. Яркий пример двухъязычной нормы-оговорки, предусматривающей по сути уточнение – уточнения: «в случае наделения органов местного самоуправления муниципальных районов (городских округов с внутригородским делением) полномочиями органов государственной власти субъекта Российской Федерации, указанными в абзаце первом настоящего пункта, дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений (внутригородских районов) в части, касающейся предоставления дотаций бюджетам городских, сельских поселений (внутригородских районов), находящихся на территориях муниципальных районов (городских округов с внутригородским делением), в составе бюджета субъекта Российской Федерации не предусматриваются» [Бюджетный кодекс Российской Федерации, ст. 137]. К слову сказать, экономия в нормативном материале не всегда означает качество нормативного материала. Экономичность как качество, присущее эффективному праву и законодательству, осторожно оправдано утверждает, что «одна из причин неадекватного выражения норм права – стремление к законодательной экономии» [Черданцев 1993: 39];

наконец в-пятых, законодательные отсылки – элемент в большей степени технический, служащий для удобства пользования нормативным материалом, показывающий путь, при следовании которому правоприменитель обнаружит конкретное правило поведения, формы его реализации и т. д. Норма-оговорка – элемент творческий, способствующий более глубокому проникновению в правовую материю нравственных, духовных начал, увязыванию в структуре нормативного акта как формализованного правила поведения, так и более обширного содержательного компонента. В свете сказанного вполне уместно подметить такую черту нормы-оговорки, как идеологизированность. Она в большей степени (по сравнению с основным правовым предписанием, или примечанием к нему, отсылочным установлением и пр.) отражает сознание и волю законодательного органа. Позволим в этом контексте использовать высказывание профессора В. В. Лазарева, которое как нельзя точно подходит к норме-оговорке, создаваемой государством: «оно, как скульптор, творит право и что вышло из-под его резца, что выпорхнуло из рук мастера, то и право» [Лазарев 2010: 366].

Резюмируем кратко представленный материал:

– норма-оговорка есть разновидность специального правового предписания, появившаяся как необходимость дополнения, детализации, уточнения общих правил поведения, вызванная усложнением и трансформацией общественных отношений;

– норма-оговорка компилирует в себе одновременно и способ и метод воздействия на специфические отношения, поскольку определяет обстоятельства, случаи ее применения (которые сами по себе отличны от стандартных ситуаций), исключает отдельных участников из данных отношений, дополняет их взаимные права и обязанности, предусматривает изъятия из ограничений и запретов, а также наделяет статус таких участников гарантиями их правового и социального положения;

– норма-оговорка взаимодействует с иными технико-юридическими средствами и приемами правового регулирования (отсылками, ссылками, примечаниями и пр.), нередко приобретая юридическую оболочку последних;

– тенденции трансформации отечественного нормативного материала актуализируют потребность расширения знаний о специальных юридических технологиях изложения правил поведения, регулирующих нестандартные (узко-видовые) общественные отношения, при сохранении требований к устойчивости, стабильности общего правового предписания.

Литература

Алексеев С. С. Общая теория права. М., 2008.

Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 28.12.2022), ст. 137 / Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823; 2022. № 48. Ст. 8315.

Егоров А. В. Асимметричные оговорки о разрешении споров судебная практика заменяет на симметричные / Вестник международного коммерческого арбитража. - 2012. - № 2 (6).

Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160000 слов. М., 2006. Т. 2: М-П.

Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.

Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. III: Из истории политической мысли. Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, Юрид. фирма «ЮСТ». М., 2010.

Мартынюк С. В. Институт оговорки о публичном порядке в международном авторском праве / Актуальные проблемы российского права. - 2011. - № 1 (18).

Никитинский В. И. Проблемы повышения эффективности норм советского трудового права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1971.

- О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: федеральный закон от 25.10.2002 № 125-ФЗ (в ред. от 20.07.2020) / Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4188; 2020. № 30. Ст. 4754.
- О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: приказ МВД России от 08.07.2011 № 818 (в ред. от 30.05.2022) / Российская газета. 2011. 26 авг.
- О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) / Собрание законодательства РФ. 2002. № 28. Ст. 2790; 2021. № 49 (ч. I). Ст. 8142.
- Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) / Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2037; 2019. № 40. Ст. 5491.
- Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Крицкой Галины Васильевны на нарушение ее конституционных прав положениями Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» и пунктом 20 Положения о регистрации и учете граждан, имеющих право на получение социальных выплат для приобретения жилья в связи с переселением из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей: определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1575-О / СПС Консультант Плюс.
- Рельев А. Г.* Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») / Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10.
- Рельев А. Г.* Латентный вариант конструкции бланкетной правовой нормы / Труды Академии управления МВД России. - 2022. - № 1 (61).
- Рельев А. Г.* Техничко-юридическая лексема «исключительный случай» в российском законодательстве и правоприменительной практике / Юрист-Правоведъ. - 2022. - № 4.
- Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А - Н / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2003.
- Ткачук О. В.* Отсылки в российском законодательстве (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008.
- Толковый словарь живого Великорусского языка В. Даля. Второе изд., испр. и значит. умнож. по рук. автора. Т. 2: И-О. СПб., 1881.
- Ушаков Д. Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008.
- Цинделиани И. А., Безикова Е. В.* Налоговая оговорка как инструмент конвергенции частного и публичного правового регулирования / Вестник Томского государственного университета. Право. - 2022. - № 43.
- Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.

References

- About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): Federal Law No. 86-FZ of 10.07.2002 (as amended. dated 30.12.2021). Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 28. St. 2790; 2021. No. 49 (part I). St. 8142 (in Russian).
- Alekseev, S. S. (2008). General Theory of Law. Moscow (in Russian).
- Budget Code of the Russian Federation No. 145-FZ of 31.07.1998 (as amended. dated 12.28.2022), Article 137. Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. St. 3823; 2022. No. 48. St. 8315 (in Russian).
- Cherdantsev, A. F. (1993). Logical-linguistic phenomena in law, legal science and practice. Yekaterinburg (in Russian).
- Dictionary of synonyms of the Russian language: In 2 vols. Vol. 1: A-N / edited by A. P. Evgenieva. Moscow, 2003 (in Russian).
- Efremova, T. F. (2006). Modern explanatory dictionary of the Russian language. In 3 volumes: approx. 160,000 words. Moscow, Vol. 2: M-P (in Russian).
- Egorov, A. V. (2012). Asymmetric clauses on dispute resolution judicial practice replaces with symmetrical ones. Bulletin of International Commercial Arbitration, 2 (6) (in Russian).
- Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V. Dahl. Second ed., ispr. and means. multiply. by hand. author. Vol. 2: I-O. St.-Petersburg, 1881 (in Russian).
- Kerimov, D. A. (1962) Codification and legislative technique. Moscow (in Russian).
- Lazarev, V. V. (2010). Selected works: in 3 vols. Vol. III: From the History of Political Thought. Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation, Jurid. firm "YUST". Moscow (in Russian).
- Martynyuk, S. V. (2011). Institute of reservations about public order in international copyright. Actual problems of Russian law, 1 (18) (in Russian).
- Nikitinsky, V. I. (1971). Problems of increasing the effectiveness of the norms of Soviet labor law: abstract. dis. ... dr. law science. Moscow (in Russian).
- On administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: Federal Law No. 64-FZ of 06.04.2011 (as amended. from 01.10.2019). Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 15. St. 2037; 2019. No. 40. St. 5491 (in Russian).
- On housing subsidies to citizens leaving the regions of the Far North and areas equated to them: Federal Law No. 125-FZ of 25.10.2002 (as amended. dated 20.07.2020). Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. St. 4188; 2020. No. 30. St. 4754 (in Russian).
- On the Procedure for the implementation of administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 08.07.2011 No. 818 (as amended. from 30.05.2022). Rossiyskaya Gazeta. 2011. 26 Aug. (in Russian).
- On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kritskaya Galina Vasilyevna on violation of her constitutional rights by the provisions of the Federal Law "On Housing Subsidies to Citizens Leaving the Far North and Areas Equated to them" and paragraph 20 of the Regulations on Registration and Registration of Citizens Entitled to Receive Social Benefits for the Purchase of Housing in Connection with Resettlement from districts of the Far North and areas equated to them: definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 24.09.2012 No. 1575-O. SPS Consultant Plus (in Russian).

-
- Repyev, A. G. (2021). Concretization of a legal norm by means of a technical and legal clause (on the example of the phrase "in case"). *Journal of Russian Law*, 25, 10 (in Russian).
- Repyev, A. G. (2022). Latent variant of the construction of a blank legal norm. *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, (61) (in Russian).
- Repyev, A. G. (2022). Technical and legal lexeme "exceptional case" in Russian legislation and law enforcement practice. *Jurist-Pravoved*, 4 (in Russian).
- Tkachuk, O. V. (2008). *References in Russian legislation (problems of theory and practice): autoref. dis. ... cand. law science*. N. Novgorod (in Russian).
- Tsindeliani, I. A., Bezikova, E. V. (2022). Tax clause as a tool of convergence of private and public legal regulation. *Bulletin of Tomsk State University. Right*, 43 (in Russian).
- Ushakov, D. N. (2008). *A large explanatory dictionary of the modern Russian language*. Moscow (in Russian).
-

Citation:

Герасименко Ю. А. Нормы-оговорки и отсылки в законодательстве: аспекты соотношения // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 49-53.
Gerasimenko Yu. A. (2023). Reservations and References in Legislation: Correlation Aspects. *Legal Linguistics*, 28, 49–53.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Лингвистические аспекты юридической техники (на примере функционирования слова «заведомо» и конструкции «знал или должен был знать» в Гражданском кодексе РФ)

Ю. В. Донскова

*Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова
(Сеченовский университет)*

ул. Садовая-Кудринская д. 3 стр. 1, 123242, Москва, Россия. E-mail: donskova.expert@yandex.ru

Статья посвящена одному из прикладных направлений лингвистики – юридической лингвистике, в частности, герменевтическому аспекту. В центре внимания – функционирование языковых единиц в юридическом дискурсе, а также лингвистические аспекты юридической техники. Связано это с тем, что последняя включает в себя не только собственно юридические, но и лингвистические аспекты, поскольку язык является средством выражения тех или иных явлений, а критерии точности, непротиворечивости, доступности для понимания неспециалисту являются важными элементами юридической техники. Предметом лингвистических наблюдений является функционирование лексемы «заведомо» в русском юридическом дискурсе. В статье обращается внимание на характер употребления лексемы «заведомо» в Семейном и Гражданском кодексах РФ. Но особое внимание уделяется редакциям ст. 174 ГК РФ («Последствия нарушения представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица») и вопросу изменения толкования в зависимости от наличия/отсутствия данной лексемы. В статье анализируются точки зрения специалистов в области юриспруденции (В. А. Белов, О. В. Берг, К. А. Горбатов, С. Л. Будылин) на вопрос о том, насколько значимо наличие/отсутствие данной лексемы в тексте указанного закона, а также причины редакции ст. 174 ГК РФ. Чем обусловлена такая редакция закона, претерпевает ли он в связи с этим существенные смысловые изменения, какова семантика и функция слова «заведомо» в русском юридическом дискурсе, какие лингвистические аспекты юридической техники законодательного акта следует учитывать в подобных случаях, какие внешние факторы могут влиять на язык закона. При подробном рассмотрении семантики лексемы «заведомо» обращается внимание на то, что в связи со ст. 307 УК РФ («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод») произошла юридизация данной лексемы. Анализ контекстов использования лексемы «заведомо» в русском юридическом дискурсе показал, что чаще всего она употребляется в составе следующей конструкции «знал или должен был знать». В связи с этим рассматривается юридически обязывающий оттенок модальности долженствования. На примере лексемы «заведомо» и предикативов долженствования («должен») и возможности («мог») анализируются проблемные аспекты калькирования англоязычных конструкций («aware or must have been aware») в русском юридическом дискурсе, а также поднимаются вопросы лингвистической экспертизы юридических текстов.

Ключевые слова: юридическая техника, юридический дискурс, лингвистическая экспертиза, лексическая семантика, модальность.

Linguistic Aspects of Legal Writing (Case Study of the Word “Zavedomo” and Phrase “Znal ili Dolzhen Byl Znat” in the Civil Code of the Russian Federation)

Y. V. Donskova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical (Sechenov University)

3-2 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123242, Moscow, Russia. E-mail: donskova.expert@yandex.ru

The article discusses one of the research areas of applied linguistics – legal linguistics, in particular, its hermeneutical aspect. Our focus is on the functioning of language units in the legal discourse, based on the fact that the latter includes not only merely legal but also linguistic aspects because the language is a means to express certain phenomena, and the criteria of accuracy, consistency, comprehensibility for a non-specialist are important aspects of law drafting methodology. The subject of linguistic study is the functioning of the lexical unit *zavedomo* in the Russian legal discourse. The article points at the nature of usage of the lexical unit *zavedomo* in the Family Code and in the Civil Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the wordings of Article 174 of the Civil Code (“Consequences of failure by a representative or a body of a legal entity to meet the conditions regulating the discharge of authority or interests of the represented or of the legal entity”) and to potential changes in interpretation subject to this lexical unit presence / absence. The article analyses the viewpoints of law experts (V. A. Belov, O. V. Berg, K. A. Gorbatov, S. L. Budylin) as to how significant the presence / absence of this lexical unit in the text of the above-mentioned law is, and also as to the reasons behind the wording of Article 174 of the Civil Code, the rationale behind the wording, and whether the meaning of the law undergoes any material changes because of it, as to the semantics and the function of the word *zavedomo* in the Russian legal discourse, and what linguistic aspects of law drafting methodology should be taken into account in such cases, and also what external factors may have an impact on the language of laws. The article includes a detailed discussion of the semantics of the *zavedomo* lexical unit, and emphasises the fact that the *zavedomo* lexical unit has become juridified under the influence of Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Wilfully false testimony, expert / specialist opinion or mistranslation”). The analysis of contexts where the *zavedomo* lexical unit is used in the Russian legal discourse has showed that it is most frequently used as part of the structure *znal ili dolzhen byl znat*. Hence, we consider the legally binding type of obligation modality. In the case study of the *zavedomo* lexical unit and predicates of obligation (“must”) and possibility (“could”), we analyse challenges of copying English structures (“was aware or must have been aware”) into the Russian legal discourse, and also raise issues of linguistic examination of legal texts.

Key words: legal writing, legal discourse, linguistic expertise, lexical semantics, modality.

Постановка проблемы

Язык права имеет не только устную составляющую, которую традиционно связывают с судебным красноречием, но и письменную, в сферу которой попадают законодательные акты и другие виды правоустанавливающих документов. Требования к составлению юридических документов диктуются юридической техникой. Существуют различные подходы к определению объема данного понятия. Если исходить из широкого понимания, то юридическую технику можно рассматривать как коммуникативную систему в юридической среде [Александров 2000: 101]. В узкоспециальном смысле под юридической техникой понимается «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществления юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания» [Баранов 2015: 42].

Поскольку явления права облекаются в слова естественного языка, и юристы, и лингвисты безоговорочно включают языковые требования в основной инструментарий юридической техники. Юристы несколько расходятся в своих оценках относительно того, какой критерий – точность или ясность – должен занимать главенствующую позицию. Т. В. Кашанина придерживается точки зрения, что отсутствие ясности может привести к полной или недостаточной ясности или двусмысленности, что в свою очередь влечет за собой ошибки, злоупотребления и судебные споры [Кашанина 2011: 131]. С. Д. Бражник и Н. Н. Касаткина считают, что первый из названных критериев должен доминировать: «точность – это соответствие текста статьи мысли законодателя, а ясность – это адекватное восприятие читающим смысла, заключенного в тексте статьи» [Бражник, Касаткина 2014: 11]. Этой же позиции придерживается Е. Г. Мирошников и полагает, что приоритетным должен быть критерий точности, хотя исследователь подчеркивает, что соответствие текста юридического документа обоим критериям «позволит максимально исключить произвольное толкование и ошибки в реализации» [Мирошников 2000: 220]. С. А. Белов и К. В. Тарасова говорят о критерии понятности текстов для участников правовой коммуникации, что должно обеспечивать понимание их прав и обязанностей [Белов, Тарасова 2019: 612]. При этом юристы единодушно высказывают следующее мнение: нарушение критериев языковой точности, ясности или понятности ведет к угрозе правовой безопасности.

Лингвисты придерживаются следующих позиций относительно лингвистических аспектов юридических текстов. По мысли К. И. Бринева, язык права должен отвечать таким требованиям, как «ясность, точность, непротиворечивость и понятность для рядового гражданина» [Бринева 2016: 102]. Однако особо нужно выделить позицию Н. Д. Голева – в критериях правильности, точности и ясности он видит проявление антиномии. Связано это с тем, что «данные требования предъявляются разным субъектам правовой коммуникации – автору и отправителю текста (законодателю) и получателю (законопослушным гражданам или работникам правоисполнительных органов). <...> правильность и точность есть свойства опредмеченной в тексте иллокуции, а ясность (доступность) – свойство перлокуции» [Голев 2016: 133]. Вместе с тем вопросы точности и ясности языка закона являются составляющими более широкой проблемы – юридизации языка. Начало ее изучения в российской юрислингвистике положено кемеровской школой во главе с Н. Д. Голевым. Объектом исследования зачастую становятся тексты законов и кодексов, поскольку «наивысшая степень юридизации естественного языка происходит в законодательной сфере» [Маркова 2015: 88], но в поле зрения попадают и другие виды юридических текстов (жалобы, заявления, протоколы,

постановления и т. д.). Рассмотрение соотношения естественного языка и юридического в лингвистике происходит в разных направлениях: исследуется процесс юридизации естественного языка в зависимости от жанрово-видовой или концептуальной принадлежности текста; психологолингвистический аспект восприятия юридического текста. Ядром этой проблемы можно назвать собственно механизм перехода слова из общенародного в юридический язык, «приобретение тем или иным социальным явлением правового статуса. Для общенародного слова такой статус возникает, если оно становится юридическим термином – компонентом текста закона» [Голев 2018: 141].

Возвращаясь к понятиям точности и ясности, отметим, что современные законодательные тексты далеко не всегда отвечают данным критериям. Связано это с разными причинами, выделим лишь основные. Первая заключается в том, что некоторые области российского права, начиная с 1990-х годов, испытывали влияние законодательства зарубежных стран в силу появления в российской действительности явлений, относительно которых в российском законодательстве отсутствовали регулирующие правовые нормы, что требовало их введения. Все это приводило к заимствованию отдельных законодательных положений или терминов, в частности, из английского [Донскова, Попова 2017: 166] или немецкого права [Серебренникова 2017: 163-171]. Однако не всегда эти заимствования производились адекватным образом.

Вторая причина – это вносимые в разные редакции законодательного текста изменения, которые зачастую приводят к неоднозначному его пониманию. Исследовательские наблюдения (юридические и лингвистические) в этой области очень обширны как по каждой отрасли права, так и по отдельным законам.

Третья причина – это функционирование в русском юридическом дискурсе слов, не обладающих терминологическим значением, однако в силу «закрепления в юридическом документе или доктринальном источнике» [Баранов 2015: 201] прошедших процесс юридизации, а также проблема толкования конструкций с модальными предикатами со значением долженствования и возможности. К проблеме модальности в юридических текстах в последнее время возникает все больший интерес, о чем свидетельствуют работы, в которых рассматривается семантика компонентов долженствования на материале прескриптивных документов [Туганова 2018], кодексов профессиональной этики [Байдицкая, Сабурова 2015] и пенитенциарных инструкций [Голиков, Дружининская 2019]. Однако вопросы функционирования в законодательном тексте нетерминологических лексем наряду с модальными компонентами, а также вопросы проведения лингвистической экспертизы юридических документов, содержащих подобные элементы, пока не получили должного теоретического освещения.

В связи с этим целью данной статьи является исследование динамики смысловых изменений текста закона в разных его редакциях, а также вопросы соблюдения баланса «точность-ясность» законодательного текста и связанные с ними проблемы проведения лингвистической экспертизы законодательного акта. Методология исследования базируется на принципах семантического анализа текста, что позволяет определить функционирование лексемы «заведомо» в различных терминосистемах, а также принципах логического анализа языка, позволяющего выделить модальные рамки высказывания в конструкции, ядром которых является компонент «знал или должен был знать». Такой подход обусловлен тем фактом, что юридический язык возникает на основе естественного и подчиняется тем же законам (логика, грамматика, семантика), поэтому к его изучению применимы те же методы. Основным материалом исследования послужили Гражданский кодекс РФ (ст. 72, ст. 174, ст. 174.1, ст. 302, ст. 1197, ст. 1456, ст. 1549), а также для сопоставительного анализа были использованы материалы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и англоязычного законодательного и научного юридического дискурса.

Исследовательская часть

Лексема «заведомо» принадлежит различным пластам языка, что важно в свете проблемы юридизации. Так, в НКРЯ мы видим примеры употребления лексемы «заведомо» в поэтическом подкорпусе, первая фиксация в котором датируется 1846 годом (стихотворение Ап. Григорьева «В час, когда утомлен бездействием душно-тяжелым»). В газетном подкорпусе первое употребление фиксируется в 2010 году. В юридическом дискурсе лексема «заведомо» по данным НКРЯ фиксируется в трактате «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1726) неизвестного автора в переводе С. Пуфендорфа. В непереводных текстах НКРЯ фиксирует появление лексемы «заведомо» в трактате В. Н. Татищева «Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (1733), а также в «Распросе в Сыском приказе воспитанника Гарнизонной школы у Варварских ворот Ивана Данилова сына Тареева» (1741).

Однако в последние два десятилетия лексема «заведомо» чаще всего ассоциируется в сознании говорящего с фразой «заведомо ложные показания» (ст. 307 УК РФ). Так, справочная правовая система «Консультант плюс» при поиске слова «заведомо» в качестве наиболее употребляемых выдает сочетания «заведомо ложный донос», «заведомо ложный вызов полиции», «использование заведомо подложного документа» и «заведомо ложные показания». Аналитическая система запросов Google Trends показывает, что искомая лексема наиболее часто встречается в запросах «заведомо ложный донос», «заведомо ложные показания», «дача заведомо ложных показаний». Из этого можно сделать вывод, что лексема «заведомо» приобрела устойчивый ореол принадлежности юридическому дискурсу.

Употребляется данная лексема в текстах Гражданского кодекса РФ (ст. 72, ст. 174, ст. 302, ст. 1197, ст. 1456, ст. 1549 и др.), однако ее функционирование имеет ряд особенностей. Наибольшее внимание специалистов в области юриспруденции привлекает ст. 174 ГК РФ. Именно в связи с толкованием отдельных ее положений в российском судопроизводстве сложилась такая противоречивая практика. На юридические аспекты, привносимые в текст указанной статьи наличием/отсутствием лексемы «заведомо», обращает внимание ряд юристов. Так, В. А. Белов [Белов 2006], О. В. Берг [Берг 2002] и К. А. Горбатов [Горбатов 2011] ставят вопрос о том, как следует толковать

выражение «заведомо должен был знать». При этом первый делает замечание о значении в нем лексемы «заведомо», указывая на то, что ее наличие не играет существенной роли в толковании статьи [Белов 2006: 13]. С. Л. Будылин обращает внимание на изменения в тексте статьи, отмечая, что в редакции 1994 г. лексема «заведомо» фигурирует, а в редакции 2013 г. она уже не используется [Будылин 2016]. Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 при разъяснении содержания ст. 174 ГК РФ все еще оперирует двумя речевыми формулами, одна из которых содержит лексему «заведомо», а другая нет [Постановление 2015]. Отметим, что в ряде статей ГК РФ (ч. 1 ст. 72; ч. 3 ст. 253; ч. 2 ст. 1197; ч. 3 ст. 1202; ч. 3 ст. 1549) конструкция «знал или заведомо должен был знать» используется без изменений в различных редакциях. Относительно формулы «должен был знать» юристы, например А. Г. Карапетов [Карапетов 2018: 23], Д. В. Штефан [Штефан 2019] и другие, высказывают мнение, что из-за двоякого толкования она вызывает споры и приводит к вариативности при вынесении судебного решения.

Указанные выше противоречия в толковании ст. 174 ГК РФ говорят о необходимости лингвистического анализа лексемы «заведомо» и речевой формулы «должен был знать». В лексикографических источниках, таких как: толковые словари [МАС, БТС], словарь наречий и служебных слов [Бурцева] лексема «заведомо» либо не представлена отдельной словарной статьей, либо содержит отсылки к словарной статье прилагательного «заведомый». Поскольку наречие «заведомо» является производным от прилагательного «заведомый», то для установления значения обратимся к его толкованию. В словарях русского языка он фиксируется в значении «хорошо известный, заранее известный; несомненный» [МАС 1999: 500; БТС 2014: 312]. Для определения особенностей парадигматических отношений рассмотрим синонимический ряд. Так, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (далее – НОССРЯ) обнаруживает лишь ее аналоги. Под последним понимается «лексема, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем ее синонимы» [НОССРЯ 2004: XXIII]. В классификации указанного словаря «заведомо» выступает аналогом к словам, в частности, из следующих рядов:

а) «заранее, заблаговременно, загодя, наперед, предварительно» [НОССРЯ 2004: 365–369];

б) «намеренно, нарочно, преднамеренно, умышленно, сознательно, специально, целенаправленно» [НОССРЯ 2004: 593–597].

В первом ряду лексема «заведомо» ближе к контекстам, указывающим на «целенаправленные действия, которые совершаются для того, чтобы подготовить наступление каких-либо событий в будущем или, наоборот, избежать нежелательных событий» [НОССРЯ 2004: 372]. Во втором ряду лексема «заведомо» наиболее близка к «умышленно» и «преднамеренно», которые «употребляются в юридических текстах и в этом случае всегда связываются с отрицательно оцениваемыми действиями» [НОССРЯ 2004: 601]. Для определения значения лексемы «заведомо» в русском юридическом дискурсе и особенностей ее функционирования в нем, воспользовавшись методом трансформации, употребим в текстах ст. 307 УК РФ и ст. 174 ГК РФ аналоги второго ряда, указанные выше. Очевидно, что в случае с первой статьей лексема «заведомо» наиболее близка к «умышленно» и «преднамеренно», которые подчеркивают тот факт, что характер действия был не ошибочным, а обдуманым и спланированным (Ср. «вынесение заведомо [преднамеренно / умышленно] неправосудного приговора, решения или иного судебного акта» - ст. 305 УК РФ). Это еще раз доказывает, что лексема «заведомо» является важным смысловым компонентом текста ст. 307 УК РФ. В случае со второй статьей («<...> что другая сторона в сделке знала или [намеренно / нарочно / преднамеренно / умышленно / сознательно / специально / целенаправленно] должна была знать об указанных ограничениях») нельзя не заметить, что произведенная замена неестественна. В то время как замена на аналоги первого ряда («<...> что другая сторона в сделке знала или [заранее / заблаговременно / загодя / наперед / предварительно] должна была знать об указанных ограничениях») будет адекватной.

Лексема «заведомо» в тексте ст. 174 ГК РФ в редакции 1993 г. указывает на признак ситуации, обозначенной во втором компоненте предиката «должен был знать». Отметим, что конструкция «знал или должен был знать» неоднократно употребляется как в текстах статей ГК РФ, так и в текстах юридической тематики. Приведем некоторые примеры последних из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ):

1. «Другими словами, недействительность сделки будет допустима исключительно тогда, когда *контрагент знал или должен был знать* об установлении для конкурсного управляющего ограничений на совершение сделок» [«Некоторые вопросы продажи имущества должника в ходе конкурсного производства» (2003) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2003.11.24]¹.

2. В случае с движимым имуществом сделка может быть признана недействительной по требованию супруга по мотивам отсутствия у супруга, отчуждающего общее имущество, необходимых полномочий для этого, но только в том случае, если будет доказано, что приобретатель знал или должен был знать об этом (п. 3 ст. 253 ГК РФ, ч. [«Теоретические и практические проблемы распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой и совместной собственности»] // «Арбитражный и гражданский процессы», 2003.11.24).

3. Суть их в следующем. Если кредитор обанкротившегося должника является банком, для оспаривания подозрительной сделки заявителю (арбитражному управляющему) все равно необходимо доказывать, что банк знал или должен был знать о критическом финансовом состоянии должника. [Анастасия Алексеевских. Банкам могут оставить деньги банкротов // Известия, 2014.04.24].

¹ Здесь и далее все примеры цитируются по Национальному корпусу русского языка. – Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/> [Режим доступа — свободный].

Во втором компоненте предиката употребляются ментальный глагол «знать» и модальный глагол «должен». Первый относится к фактивным глаголам и в анализируемом высказывании реализуется в значении «иметь сведения о ком-, чем-либо» [БТС 2014: 271]. Лексема «знать» относится к группе слов, которые «служат для того, чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-либо, то есть информации о факте» [НОССРЯ 2004: 396].

Лексема «должен» в анализируемом высказывании реализуется в значении «обязан (делать что-либо, обладать каким-либо качеством)» [МАС 1999: 423; БТС 2014: 271]. Она также является модальным предикатом со значением долженствования и выступает в роли модального оператора. И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер в классе предикатов «должен» выделяют одно из его частных значений – юридически обязывающее, которое выражается в формуле «Q – существование законов и органов охраны порядка (они же сила F), а зло – соответствующие санкции» [Кобозева, Лауфер 1991: 173]. Рассмотрим приведенные выше тексты ГК РФ, а также ст. 174 ГК РФ на соответствие формуле толкования предиката «должен» в юридически обязывающем значении. В приведенных выше контекстах Q – это существование обстоятельств в виде юридически значимых документов («договор»; «учредительные документы»), определяющих действие лица («покупатель», «продавец», «другая сторона в сделке»), в силу которых зло – это соответствующие санкции («сделка может быть признана судом недействительной по иску лица»; «продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки»; «дает покупателю право требовать уменьшения цены товара либо расторжения договора купли-продажи»; «расторжения договора доверительного управления имуществом и уплаты причитающегося ему по договору вознаграждения за один год» и пр.). Сделаем небольшую ремарку относительно конструкции с отрицанием: «хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать», где «не должен» = «должен не», т. е. у субъекта отсутствует необходимость знания, он не мог знать. Деонтическое значение необходимости в случае отрицательной конструкции подчеркивается и инфинитивом «знать» в форме несовершенного вида.

В своих рассуждениях относительно функционирования лексемы «заведомо» и семантики долженствования в ряде статей российского законодательства С. Л. Будылин обращается также к тексту п. 1 ст. 302 ГК РФ «Истребование имущества от добросовестного приобретателя», в которой используется конструкция «не знал и не мог знать»: «1. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать...» [Будылин 2016: 21]. Отметим, что конструкция с модальным оператором «мог» также употребляется в ряде других статей ГК, например, п. 5 ст. 1405 («не знало и не могло знать»). Для нас такое сопоставление является лингвистически значимым, поскольку в тексте указанной статьи используется модальный предикат «мог», выступающий в качестве модального оператора. В этом случае явно видна «асимметрия возможности и долженствования: *мочь* и *можно* широко употребляются в сфере иллокутивной модальности, а слова типа *должен, обязан, надо, нужно, необходимо*, равно как и их отрицания, показателями иллокутивной модальности не являются, только субъективной – деонтической» [Падучева 2014]. Здесь также поставим вопрос о возможности употребления в юридическом дискурсе лексемы «обязан» вместо «должен» в анализируемых нами конструкциях.

Для ответа на поставленные в начале статьи вопросы необходимо обратиться к английскому юридическому дискурсу (о степени и причинах его влияния на русский мы писали выше). В рассматриваемой нами ситуации можно говорить о влиянии английского юридического дискурса на русский и аналогиях на уровне синтаксиса: конструкция «знал или должен был знать» является аналогом характерной для английского юридического дискурса конструкции «was aware or must have been aware». Приведем некоторые примеры:

If misrepresentation was made by a third party then §123 II only allows annulment if the recipient of the declaration *was aware or must have been aware* of the misrepresentation [Selfton-Green 2005: 315] – Если неверные данные были представлены третьей стороной, то §123 II допускает аннулирование только в том случае, если получатель декларации *знал или должен был знать* о представлении неверных данных.

Misinformation is information which we consider to be incorrect, misleading or incomplete in view of the facts which you gave to the employee, or of which the employee *was aware or must have been aware*, regarding to particular circumstances [Code 2016: 691] – Ложные сведения – это информация, которую мы считаем неверной, вводящей в заблуждение или неполной исходя из фактов, которые вы передали работнику или о которых работник *знал или должен был знать* в отношении конкретных обстоятельств.

В приведенных примерах в роли модального оператора выступает глагол *must*, выражающий долженствование в силу обстоятельств. Однако в указанных контекстах в английском языке модальный оператор *must* имеет несколько иной оттенок долженствования: он выражает эпистемическую необходимость (субъект говорит о высокой степени вероятности ситуации).

Таким образом, в тексте анализируемой статьи в русском юридическом дискурсе модальный предикат «должен» реализует значение деонтической необходимости и уже содержит указание на обязательность (в случае утвердительного характера) или необязательность / отсутствие возможности (при наличии отрицания) действия, заложенного в ментальном предикате «знать». Все это отменяет необходимость употребления лексемы «заведомо» в тексте статьи 174 ГК РФ. Наличие равноправного употребления конструкций «заведомо должен был знать» и «должен был знать» в русском юридическом дискурсе свидетельствует, с одной стороны, о наличии языкового шаблона, связанного с употреблением прошедшей юридизацию лексемы «заведомо» в статьях Уголовного кодекса, с другой стороны, указывает на возможность калькирования иноязычной конструкции юридического дискурса. Последний фактор говорит о том, что процесс калькирования иноязычных конструкций с модальными глаголами в составе требует более строгого отбора аналогов при передаче на русский язык.

На примере лексемы «заведомо» отчетливо виден процесс перехода слова из обыденного языка в юридический, то, что называют «эволютивной юридизацией общенародной лексики» (терм. Н. Д. Голева). Об этом свидетельствует интерес со стороны специалистов в области права, а также фиксация юридического компонента значения в лексикографических источниках (НООСРЯ).

Отмеченные особенности функционирования лексемы «заведомо» и модальности долженствования в русском юридическом дискурсе вместе с тем указывают на следующую проблему – необходимость формулировки четких требований к лингвистическим параметрам законопроектов (которые к настоящему моменту отсутствуют в российском законодательстве). Существующий федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» не отражает всей полноты сфер и условий применения русского языка и, как отмечено в преамбуле, «направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры» [О государственном языке 2005]. Иные нормативные документы, регулирующие данную сферу, дают лишь общие определения относительно юридического языка. Сущность лингвистической экспертизы законопроектов определяется в п. 7 ст. 121 Постановления Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 N 2134-II ГД (ред. от 24.07.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» следующим образом: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Бражник, Касаткина 2014]. Методические рекомендации по проведению лингвистической экспертизы законопроекта не содержат подробных положений о принципах редактирования текста. Таким образом, возникает вопрос о необходимости выработки четких критериев по редактированию законодательного текста.

Литература

- Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / Проблемы юридической техники : Сборник статей. Н. Новгород, 2000. С. 101-108.
- Байдицкая Л. И., Сабурова Н. А. Деонтическая модальность и лингвистические средства ее репрезентации в кодексе профессиональной этики / Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. - 2015. - №5. - С. 105-110.
- Баранов В. М. Юридическая техника : курс лекций. Нижний Новгород, 2015.
- Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: Критический анализ правоприменительной практики. М., 2006.
- Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2019. - 10(4). - С. 610-625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>
- Берг О. В. Об отдельных вопросах признания сделок недействительными / Бюллетень нотариальной практики. - 2002. - № 6. - С. 43-45.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2014.
- Бражник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике / Юридические науки. - 2014. - № 3. - С. 10-12.
- Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2016.
- Будылин С. Л. «Заведомо должен был знать»: это вообще о чем? URL: https://zakon.ru/blog/2016/12/13/zavedomo_dolzhen_byl_znat_eto_voobsche_o_chem (дата обращения: 10.02.2019).
- Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2005.
- Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка. Автореф. ... диссертации канд. филол. наук. Кемерово. 2014.
- Голев Н. Д. О взаимодействии русской общенародной лексики и юридической терминологии в аспекте их юридизации и деюридизации / Динамика языковых и культурных процессов в современной России. - 2018. - № 6. - С. 141-146.
- Голев Н. Д. Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроекта в свете правовой коммуникации / Динамика языковых и культурных процессов в современной России. - 2016. - №5. - С. 132-136.
- Голиков Л. М., Дружининская О. В. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Научный диалог. - 2019. - № 9. - С. 9–23. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.
- Горбатов К. А. К вопросу о добросовестности при оспаривании сделки по ст. 174 ГК РФ / Адвокат. - 2011. - № 1. - С. 40-43.
- Донскова Ю. В., Попова И. В. К вопросу о лингвистической экспертизе финансовых документов и использования в них переводной терминологии (на примере терминов «публикация» и «раскрытие») / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. - 2017. - Вып. 3 (774). С.163-171.

- Карпетов А. Г. Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ / Вестник гражданского права. - 2018. - №1. - С. 86-147.
- Кашанина Т. В. Юридическая техника. М., 2011.
- Кобозева И. М., Лауфер И. Н. Семантика модальных предикатов долженствования / Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Маркова А. Н. Проблема юридизации естественного языка в современной лингвистике / Философия права. - 2015. - № 1. - С. 86-89.
- Мирошников Е. Г. Ясность и точность как требования к языку закона / Проблемы юридической техники : Сборник статей. Н. Новгород, 2000. С. 212-220.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004.
- «О государственном языке Российской Федерации». Российская газета – Федеральный выпуск № 0(3789). 7 июня 2005 г. URL: <https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (дата обращения: 20.10.2021).
- Падучева Е. В. Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2014. rusgram.ru – Электронный ресурс: [Режим доступа — свободный].
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Российская газета – Федеральный выпуск. 30 июня 2015 г. № 140(6711). URL: <https://rg.ru/2015/06/30/grkodeks-dok.html> (дата обращения: 20.10.2021).
- Постановления Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 №2134-II ГД (ред. от 24.07.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: <http://duma.gov.ru/media/files/7Yh7Q0KU4D7oknJkHhAEc0fGIP8Gn6Uz.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
- Серебренникова А. В. Проблемы, связанные с унификацией терминологии при переводе юридических текстов / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. - 2017. - Вып. 2 (773). - С.163-170.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 1. А-Й.
- Туганова С. В. Деонтическое значение модального вспомогательного слова «должен»/ «must» в русских и английских прескриптивных текстах / Филология и культура. - 2018. - №4 (54). - С. 88-95.
- Штефан Д. В. Определение добросовестности при применении п. 1 ст. 174 ГК РФ / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 3. - С. 146-175.
- Code of Federal Regulations Title 20, Employees' Benefits, Parts 400-499, 2016. Paperback. Office of The Federal Register (U.S.) U.S. Government Printing Office. April 1, 2016.
- Sefton-Green R. (ed.). Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge University Press. 2005.

References

- Alexandrov, A. S. (2000). Legal technique - forensic linguistics - grammar of law. Problems of legal technique: Collection of articles. N. Novgorod, 101-108 (in Russian).
- Baiditskaya, L. I., Saburova, N. A. (2015). Deontic modality and linguistic means of its representation in the code of professional ethics. Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 5, 105-110 (in Russian).
- Baranov, V. M. (2015). Legal technique: a course of lectures. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Belov, S. A., Tarasova, K. V. (2019). Clarity of texts of legal documents: fiction or presumption? Bulletin of St. Petersburg University. Right, 10(4), 610-625, <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401> (in Russian).
- Belov, V. A. (2006). To the question of bad faith of the taxpayer: Critical analysis of law enforcement practice. Moscow (in Russian).
- Berg, O. V. (2002). On certain issues of recognition of transactions as invalid. Bulletin of notarial practice, 6, 43-45 (in Russian).
- Big explanatory dictionary of the Russian language / ch. ed. S. A. Kuznetsov (2014). St.-Petersburg (in Russian).
- Brazhnik, S. D., Kasatkina, N. N. (2014). Linguistic rules in legislative technique. Legal sciences, 3, 10-12 (in Russian).
- Brinev, K. I. (2016). Handbook of forensic linguistic expertise. Moscow (in Russian).
- Budylin, S. L. (2016). "Obviously should have known": what is it about? Available from: https://zakon.ru/blog/2016/12/13/zavedomo_dolzhen_byl_znat_eto_voobsche_o_chem (date of access: 10.02.2019) (in Russian).
- Burtseva, V. V. (2005). Dictionary of adverbs and auxiliary words of the Russian language. Moscow (in Russian).
- Code of Federal Regulations Title 20, Employees' Benefits, Parts 400-499, 2016. Paperback. Office of The Federal Register (U.S.) U.S. Government Printing Office. April 1, 2016.
- Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25. Rossiyskaya Gazeta - Federal Edition. June 30, 2015 No. 140(6711). Available from: <https://rg.ru/2015/06/30/grkodeks-dok.html> (date of access: 20.10.2021) (in Russian).
- Decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 22, 1998 No. 2134-II GD (as amended on July 24, 2018) "On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". Available from: <http://duma.gov.ru/media/files/7Yh7Q0KU4D7oknJkHhAEc0fGIP8Gn6Uz.pdf> (date of access: 20.10.2021) (in Russian).

- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A. P. Evgenieva. (MAS). (1999). 4th ed., ster. Moscow, T. 1 (in Russian).
- Donskova, Yu. V., Popova, I. V. (2017). On the issue of linguistic expertise of financial documents and the use of translated terminology in them (on the example of the terms "publication" and "disclosure"). Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences, 3 (774), 163-171 (in Russian).
- Golev, N. D. (2016). Language of law and linguistic expertise of the bill in the light of legal communication. Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 5, 132-136 (in Russian).
- Golev, N. D. (2018). On the interaction of Russian popular vocabulary and legal terminology in the aspect of their legalization and de-juridization. Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 6, 141-146 (in Russian).
- Golikov, L. M., Druzhininskaya, O. V. (2019). Forms of duty in the penitentiary instructions of the 19th century. Scientific dialogue, 9, 9-23, DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23 (in Russian).
- Gorbatov, K. A. (2011). On the issue of good faith when challenging a transaction under Art. 174 of the Civil Code of the Russian Federation. Lawyer, 1, 40-43 (in Russian).
- Karapetov, A. G. (2018). Problematic issues of application of Art. 174 of the Civil Code of the Russian Federation. Bulletin of Civil Law, 1, 86-147 (in Russian).
- Kashanina, T. V. (2011). Legal technique. Moscow (in Russian).
- Kobozeva, I. M., Laufer, I. N. (1991). Semantics of modal predicates of obligation. Logical analysis of language. cultural concepts. Moscow (in Russian).
- Markova, A. N. (2015). The problem of legalization of natural language in modern linguistics. Philosophy of Law, 1, 86-89 (in Russian).
- Miroshnikov, E. G. (2000). Clarity and accuracy as requirements for the language of law. Problems of legal technique : Collection of articles. N. Novgorod, 212-220 (in Russian).
- New explanatory dictionary of Russian synonyms. The second edition, corrected and supplemented / under the general direction of acad. Yu. D. Apresyan. (2004). Moscow; Vienna (in Russian).
- "On the state language of the Russian Federation". Russian newspaper - Federal issue No. 0 (3789). June 7, 2005. Available from: <https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (date of access: 20.10.2021) (in Russian).
- Paducheva, E. V. (2014). Modality. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. Moscow. rusgram.ru - Electronic resource: [Access mode - free] (in Russian).
- Sefton-Green R. (ed.). Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge University Press. 2005.
- Serebrennikova, A. V. (2017). Problems associated with the unification of terminology in the translation of legal texts / Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences, 2 (773), 163-170 (in Russian).
- Stefan, D. V. (2019). Determination of good faith in the application of paragraph 1 of Art. 174 of the Civil Code of the Russian Federation. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 3, 146-175 (in Russian).
- Tuganova, S. V. (2018). The deontic meaning of the modal auxiliary word "should" / "must" in Russian and English prescriptive texts. Philology and Culture, 4 (54), 88-95 (in Russian).
- Vorobieva, M. E. (2014). Interpretational functioning of the legal language in everyday consciousness: based on the interpretation of legal terms by ordinary Russian speakers. Abstract ... dissertations of Ph.D. philol. sciences. Kemerovo (in Russian).

Citation:

Донскова Ю. В. Лингвистические аспекты юридической техники (на примере функционирования слова «заведомо» и конструкции «знал или должен был знать» в Гражданском кодексе РФ) // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 54-61.

Donskova Y. V. (2023). Linguistic Aspects of Legal Writing (Case Study of the Word "Zavedomo" and Phrase "Znal ili Dolzhen Byl Znat" in the Civil Code of the Russian Federation). Legal Linguistics, 28, 54-61.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Понятие «нетипичные работодатели» и их виды

Е. В. Киселева¹, Д. А. Цыбенко²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹elenvik@inbox.ru, ²dan4ik-2011-97@mail.ru

В статье проводится исследование понятия «нетипичные работодатели». Подчеркивается актуальность формулировки нового термина. Отмечается, что многообразие видов работодателей как субъектов трудового права вызывает необходимость не только выделения видов, но и проведения определенной типологии. Рассмотренные в статье виды работодателей позволяют авторам разделить их на две большие группы: типичные и нетипичные работодатели. В качестве примера нетипичных работодателей раскрывается специфика работодателей – субъектов малого предпринимательства, отнесенных к микропредприятиям. Выделяются общие существенные признаки и особенности, которые приобретают нехарактерные, то есть нетипичные проявления для отдельных работодателей. Делается вывод о том, что нетипичный работодатель – это субъект трудового права с особым правовым статусом.

Ключевые слова: виды работодателей, микропредприятия, нетипичные работодатели, работодатель – физическое лицо, типичные работодатели.

The Concept of "Atypical Employers" and Their Types

E.V. Kiseleva¹, D.A. Tsybenko²

Altai State University

68 Socialistisheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹elenvik@inbox.ru, ²dan4ik-2011-97@mail.ru

The article investigates the concept of "atypical employers". The relevance of stating a new term is emphasized. It is noted that the diversity of types of employers as subjects of labor law makes it necessary to single out not only types, but also to carry out a certain typology. The types of employers considered in the article allow the authors to divide them into two large groups: typical and atypical employers. As an example of atypical employers, the specifics of employers - small businesses classified as micro-enterprises are revealed. The general essential features and peculiarities are singled out, which acquire uncharacteristic, that is, atypical manifestations for individual employers. It is concluded that an atypical employer is a subject of labor law with a special legal status.

Key words: types of employers, micro-enterprises, atypical employers, individual employer, typical employers.

Содержание понятия «работодатель» требует соответствующих разъяснений с учетом видового разнообразия субъектов, которые предоставляют работникам возможность вступать в трудовые отношения [Воскресенская 2015: 28-29]. Понятие «нетипичный работодатель» в действующем законодательстве отсутствует, между тем в этом есть необходимость.

Введение в понятийный аппарат трудового права новых терминов прежде всего обусловлено потребностью обобщения однородных явлений правовой действительности, не имеющих пока общего названия. Их служебная роль состоит в том, чтобы вместо пространного описания одной или нескольких юридических реалий кратко обозначить всю совокупность многочисленных слагаемых [Головина 2000: 54-55].

Многообразие видов работодателей как субъектов трудового права, функционирующих в самых различных сферах, вызывает необходимость не только выделения их видов, но и проведения определенной типологии, так как правовая наука, отражая объективный процесс развития права, дифференциацию и интеграцию нормативного регулирования, стремится глубже проникнуть в структуру права, выявить ее строение, соотношение, взаимосвязь и взаимообусловленность ее различных компонентов [Зайцева, Тулупова 2016: 9].

Классификация работодателей на виды основана на ряде характеристик, установленных действующим трудовым законодательством для того, чтобы признать лицо возможным носителем трудовой правосубъектности работодателя и отделить его от другого вида работодателей. Классификация науки современного трудового права необходима, прежде всего, для того, чтобы отразить многообразие субъектов, которые могут выступать на стороне работодателя при заключении трудового договора.

Исследовательский процесс связан с выделением не только видов, но и типов работодателей. В этимологическом аспекте термин «тип» представляет собой форму чего-либо с определенными чертами, категорию, наделенную характерными свойствами, при этом термин «типичный» обозначает обладающий особенностями, свойственными определенному типу, характерный, а «нетипичный» же имеет противоположное значение, характеризуется как необычный, не обладающий признаками, свойственными определенному типу.

Трудовой кодекс Российской Федерации определяет в ч. 4 ст. 20 существующие виды работодателей в Российской Федерации, которые, на первый взгляд, выражают всю мысль законодателя, но в то же время прослеживается неоднозначное содержание данной нормы, поскольку обозначение в качестве потенциального работодателя юридического лица (организации), физического лица и «иного» субъекта вызывает дополнительные вопросы о конкретизации сущности рассматриваемой стороны трудовых отношений. Кроме того, следует подчеркнуть, что при определении видов работодателей в ч. 4 ст. 20 ТК РФ законодатель на первое место поставил физическое лицо, вероятно, руководствуясь тем фактом, что личность выделена в качестве центрального субъекта права на основании Конституции РФ 1993 г. Однако представляется более логичным обозначить в ч. 4 ст. 20 ТК РФ в первую очередь юридических лиц как доминирующих и довольно разнообразных работодателей в трудовом процессе.

Работодатель – юридическое лицо (организация) на сегодняшний день является наиболее распространенной формой работодателя, сочетающей гражданский статус юридического лица и трудовую статус работодателя. Трудовое право понимает под юридическим лицом такой же субъект правоотношений, как и в гражданском праве. Таким образом, юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде [Савин 2013: 148]. Работодателем может быть любая организация с момента ее образования, то есть с момента ее государственной регистрации в качестве юридического лица в Едином государственном реестре юридических лиц. Независимо от организационно-правовой формы и цели своей деятельности, любая организация как юридическое лицо может быть работодателем, если она создает рабочие места и нуждается в рабочей силе. Также органы государственной власти и органы местного самоуправления могут выступать в качестве юридических лиц, а следовательно, и потенциальных работодателей. В связи с наличием таких юридических лиц на рынке труда, М. А. Жильцов предлагает классифицировать организации – юридические лица в соответствии со спецификой правового регулирования. Коммерческие и некоторые некоммерческие организации (особенно религиозные организации) основаны на частнопроводном регулировании, а органы местного самоуправления и государственные органы власти можно отнести к организациям с преимущественно публично-правовым регулированием наемного труда [Жильцов 2002: 15].

Помимо юридического лица (организации), в качестве работодателя как субъекта трудовых отношений может выступать физическое лицо. Обращение к физическим лицам – работодателям показывает, что в зависимости от их правового положения они могут считаться гражданами Российской Федерации, иностранными гражданами и лицами без гражданства. Правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства регулируется Федеральным законом от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [Федеральный закон 2002], при этом на иностранных граждан и лиц без гражданства распространяются, например, правила, установленные трудовым законодательством и иными актами, содержащими нормы трудового права, если иное не предусмотрено международным договором РФ (ст. 11 ТК РФ).

Согласно ст. 20 ТК РФ, категории физических лиц – работодателей делятся на две большие группы в зависимости от того, занимаются они предпринимательской деятельностью или нет: 1) работодатели – индивидуальные предприниматели; 2) работодатели – физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями. В первую группу входят: индивидуальные предприниматели без образования юридического лица, частные нотариусы, адвокаты, иные лица, профессиональная деятельность которых подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию в соответствии с федеральными законами, вступившие в трудовые отношения с работниками для осуществления указанной деятельности. Ко второй группе российский законодатель причислил лиц, вступающих в трудовые отношения с наемными работниками с целью оказания личной помощи и содействия в ведении домашнего хозяйства. Лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, в свою очередь, в зависимости от наличия имущества и полной гражданской дееспособности, могут быть разделены на следующие группы: 1) лица, имеющие самостоятельный доход и достигшие 18-летнего возраста, при условии, что они обладают полной гражданской дееспособностью; 2) физические лица, имеющие независимый доход, но не достигшие восемнадцатилетнего возраста, со дня приобретения гражданской дееспособности ими в полном объеме (например, при вступлении в брак или эмансипации); 3) физические лица в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет с собственным заработком, стипендией и другими доходами, с письменного согласия законных представителей (родителей, опекунов, попечителей).

Следует отметить мнение Ю. А. Кучиной, которая предложила в целях уточнения специфики правового регулирования трудовых отношений разделить работодателей – физических лиц на три группы: а) граждане, привлекающие работников по трудовым договорам для обслуживания личного потребительского хозяйства; б) граждане, использующие труд работников в целях осуществления предпринимательской деятельности; в) граждане, использующие труд других лиц на основании трудового договора для обеспечения осуществления своей

профессиональной деятельности [Кучина 2005 : 4].

Кроме того, российский законодатель как разновидность работодателя выделяет в ч. 4 ст. 20 ТК РФ так называемый «иной» субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры. Если коснуться этимологического значения термина «иной», то он буквально означает следующее: «другой, отличающийся от этого». Этот термин дает основания утверждать, что под ним

должен выступать работодатель, который не является ни физическим, ни юридическим лицом. Используемая в ст. 20 ТК РФ формулировка «в случаях, предусмотренных федеральными законами» очень расплывчата, и науке еще только предстоит выяснить, какими могут быть эти случаи и какие, собственно, федеральные законы предоставляют право заключать трудовые договоры с работниками. В качестве иного субъекта возможно рассматривать, например, объединения юридических лиц – хозяйствующие субъекты с более высоким уровнем организации хозяйствования, создаваемые в интересах достижения общих для них экономических либо социально-экономических целей. Новые для России и российского права виды объединений коммерческих организаций (холдинги, финансово-промышленные группы) не являются самостоятельными организационно-правовыми формами предпринимательской деятельности, предусмотренными ГК РФ [Лаптев 2008: 39]. На практике подобные работники вступают в трудовые отношения с соответствующим юридическим лицом – членом корпорации, но фактическим местом работы зачастую становится именно корпорация или орган, координирующий партнерство, и именно данный субъект выступает реальным работодателем и стороной трудового правоотношения. Кроме того, по мнению отдельных ученых-правоведов, под иным субъектом, наделенным правом заключать трудовые договоры, можно понимать филиалы, представительства и другие обособленные структурные подразделения юридического лица, руководители которых наделяются самостоятельным правом заключать трудовые договоры. В частности, такое право руководителей филиалов и представительств вытекает из Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Федеральный закон 1995, 1998]. Так, делается вывод, что филиал, представительство или другое обособленное подразделение рассматривается как самостоятельная организация, то есть как работодатель.

Рассматривая виды работодателей по трудовому праву России, обоснованным будет остановиться на категории работодателей – субъектов малого предпринимательства, отнесенных к микропредприятиям, нормы о которых были введены в ТК РФ совсем недавно. В соответствии с Федеральным законом от 03.07.2016 № 348-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования труда лиц, работающих у работодателей-субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» [Федеральный закон 2016] Трудовой кодекс РФ был дополнен новой главой 48.1, которая вступила в действие с 1 января 2017 г. Появление такой главы сделало возможным обеспечить защиту значительной части трудоспособного населения Российской Федерации. В дальнейшем Федеральным законом от 29.12.2020 № 477-ФЗ «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации» в данную главу были внесены поправки: наряду с работодателями – субъектами малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям, ее нормами стали регулироваться и особенности труда лиц, работающих у работодателей – некоммерческих организаций, отвечающих определенным требованиям [Федеральный закон 2020].

Для того чтобы работодателей можно было отнести к данной категории микропредприятий, они должны соответствовать следующим критериям:

1) определенная организационно-правовая форма: хозяйственные общества, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, индивидуальные предприниматели;

2) средняя численность сотрудников за предшествующий календарный год: до 100 человек – для малых предприятий (среди малых предприятий выделяются микропредприятия – до 15 человек); от 101 до 250 человек – для средних предприятий. Для определенных видов предпринимательской деятельности максимальное количество может увеличиться;

3) доход от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год, который не может превышать: для микропредприятий – 120 млн руб., для малых предприятий – 800 млн руб., а для средних предприятий – 2 млрд рублей [Шестерякова, Шестеряков 2018: 223].

Под работодателями – некоммерческими организациями для целей главы 48.1 ТК РФ в соответствии со ст. 309.1 ТК РФ понимаются некоммерческие организации (за исключением государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, публично-правовых компаний, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями, потребительских кооперативов, религиозных организаций), среднесписочная численность работников и величина дохода которых за предшествующий календарный год не превышают соответствующих предельных значений, которые устанавливаются Правительством Российской Федерации в целях распространения на такие некоммерческие организации установлений главой 48.1 ТК РФ особенностей регулирования трудовых отношений. На настоящий период Правительством Российской Федерации установлено: предельное значение среднесписочной численности работников некоммерческой организации за предшествующий календарный год – не более 15 человек; предельное значение дохода некоммерческой организации за предшествующий календарный год – 120 млн рублей.

Можно выделить следующие особенности правового регулирования трудовых отношений работников, занятых у вышеперечисленных категорий работодателей:

1) правовое регулирование осуществляется как с помощью общих норм трудового законодательства (ст. 5 ТК РФ), так и специальных норм, устанавливающих особенности регулирования труда, обусловленные организационно-правовой формой работодателя (ст. 309.1, 309.2 ТК РФ);

2) возможность отказа работодателя полностью или частично от принятия локальных нормативных актов, содержащих нормы трудового права (правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда, положение о премировании, график сменности и др.);

3) специфика договорного регулирования отношений, которая проявляется, с одной стороны, в отсутствии коллективного договорного регулирования, а с другой, в более детальной регламентации индивидуального договорного регулирования, последнее находит свое отражение в том, что для данных категорий работодателей была разработана и утверждена типовая форма трудового договора [Шестерякова, Шестеряков 2018: 224].

Следует отметить, что обозначенные особенности не должны снижать уровень трудовых прав и гарантий работников, напротив, представляется, что появление такой главы позволит реализовать основные задачи трудового законодательства и

охватить большое количество вовлекаемых в сферу действия трудового законодательства работников и работодателей, что, в конечном итоге, будет способствовать снижению объема теневой занятости.

Рассмотренные виды работодателей позволяют нам разделить их на две большие группы: типичные и нетипичные работодатели. При проведении процесса типизации работодателей представляется необходимым учитывать некоторые существенные особенности, которые приобретают нехарактерные, то есть нетипичные проявления для отдельных работодателей:

1. Прежде всего, остановимся на сложном и нестандартном способе легализации отдельных работодателей как субъектов права. Отметим, что каждое юридическое лицо (организация) проходит государственную регистрацию, после чего юридическое лицо вносится в реестр зарегистрированных юридических лиц. Для отдельных организаций этот процесс имеет определенные особенности и чем-либо осложняется [Воскресенская 2015: 19-21], в частности, государственная регистрация религиозной организации имеет определенную специфику, заключающуюся в том, что регистрирующий орган может счесть информацию, подтверждающую религиозный характер объединения, недостаточной, и принять дополнительное решение о проведении государственной религиоведческой экспертизы.

2. Решающее значение имеет уточнение социальной цели формирования и функционирования работодателя, которая по существу определяет направленность его трудовой деятельности. Соответственно, социальная цель образования и функционирования работодателей может отличаться специфичностью, что повлияет на правовое регулирование трудовых отношений.

3. Важное значение для осуществления трудового процесса имеет численность работающих у работодателя лиц. В юридической литературе отмечается гибкость малых и средних экономических форм производства, их нестабильность, малочисленность работников, личное участие собственников в производственной деятельности, нехватка профессиональных и квалифицированных управленческих и юридических специалистов, неформальные подходы к организации труда [Воскресенская 2015: 23]. Как следствие, в качестве существенной характеристики нетипичного работодателя следует упомянуть не только небольшое число работников, работающих у отдельных работодателей, но и возможность найма только одного работника.

4. Для работодателя как субъекта трудового права и трудовых отношений существенное значение имеет качественный состав работников. Нестандартным признаком следует признать узкий по составу и качеству контингент работников. В частности, спортивные организации ориентируются на отбор только следующих сотрудников: спортсмены-любители, спортсмены-профессионалы, спортсмены высокого класса, тренеры.

5. Возможность договорного регулирования трудовых и других непосредственно связанных с ними отношений (коллективного или индивидуального) имеет одно из решающих значений для функционирования работодателя, при этом основой коллективного регулирования в трудовом праве является институт социального партнерства, но необходимо признать, что отдельные работодатели, например религиозные организации, не имеют системы социального партнерства, включая, в частности, и деятельность профсоюзов.

Таким образом, типичные работодатели представляют собой довольно объемную группу с исторически определенным положением в системе общественного производства, которая традиционно играет определенную роль в общественной организации труда для выполнения определенных производственных, социальных, экономических, технологических и других целей. Как правило, типичные работодатели объединяют разных работников, которые в рамках трудовой функции осуществляют трудовую деятельность в общем трудовом процессе; имеют достаточную распространенность на рынке труда; они функционируют практически во всех сферах общественного производства; они обладают характерными, обобщенными, схожими существенными чертами, которые позволяют рассматривать их как классическую модель работодателя [Зайцева, Тулупова 2016: 12].

Нетипичный работодатель же – это субъект трудового права с особым правовым статусом, который определяется спецификой легализации, целью и направленностью трудового процесса, категорией и количеством работников, вступивших с ним в трудовые отношения, существенным видоизменением коллективного и индивидуального правового регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Исходя из этого определения, можно сделать вывод, что, во-первых, нетипичный работодатель имеет особый правовой статус; во-вторых, не во всех случаях возможно регулировать трудовые отношения между такими работодателями и их работниками общими правовыми нормами; в-третьих, для нетипичных работодателей могут быть установлены определенные запреты и ограничения; в-четвертых, деятельность нетипичного работодателя, как правило, влечет за собой усложнение процесса заключения, изменения и расторжения трудового договора, юридической ответственности, процесса рассмотрения индивидуальных трудовых споров и других важных вопросов регулирования труда.

В качестве примеров нетипичных работодателей можно назвать религиозные организации, спортивные организации, субъекты малого предпринимательства (микропредприятия), работодателей – физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

В целом, внедрение типизации работодателей в современную доктрину трудового права позволяет осуществить дальнейшую структуризацию работодателей, способствующую углублению их индивидуализации как субъектов трудового права; усилить гибкость и эффективность правового регулирования отношений в сфере труда в современной России.

Литература

Воскресенская Е. В., Диденко А. В. Виды работодателей в трудовом праве России / Актуальные проблемы российского права на современном этапе. – 2015. – № 1. – С. 28-31.

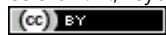
- Воскресенская Е. В. Проблемы правового статуса отдельных нетипичных субъектов трудового права / Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3. – С. 139-148.
- Головина С. Ю. Выбор терминов для обозначения понятий в трудовом праве / Правоведение. – 2000. – № 5 (232). – С. 49-59.
- Жильцов М. А. Правосубъектность организации как работодателя. Екатеринбург, 2002.
- Зайцева О. Б., Тулупова, Ю. Г. Нетипичные работодатели в Российской Федерации: правовая природа и перспективы развития. Монография. М., 2016.
- Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. 14.03.2020) / Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
- Кучина Ю. А. Особенности правового регулирования труда работников, работающих у работодателей – физических лиц. Екатеринбург, 2005.
- Лаптев В. А. Предпринимательские объединения. М., 2008.
- Об акционерных обществах : федеральный закон № 208-ФЗ от 26.12.1995 (в ред. 25.02.2022) / Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.
- О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 (в ред. 28.06.2022) / Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
- Об обществах с ограниченной ответственностью : федеральный закон № 14-ФЗ от 08.02.1998 (в ред. 02.07.2021) / Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785.
- О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования труда лиц, работающих у работодателей-субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям : федеральный закон № 348-ФЗ от 03.07.2016 / Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27. – Ст. 4281.
- О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации : федеральный закон № 477-ФЗ от 29.12.2020 / Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1. – Ст. 16.
- Савин В. Т. К вопросу о понятии работодателя – юридического лица (организации) как субъекта трудовых отношений / Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 6. – С. 148.
- Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 (в ред. 25.02.2022) / Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
- Шестерякова И. В., Шестеряков И. А. Особенности трудового договора работников, занятых у работодателей – субъектов малого предпринимательства / Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 7. – С. 223.

References

- Golovina, S. Yu. (2000). The choice of terms to denote concepts in labor law. *Jurisprudence*, 5, 49-59 (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (in red. 14.03.2020). Collection of legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398 (in Russian).
- Kuchina, Yu. A. (2005). Peculiarities of legal regulation of labor of employees working for employers – individuals. - Yekaterinburg (in Russian).
- Laptev, V. A. (2008). Entrepreneurial associations. Moscow (in Russian).
- Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ of 30.12.2001 (in red. 25.02.2022). Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 1. - Art. 3 (in Russian).
- On Joint Stock Companies: federal Law No. 208-FZ of 26.12.1995 (in red. 25.02.2022). Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 1. - Art. 1 (in Russian).
- On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation: federal law No. 115-FZ of 25.07.2002 (in red. 28.06.2022). Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2002. - No. 30. - Art. 3032 (in Russian).
- On limited liability companies: federal Law No. 14-FZ of 08.02.1998 (in red. 02.07.2021). Collection of Legislation of the Russian Federation. - 1998. - No. 7. - Art. 785 (in Russian).
- On amendments to the Labor Code of the Russian Federation in terms of regulating the labor of persons working for employers-subjects of small business that are classified as micro-enterprises: federal Law No. 348-FZ of 03.07.2016. Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2016. - No. 27. - Art. 4281 (in Russian).
- On amendments to the Labor Code of the Russian Federation: federal Law No. 477-FZ of 29.12.2020. Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2021. - No. 1. - Art. 16 (in Russian).
- Savin, V. T. (2013). On the question of the concept of an employer - a legal entity (organization) as a subject of labor relations. Gaps in Russian legislation, 6, 148 (in Russian).
- Shesteryakova, I. V., Shesteryakov, I. A. (2018). Features of the employment contract of employees employed by employers - small businesses. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 7, 223 (in Russian).
- Voskresenskaya, E. V., Didenko, A. V. (2015). Types of employers in the labor law of Russia. Actual problems of Russian law at the present stage, 1, 28-31 (in Russian).
- Voskresenskaya, E. V. (2015). Problems of the legal status of individual atypical subjects of labor law. *Leningrad legal journal*, 3, 139-148 (in Russian).
- Zaitseva, O.B., Tulupova, Yu. G. (2016). Atypical employers in the Russian Federation: legal nature and development prospects. Monograph. Moscow (in Russian).
- Zhiltsov, M. A. (2002). Legal personality of an organization as an employer. Yekaterinburg (in Russian).

Киселева Е. В., Цыбенко Д. А. Понятие «нетипичные работодатели» и их виды // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 62-67.

Kiseleva E. V., Tsybenko D. A. (2023). The Concept of "Atypical Employers" and Their Types. *Legal Linguistics*, 28, 62–67.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

К вопросу о понятии экстремизма¹

Ю. В. Печатнова¹, М. А. Стародубцева², А. П. Пинчук³

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹jp_0707@mail.ru, ²starodubzewa@gmail.com, ³gos.2207@mail.ru

Статья посвящена анализу подходов к определению понятия «экстремизм». Актуальность исследования предопределена важностью качественной организации работы по противодействию экстремистской деятельности, в то время как неоднозначность вкладываемого смысла в понятие «экстремизм» порождает проблемы квалификации тех или иных действий (бездействий) в качестве экстремистских. Методология исследования включает общие методы научного исследования – системный, логический, исторический, а также специальные методы, среди которых формально-юридический метод, который позволяет провести контекстный анализ правового значения термина «экстремизм». Обширная методология, теоретическая и эмпирическая основы исследования позволили сопоставить и обобщить различные взгляды на сущность экстремизма. Авторами выделено три измерения, в которых предлагается исследовать изучаемый термин: философское, социально-политическое, правовое. Указаны обобщающие признаки экстремизма, главным из которых является «крайность» во множестве ее проявлений. Подчеркиваются проблемы видового разнообразия экстремистской деятельности, в связи с чем сделан вывод о невозможности построения исчерпывающей квалификации видов экстремистской деятельности по содержанию. Кроме того, в статье затронута проблема сущности цифрового экстремизма как популярного ныне общественного явления на примере анализа актуальной судебной практики. В заключение авторы приходят к выводу о том, что трудности в понимании экстремизма предопределены тем, что само по себе изучаемое явление представляет собой комплекс противоречий, возникающих между личностью, обществом и государством.

Ключевые слова: экстремизм, цифровой экстремизм, экстремистская деятельность.

On the Concept of Extremism

Yu. V. Pechatnova¹, M. A. Starodubtseva², A. P. Pinchuk³

Altai State University

68 Socialistisheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹jp_0707@mail.ru, ²starodubzewa@gmail.com, ³gos.2207@mail.ru

The article discusses the analysis of approaches to the definition of the concept of “extremism”. The relevance of the study is predetermined by the importance of the qualitative organization of work to counter extremist activity, while the ambiguity of the meaning put into the concept of “extremism” gives rise to problems of qualifying certain actions (inactions) as extremist. The research methodology includes general methods of scientific research – systemic, logical, historical, as well as special methods, including the formal legal method, which allows for a contextual analysis of the legal meaning of the term “extremism”. An extensive methodology, theoretical and empirical foundations of the study made it possible to compare and generalize various views on the essence of extremism. The authors identify three dimensions in which it is proposed to explore the term under study: philosophical, socio-political, legal. The generalizing signs of extremism are indicated, the main of which is “extremism” in its many manifestations. The problems of type diversity of extremist activity are emphasized, in connection with which, it is concluded that it is impossible to build an exhaustive qualification of types of extremist activity by content. In addition, the article touches upon the problem of the essence of digital extremism as a currently popular social phenomenon on the example of the analysis of recent judicial practice. Finally, the authors come to the conclusion that the difficulties in understanding extremism are predetermined by the fact that the studied phenomenon itself is a complex of contradictions that arise between the individual, society and the state.

Key words: extremism, digital extremism, extremist activity.

Несмотря на научно-технический прогресс, совокупный экономический рост, позитивный опыт развития международной дипломатии, активное применение различных способов мирного урегулирования локальных и международных конфликтов, события прошлого и нынешнего столетия убедительно демонстрируют отсутствие стабильности и безопасности в современном обществе. Ценные достижения мирового сотрудничества – правовые акты о сдерживании применения оружия массового поражения – не остановили милитаристские тенденции. Попытки искоренения в XX веке сепаратистских, националистских и террористических идеологий не привели к желаемому результату, а скорее вызвали еще более бурный рост их сторонников и противостояние умеренного большинства и радикального меньшинства.

¹ Исследование выполнено в рамках реализации Программы поддержки научно-педагогических работников ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», проект «Организационно-правовые меры профилактики идеологии терроризма, экстремизма и иных деструктивных идеологий в сфере образования».

Среди вышеуказанных явлений экстремизм (от лат. *extremus* – крайний) можно считать главным феноменом, который дает импульс развитию радикальных идей, пропагандируя ненависть и вражду и тем самым придавая крайние формы сепаратизму, национализму, шовинизму, терроризму, религиозному фанатизму, фундаментализму и иным деструктивным общественно-политическим и социальным течениям.

В XXI веке экстремизм переживает период эволюционного подъема, подрывая основы стабильности, безопасности и прочности мирового порядка.

Вместе с тем изучение экстремизма как явления, присущего исключительно современному обществу, вызывает трудности при выработке научно обоснованных стратегий противодействия экстремистской деятельности, ввиду того что феномен экстремизма глубоко уходит корнями в прошлое.

В некоторой степени экстремизм появился в результате стремления меньшинства противостоять властному большинству, «созрел» на почве социально-классовой дифференциации и «вдохновился» идеей оправдания любых средств во имя «высшей» цели. Экстремизмом можно назвать братоубийственные и междоусобные войны раннего средневековья, а также революционный терроризм, сопровождающий исторические перевороты. Природа экстремизма в крайностях, она из которых – стремление уничтожить сложившуюся государственно-правовую систему. Так, немецкий радикал Карл Гейнцген утверждал, что убийство может быть оправдано во имя высших интересов, а с помощью экстремистских акций даже небольшая группа единомышленников сумеет создать хаос в самом сильном государстве [Воронцов 2007: 41]. Другая крайность экстремизма – стремление «законсервировать» государственно-политическую систему в неизменном состоянии. Так, массовые расправы с еретиками в Средние века также можно отнести к проявлению политического и религиозного экстремизма. Итак, все то, что в современном обществе принято называть экстремизмом, проявлялось в той или иной мере в разных странах и в разные времена.

Несмотря на то, что явление экстремизма само по себе не ново, термин «экстремизм» не имеет такой многовековой истории. Впервые понятие «экстремизм» появилось в Англии в середине XIX века в политической прессе.

Затем термин получил свое распространение в американской риторике в эпоху бескомпромиссной борьбы враждующих «Юга» и «Севера» во время американской Гражданской войны. В России термин «экстремизм» появился и начал развиваться в начале XIX века в период активизации революционных террористических антиимперских группировок. Во Франции термин «экстремизм» вошел в оборот во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) [Погорельцев 2020: 178].

С. Н. Фридинский отмечает, что термин «экстремизм» стал активно применяться только с начала XX века [Фридинский 2003: 19]. Поэтому, например, толковый словарь русского языка В. И. Даля не дает определения понятию «экстремизм» [Воронцов 2007: 41].

Однако почему явление, преследовавшее человечество с давних времен, получило наименование только в современности? Научная литература не дает ответа на этот вопрос. Современные исследования в большей степени направлены на изучение форм и направленностей экстремизма, способов борьбы с экстремистской деятельностью, в то время как исследования сущности термина «экстремизм» ограничиваются констатацией многогранности изучаемого явления и множества подходов к определению понятия.

Так, экстремизм проявляется сквозь призму общественно опасной деятельности, социально негативного явления, специфической идеологии, комплекса крайних взглядов, идей и установок, политического противостояния и т. д.

Видится, что появление термина «экстремизм» в XX веке – это яркий пример исторического обобщения, перехода от частного к целому. Ряд исторических событий – революционных, террористических, сепаратистских, националистических – назывались по-разному, но сводились к одному – выражению крайнего оппозиционного и нетерпимого отношения к сложившейся социально-политической картине мира.

В настоящее время термин «экстремизм» служит обобщением ранее существовавших крайних направленностей. Любая обобщающая терминология вызывает трудности в толковании в силу многогранности вкладываемых в один термин смыслов.

В этой связи видится, что термин «экстремизм» следует рассматривать в трех смыслах: философском (абстрактном), социально-политическом, формально-юридическом.

Ключевое понятие, через призму которого определяется «экстремизм», – это «крайность». В соответствии с Толковым словарем С. И. Ожегова экстремизм понимается как приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике) [Ожегов 1993: 942].

Согласно Толковому словарю В. И. Даля «крайний» – на краю находящийся, последний, конечный, предельный... достигший последней степени, чрезмерный [Даль 2007: 468]. Думается, что крайность в данном случае подразумевает изначальное отрицание всякого чувства меры [Афанасьев 2002: 230].

Таким образом, философия экстремизма строится на недопустимости сосуществования плюрализма идей, предполагает крайнюю степень нетерпимости к оппозиционным взглядам, оправдывает любые средства, включая насилие и преступления, во имя какой-либо крайней левой или крайней правой идеи.

На основании вышеизложенного, с философской точки зрения экстремизм можно рассматривать сквозь призму идеологического течения, вобравшего в себя совокупность идей, взглядов, представлений, принципов, основанных на нетерпимости к оппоненту и оправдании применения насилия против идеологических противников. Иными словами, экстремизм – агрессивная форма монополии на истину.

С политической точки зрения, экстремизм рассматривается сквозь призму насильственной политической борьбы за рычаги властного управления. Поэтому социально-политическое наполнение термина «экстремизм» в свержении или, наоборот, суровой консервации существующего политического режима. Политический экстремизм ярко проявляется на примере деятельности крайних левых или крайних правых политических партий.

Примерами ультралевых политических течений являются агрессивный анархизм, коммунизм и т. д. Примерами ультраправых политических идеологий можно назвать фашизм, национал-социализм, нацизм, шовинизм, расизм и т. д.

Несмотря на противоположность крайних левых и крайних правых течений, обе крайности сходятся в одном – в агрессивной, бескомпромиссной политической борьбе за исключительность, которая сопровождается массовыми нарушениями основ конституционного строя государства и установленных законом прав и свобод граждан путем возбуждения социальной, имущественной, расовой, национальной или религиозной розни [Фридинский 2003: 8].

В этой связи следует признать обоснованность и верность политологической теории подковы, согласно которой как ультралевые, так и ультраправые политические течения не являются антагонистами и не находятся на противоположных концах линейного политического спектра, а во многом сходятся друг с другом как концы одной подковы, тяготеющие друг к другу.

Таким образом, основным отличием любых (левых или правых) экстремистских политических течений является требование от своих приверженцев абсолютной веры в исповедуемые политические идеалы [Макаров 2006: 13].

С юридической точки зрения экстремизм понимается как совокупность преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, а именно:

- насильственное изменение основ конституционного строя;
- террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
- воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
- воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
- совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо публичное демонстрирование атрибутики или символики экстремистских организаций;
- публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;
- публичное заведомо ложное обвинение лица, занимающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей указанных деяний;
- организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;
- финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг [Федеральный закон 2002].

В этой связи в юридическом контексте экстремизм всегда выступает как правонарушение, за совершение которого предусмотрена административная или уголовная ответственность.

Таким образом, экстремизм – многогранный термин, который следует исследовать в зависимости от системы координат. В рамках настоящего исследования проиллюстрировано понимание экстремизма в философской, социально-политической и юридической плоскости. Исходя из пребывания в той или иной плоскости, экстремизм можно интерпретировать как идеологию или преступление, явление или институт.

Следует отметить, что ввиду многогранности явления представляется невозможным сформулировать исчерпывающий перечень направленностей экстремизма. Как правило, выделяют политический, националистический и религиозный экстремизм. Вместе с тем, во-первых, в научной литературе встречаются понятия экономического, экологического, духовного, спортивного, расового, этнического экстремизма. Во-вторых, можно бесконечно долго продолжать в каждом из указанных направлений выделять еще ряд направленностей экстремистской деятельности.

Таким образом, видится, что по содержательному критерию не представляется возможным предложить исчерпывающую классификацию видов экстремизма.

Бытует мнение, что в настоящее время появилась необходимость выделения цифрового экстремизма, или киберэкстремизма, как самостоятельного вида экстремизма.

С одной стороны, популярность цифровых методов и приемов осуществления экстремистской деятельности набирает обороты. Так, экстремистская деятельность в социальных сетях проявляется через популяризацию экстремистских идей посредством создания социальных сетей экстремистской направленности, развития контента экстремистского содержания, таргетинга, кросспостинга и т. д. [Шут 2021: 96]. Множественность способов распространения экстремистских идей в сети Интернет делает киберпространство крайне привлекательной формой осуществления экстремистской деятельности. Юджин Спаффорд указывает, что Интернет – всемирный виртуальный тренировочный лагерь террористов [Голяндин, Горячев 2013: 37].

Но вместе с тем у киберэкстремизма нет собственной содержательной основы, в связи с чем цифровой экстремизм нельзя отнести к самостоятельному виду или направлению экстремизма. Экстремизм приобретает иную (цифровую) форму, но не выходит за рамки политического, религиозного, национального содержания.

Поэтому цифровой экстремизм от экстремизма вообще отличает только способ достижения поставленных целей – через цифровую среду, или киберпространство.

Резонансным делом, подчеркнувшим трудности в квалификации цифрового экстремизма, стало дело по исковому заявлению Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации о запрете деятельности американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности.

Решением Тверского районного суда города Москвы от 21 марта 2022 года по делу №02-2473/2022 исковые требования были удовлетворены в полном объеме.

Указанное решение представляет интерес для исследования термина «экстремизм» вообще и наиболее популярной его формы – «цифрового экстремизма» – в частности.

В анализируемом судебном решении приведены положения из судебной практики российских судов, которыми выносились решения о признании публикаций в Instagram и Facebook информацией, распространение которой на территории Российской Федерации запрещено. Так, в одной публикации демонстрировалась нацистская символика, в другой – оправдывалась деятельность приверженцев религиозного экстремизма, в третьей – содержались призывы к участию в массовых беспорядках. Вместе с тем многочисленные уведомления Роскомнадзора о необходимости удаления распространяемой с нарушением закона информации игнорировались указанными социальными сетями.

Таким образом, можно сделать вывод, что экстремистская деятельность может проявляться как в форме действия, так и в форме бездействия. В случае с компанией Meta Platforms Inc. главным основанием для признания ее экстремистской

организацией явилось умышленное бездействие по отношению к антиэкстремистским мерам, принимаемым российскими властями.

Следует также подчеркнуть, что согласно указанному судебному решению, «принимая во внимание технические особенности функционирования принадлежащего компании Meta мессенджера WhatsApp, ввиду отсутствия функций по публичному распространению информации ограничительные меры в отношении данного программного продукта не принимались» [Решение Тверского районного суда г. Москвы 2022].

Важно подчеркнуть, что само по себе массовое распространение информации не является основополагающим квалифицирующим признаком цифрового экстремизма. Так, например, какие последствия влечет публикация в сети Интернет информации, содержащей экстремистские материалы, но не набравшей ни одного просмотра в сети Интернет, т. е. не повлекшей публичность распространения информации?

Ввиду того, что наказуемым деянием является не только распространение, но и производство экстремистских материалов в целях распространения, указанное действие влечет установленную законом ответственность. Важным квалифицирующим признаком выступает не факт распространения, а возможность распространения информации, т. е. наличие функций по публичному распространению сведений.

Таким образом, анализируемое решение суда открывает новые смыслы в понимании термина «экстремизм» и подтверждает проблему неоднородности и многогранности изучаемого явления.

Подведем итоги.

Экстремизм, как правило, рассматривается в трех основных измерениях: философском, социально-политическом и юридическом, представляя собой идеологию / политическое течение / преступление, связанное с отстаиванием своих взглядов и убеждений путем радикальных и, как правило, насильственных методов.

В основе экстремизма лежит комплекс противоречий, возникающих между личностью, обществом и государством.

В связи с чем само понятие экстремизм предлагается изучать в том или ином измерении сквозь призму обобщающих признаков, а именно:

- наличие альтернативной экзистенциальной идеи;
- нетерпимость к оппозиционной идеологии;
- демонстративное нарушение установленных правовых норм и игнорирование моральных правил;
- идеологическое обоснование применения насилия;
- преобладание эмоциональных агрессивных способов достижения цели над рациональными.

Литература

- Афанасьев Н. Н.* Идеология терроризма / Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 230–234.
- Воронцов С. А.* Понятие экстремизма и его существенные признаки / Философия права. – 2007. – № 4. – С. 65–71.
- Голяндин Н. П., Горячев А. В.* Мотивации вербовки в экстремистские и террористические организации / Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2013. – №2. – С. 37–40.
- Даль В. И.* Иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2007.
- Макаров Н. Е.* Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. ... канд. полит. наук. Чита, 2006.
- О противодействии экстремистской деятельности : федеральный закон от 25.07.2002 №114-ФЗ / Собрание законодательства РФ, 29.07.2002, №30, С. 3031.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
- Погорельцев В. И.* Зарождение и развитие экстремизма в мире и в России / Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – 3-2 (42) – С. 178–184.
- Решение Тверского районного суда города Москвы от 21 марта 2022 года по делу №02-2473/2022 URL: <https://mosgorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения: 03.08.2022).
- Фридинский С. Н.* Экстремизм как угроза национальной безопасности / Современные проблемы совершенствования законодательного обеспечения глобальной и национальной безопасности, эффективного противодействия международному терроризму: сб. мат. междунар. науч.-практич. конф. Ростов-н/Д., 2003.
- Фридинский С. Н.* Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Ростов-н/Д., 2004.
- Шут О. А.* Экстремизм в цифровом пространстве социальных сетей: способы совершения и детерминанты / Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – 18(1). – С. 96–102.
- Экстремизм и терроризм в киберпространстве: угрозы миру и безопасности человечества: сборник статей по итогам III Всероссийской студенческой научнопрактической очно-заочной видеоконференции / под ред. В. А. Мазурова, М. А. Стародубцевой. Барнаул, 2020.

References

- Afanasiev, N. N. (2002). Ideology of terrorism. Social and humanitarian knowledge, 1, 230-234 (in Russian).
- Dal', V. I. (2007). Illustrated explanatory dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).
- Decision of the Tverskoy District Court of Moscow dated March 21, 2022. The case No. 02-2473/2022 Available from: <https://mosgorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (in Russian).
- Fridinsky, S. N. (2003). Extremism as a threat to national security. Modern problems of improving the legislative support of global and national security, effective counteraction to international terrorism. Rostov on Don (in Russian).
- Fridinsky, S. N. (2004). Fighting extremism: criminal law and criminological aspects. Rostov on Don (in Russian).
- Golyandin, N. P., Goryachev, A. V. (2013). Motivations for recruitment into extremist and terrorist organizations. Vestnik of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2, 37-40 (in Russian).
- Makarov, N. E. (2006). Political extremism as a radical model of the political process and the organization of state counteraction to extremism. Chita (in Russian).
- Mazurov, V. A., Starodubtseva, M. A. (ed.). (2020). Extremism and terrorism in cyberspace: threats to the peace and security of mankind. Barnaul (in Russian).

-
- On countering extremist activity: Federal Law No.114 of July 25, 2002. Collection of Legislation of the Russian Federation (in Russian).
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1993). Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow (in Russian).
- Pogoreltsev, V. I. (2020). The origin and development of extremism in the world and in Russia. International Journal of the Humanities and Natural Sciences, 3-2 (42), 178-184 (in Russian).
- Shut, O. A. (2021). Extremism in the digital space of social networks: ways of committing and determinants. Vestnik of the Omsk University, 18(1), 96-102 (in Russian).
- Vorontsov, S. A. (2007). The concept of extremism and its essential features. Philosophy of law, 4, 65-71 (in Russian).
-

Citation:

Печатнова Ю. В., Стародубцева М. А., Пинчук А. П. К вопросу о понятии экстремизма // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 68-72.

Pechatnova Yu. V., Starodubtseva M. A., Pinchuk A. P. (2023). On the Concept of Extremism. Legal Linguistics, 28, 68–72.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

О понятиях несостоятельности и банкротства в российском праве

К. Ю. Сасыкин

*Санкт-Петербургский государственный университет
22-я линия В. О., д. 7, 199106. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: k.sasykin@bk.ru*

Статья посвящена определению границ терминов «несостоятельность» и «банкротство». Автором проведен анализ соотношения терминов, в том числе с учетом истории российского законодательства, на основании чего отмечены особенности изменения данного института на сегодняшний день. Современный подход законодателя к определению «несостоятельности», «банкротства» представляется автору не в полной мере обоснованным, в том числе в силу применения категории «банкротство» в российском уголовном праве. С учетом примеров зарубежной практики предлагается законодательно разграничить категории.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, неплатность, процедура ликвидации, разграничение, торговое законодательство, язык закона, терминология.

On the Concepts of Insolvency and Bankruptcy in Russian Law

K. Yu. Sasykin

*Saint Petersburg State University
7 22nd line V. O., 199106. St. Petersburg, Russia. E-mail: k.sasykin@bk.ru*

The article is concerned with defining the boundaries of the terms "insolvency" and "bankruptcy". The author analyzed the correlation of terms, also including the history of Russian legislation, on the basis of which the features of the change in this institution to date are noted. The modern approach of the legislator to the definition of "insolvency" and "bankruptcy" seems to the author not fully justified, which includes the application of the category "bankruptcy" in Russian criminal law. Taking into account examples of foreign practice, it is proposed to legally distinguish between the categories.

Key words: bankruptcy, insolvency, non-payment, liquidation procedure, delimitation, trade law, the language of the law, terminology.

Лишь в прошлом, 2021, году потери кредиторов от действий лиц, признанных несостоятельными (банкротами), составили порядка 4 трлн руб. (по заявлению заместителя главы Федеральной налоговой службы РФ К. Н. Чекмышева в ходе заседания экспертного совета комитета Государственной Думы РФ по бюджету и налогам), в связи с чем достаточно остро на сегодняшний день стоит вопрос организации эффективного управления предпринимательской деятельностью, своевременная оценка финансового состояния субъектов предпринимательства, предотвращение их несостоятельности (банкротства), а в случаях наступления несостоятельности (банкротства) – соблюдение порядка производств и исключение нарушений со стороны задействованных участников.

Вместе с тем, несмотря на то, что Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) действует уже второй десяток лет, ни он сам, ни гражданское законодательство *не раскрывают отличия основных его терминов – «несостоятельности» от «банкротства».*

Закон о банкротстве в ст. 2 лишь предусматривает, что несостоятельность (банкротство) – это признанная неспособность субъекта в полном объеме удовлетворить имеющиеся к нему требования со стороны кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей.

Тем самым на сегодняшний день данное определение закона как бы синонимизирует вышеуказанные термины.

В этом смысле интересна позиция О. М. Свириденко по вопросу различия данных категорий [Свириденко 2010: 65]. Применительно к несостоятельности субъекта мы, действительно, говорим о таком его финансово-экономическом состоянии в момент возбуждения дела, при котором хотя и отсутствует возможность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, однако имеются реальные активы и материальные возможности, а также способность (до введения специальной процедуры реализации – конкурсного производства) восстановить платежеспособность в результате

погашения задолженности. В случае с банкротством субъекта судебным актом лишь констатируется факт – отсутствует финансово-экономическая способность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов и возможность восстановления платежеспособности.

Таким образом, несостоятельность является признаком банкротства, однако не каждая несостоятельность является банкротством. Об этом пишет и Т. С. Колесова, отмечая, что банкротство является продолжением несостоятельности, правовой формой отражения ее негативной стадии [Колесова 2006: 419].

Разграничение вышеуказанных понятий было присуще российскому праву и ранее. Об этом пишет, например, Е. Н. Макарова, ссылаясь на известных юристов дореволюционной России Г. Ф. Шершеневича, П. П. Цитовича, А. Ф. Трайнина, которые под банкротством понимали уголовно-правовую составляющую несостоятельности. [Макарова 2008: 55]. Как пишет М. Ю. Арчаков, в Уставе 1800 года в статье 131 приводится четкое указание на необходимость отграничивать рассматриваемые понятия: «для отличия беспорочного банкрота от прочих называть отныне пришедшего в несостояние упавшим, которое звание означает в нем несчастного, а не бесчестного человека; неосторожного и злостного называть банкротом» [Арчаков 2019: 8].

Как пишет Е. Л. Поцелуев, в немецком законодательстве понятие «банкротство» также применяется для описания умышленного преступления, т. е. только для уголовно-правовой формы существования несостоятельности. Термин «несостоятельность» же используется в качестве экономического и юридического термина, означающего состояние должника, который не может выполнить свои обязательства перед кредиторами [Поцелуев, Чистяков 2018: 75].

Это же замечает и Р. В. Чаленко, приводя анализ современных норм о несостоятельности во Франции и Бельгии, [Чаленко 2014: 137], а также Е. Н. Макарова, уточняя, что во Франции в период действия Уложения 1808 года несостоятельность *ipso facto* наступала с момента прекращения платежей, а признание банкротства происходило, если должник оказывался виновным в злоупотреблениях либо обмане [Макарова 2008: 55].

Обратившись к отечественным первоисточникам, отмечу, что Г. Ф. Шершеневич, действительно, разделял данные понятия. Под банкротством, пишет он, следует понимать неосторожное или умышленное причинение несостоятельным должником ущерба кредиторам посредством уменьшения или сокрытия имущества [Шершеневич, пар. 211]. Несостоятельностью признается положение, при котором имущество должника лишь внушает основательные опасения в недостаточности для удовлетворения всех требований, предъявляемых или ожидаемых. Подобное состояние имущества, судебным порядком установленное, пишет Г. Ф. Шершеневич, дает основание предполагать недостаточность его для равномерного удовлетворения всех кредиторов и служит основанием конкурсного процесса, т. е. порядка равномерного распределения имущества должника между всеми его кредиторами [Шершеневич, пар. 218].

Вместе с тем данный подход утратил в большей степени свою актуальность, поскольку обусловлен тем, что ранее действовавшие нормы Российской Империи разительно отличались от нынешнего российского уголовного законодательства.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало, например, нормы не только об уголовной ответственности за уличение в злонамеренном банкротстве (ст. 1582), но и за простое банкротство также (ст. 1584).

Устав о торговой несостоятельности 1832 года также раскрывал данные понятия, выделяя, что простое банкротство есть неосторожная несостоятельность (ст. 1861), а злонамеренным банкротством является подложная несостоятельность (ст. 1862). При этом выделялась также несчастная несостоятельность (ст. 1859), которая наступала в случаях, определенных законом, и банкротством, соответственно, не признавалась. Кодекс предусматривал, что свойства несостоятельности и ее конечные последствия определяются судом по окончании дела (ст. 1863).

На сегодняшний день российское уголовное законодательство оперирует именно термином «банкротство», а не «несостоятельность», однако в уголовно-правовом смысле банкротство не является самостоятельным преступлением. Уголовно наказуемыми в России остаются лишь случаи, когда банкротство объявлено заведомо ложно и в результате этого причинен крупный ущерб (ст. 197 Уголовного кодекса РФ), или же когда банкротство умышленное, то есть преднамеренное, и также лишь в ситуации причинения крупного ущерба (ст. 196 Уголовного кодекса РФ). Стоит ли говорить о санкциях за их совершение? Конфискации имущества и высылки в качестве наказаний (подобно нормам Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.) современное российское право не знает.

С другой стороны, в действительности нельзя игнорировать сам факт употребления в статьях 196, 197 Уголовного кодекса РФ исключительно категории «банкротство», т. е. в данном случае предполагается наличие у термина определенного значения, качественно отличающего его от содержания «несостоятельности».

С учетом вышеобозначенных позиций и мнений представляется, что на сегодняшний день «несостоятельность» и «банкротство», хотя и имеют близкое финансово-экономическое содержание, однако как правовые категории в современном российском гражданском, уголовном праве требуют своей дифференциации. Прежде всего, требуют своей редакции положения вышеуказанного Закона о банкротстве.

В этом смысле, например, можно привести украинское законодательство о банкротстве, которое содержит следующее определение банкротства – признанная хозяйственным судом несостоятельность должника восстановить свою платежеспособность с помощью процедуры санации и реструктуризации и погасить установленные в порядке, определенном настоящим Кодексом, денежные требования кредиторов иначе, чем через применение ликвидационной процедуры (ст. 1 Кодекса по процедурам банкротства). То есть в отличие от российской редакции более удачно с точки зрения юридической техники выделяется субъект, осуществляющий признание несостоятельным – суд, а также выделяется противопоставление ликвидационной процедуры способам восстановления.

Схожим образом разграничение осуществляется в Молдове – в ст. 2 местного закона нормативно разграничиваются процедура несостоятельности и процедура банкротства – и в Грузии.

Литература

- О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (с изменениями и дополнениями от 19 июля 2022 г.). Доступ через СПС Консультант (01.08.2022).
- О наказаниях уголовных и исправительных: Уложение Российской Империи 1845 года. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696.
- О торговой несостоятельности: Устав Российской Империи 1832 года. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543970.
- По процедурам банкротства: Кодекс Украины от 18 октября 2018 года № 2597-VIII. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/view/T182597?an=1847>
- О несостоятельности: Закон Республики Молдова от 29 июня 2012 года №149. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=58253
- О производстве по делам о банкротстве: Закон Грузии от 28 марта 2007 года №4522. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/23572/16/ru/pdf>
- Арчаков М. Ю. К вопросу о понятии несостоятельности (банкротства) на примере страховых организаций / Юристы-Правоведь. – 2019. – № 1(88). – С. 7-12.
- Колесова Т. С. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» страховых организаций / Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. – 2006. – № 4(20). – С. 418-419.
- Макарова Е. Н. Анализ понятия «несостоятельность» и «банкротство» / Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 2(107). – С. 54-56.
- Поцелуев Е. Л., Чистяков П. Д. Основания несостоятельности по законодательству Федеративной Республики Германия / Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6. – № 2(22). – С. 75-83.
- Свириденко О. М. К вопросу о соотношении понятий «несостоятельность», «банкротство» / Современное право. – 2010. – № 12. – С. 63-65.
- Чаленко Р. В. Концепция учетно-аналитической системы управления процедурами несостоятельности и банкротства / Вестник НГУЭУ. – 2014. – № 1. – С. 134-144.
- Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. – 1912. URL: <http://p.120-bal.ru/doc/28404/index.html>.
- Информация Федресурса. URL: <https://fedresurs.ru/news/c6d233c2-08dc-4512-b7fe-0ba0ab30d463>.

References

- Archakov, M. Yu. (2019). To the question of the concept of insolvency (bankruptcy) on the example of insurance companies. *Yurist-Pravoved*, 1 (88), 7-12 (in Russian).
- Chalenko, R. V. (2014). The concept of an accounting and analytical system for managing insolvency and bankruptcy procedures. *Bulletin of the National State University of Economics*, 1, 134-144 (in Russian). Information. Available from: <https://fedresurs.ru/news/c6d233c2-08dc-4512-b7fe-0ba0ab30d463> (in Russian).
- Kolesova, T. S. (2006). Correlation between the concepts of "insolvency" and "bankruptcy" of insurance organizations. *Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperatives*, 4(20), 418-419 (in Russian).
- Makarova, E. N. (2008). Analysis of the concept of "insolvency" and "bankruptcy". *Economic analysis: theory and practice*, 2(107), 54-56 (in Russian).
- On bankruptcy procedures: Code of Ukraine dated October 18, 2018 No. 2597-VIII. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/view/T182597?an=1847> (in Ukrainian).
- On bankruptcy proceedings: Law of Georgia dated March 28, 2007 No. 4522. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/23572/16/ru/pdf>. (in Russian).
- On commercial insolvency: The Charter of the Russian Empire of 1832. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543970 (in Russian).
- On criminal and correctional punishments: Code of the Russian Empire of 1845. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696 (in Russian).
- On insolvency (bankruptcy): Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended and supplemented as of July 19, 2022). Access from ATP Consultant (01.08.2022) (in Russian).
- On insolvency: Law of the Republic of Moldova of June 29, 2012 no. 149. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=58253 (in Russian).
- Poceluev, E. L. (2018). Grounds for insolvency under the laws of the Federal Republic of Germany. *Science. Society. State*, 2(22), 75-83 (in Russian).
- Shershenevich, G. F. (1912). Commercial law course. Vol. IV: Trading process. Competitive process. Available from: <http://p.120-bal.ru/doc/28404/index.html> (in Russian).
- Sviridenko, O. M. (2010). On the question of the relationship between the concepts of "insolvency", "bankruptcy". *Modern law*, 12, 63-65 (in Russian).

Citation:

- Сасыкин К. Ю. О понятиях несостоятельности и банкротстве в российском праве // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 73-76.
- Sasykin K. Yu. (2023). On the Concepts of Insolvency and Bankruptcy in Russian Law. *Legal Linguistics*, 28, 73–76.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

К вопросу о содержании понятия «отношения по обеспечению экологической безопасности»

О. А. Трубникова¹, Н. И. Калашник²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹trubnikova_67@mail.ru, ²nat.kalashnik@gmail.com

Статья посвящена проблеме определения содержания понятия «отношения по обеспечению экологической безопасности» и анализу эффективности правового регулирования этой группы экологических отношений. На основе изучения документов стратегического планирования и нормативных правовых актов (как действующих, так и утративших силу) определяется состояние правового регулирования рассматриваемой группы общественных отношений и выявляются проблемные аспекты эффективности регламентации этой сферы отношений. С целью установления причин сложившейся ситуации в работе рассматриваются доктринальные подходы к определению места отношений по обеспечению экологической безопасности в предмете экологического права. Исследование заявленной проблемы осуществляется с позиции широкого подхода к предмету экологического права, включающего в себя три группы отношений: отношения по охране окружающей среды, отношения по природопользованию, отношения по обеспечению экологической безопасности. При решении вопроса о содержании отношений по обеспечению экологической безопасности авторами выявляется взаимосвязь этих отношений с предотвращением и минимизацией экологических рисков. В работе отмечается, что этот признак позволяет ограничивать отношения по обеспечению экологической безопасности от отношений по охране окружающей среды и природопользованию. Исследуя действующее законодательство, авторы приходят к выводу о наличии недостатков нормативных положений, препятствующих эффективному правовому воздействию на рассматриваемые общественные отношения, и предлагают направления устранения этих недостатков. В статье отмечается, что серьезным препятствием для формирования эффективных нормативных предписаний в данном случае является недостаточная теоретическая (научная) разработанность вопросов обеспечения экологической безопасности, а также отсутствие специального нормативного правового акта, определяющего основы регулирования рассматриваемых отношений.

Ключевые слова: отношения по обеспечению экологической безопасности.

On the Scope of the Concept of "Relationships to Provide Environmental Safety"

O. A. Trubnikova¹, N. I. Kalashnik²

Altai State University

68 Socialisticheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹trubnikova_67@mail.ru, ²nat.kalashnik@gmail.com

The article discusses the problem of determining the scope of the concept of "relationships to provide environmental safety" and the effectiveness of the legal regulation of this group of environmental relations. Based on the analysis of strategic planning documents and regulatory legal acts (both current and invalid), the state of legal regulation of the considered group of social relations is determined, and problematic aspects of the effectiveness of the regulation of this sphere of relations are identified. In order to establish the causes of the current situation, the paper examines the doctrinal approaches that have developed in the science of environmental law to determine the place of relations to ensure environmental safety in the subject of environmental law. The study of the stated problem is carried out from the standpoint of a broad approach to the subject of environmental law, which includes three groups of relations: relations for environmental protection, relations for nature management, relations for providing environmental safety. When deciding on the scope of relations to provide environmental safety, the authors reveal the link of these relations with the prevention and minimization of environmental risks. The paper notes that this feature makes it possible to distinguish between relations on providing environmental safety from relations on environmental protection and nature management. Exploring the current legislation, the authors come to the conclusion that there are shortcomings in the regulations that impede effective legal influence on the social relations in question, and suggest ways to eliminate these shortcomings. In addition, the article notes that a serious obstacle to the formation of effective regulatory requirements in this case is the insufficient

theoretical (scientific) development of issues of providing environmental safety, as well as the absence of a special regulatory legal act that defines the basis for regulating the relations in question.

Key words: relations to provide environmental safety.

В российском законодательстве понятие «экологическая безопасность» закреплено в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Экологическая безопасность определяется как состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [Федеральный закон 2002]. В доктрине экологического права существуют различные подходы к определению как содержания понятий «экологическая безопасность», «отношения по обеспечению экологической безопасности», так и к соотношению таких правовых категорий, как «экологическая безопасность» и «охрана окружающей среды». Вопрос о четком определении указанных понятий, их соотношении является принципиальным для определения предмета экологического права, что, в свою очередь, прямо влияет и на совершенствование правового регулирования такой группы экологических отношений, как отношения по обеспечению экологической безопасности. Важность обозначенного вопроса обусловлена также тем, что регулирование отношений по обеспечению экологической безопасности создает условия для реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду [Конституция 1993].

Традиционно в предмет экологического права включались две группы общественных отношений: отношения по охране окружающей среды и отношения по использованию природных ресурсов. Однако с принятием Федерального закона «Об охране окружающей среды» появились новые подходы к определению предмета экологического права. Одним из таких подходов является расширение предмета экологического права и включение в него еще одной группы общественных отношений: отношений по обеспечению экологической безопасности.

Анализ доктринальных источников экологического права позволяет говорить о том, что ряд авторов проводят различие между охраной окружающей среды и экологической безопасностью [Голиченков 2012: 426], а некоторые, напротив, включают в понятие «охрана окружающей среды» и экологическую безопасность. Так, М. М. Бринчук под обеспечением экологической безопасности понимает деятельность по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, отвечающую интересам сохранения благоприятного состояния окружающей среды, а также по защите экологических прав и законных интересов физических и юридических лиц [Бринчук 2005: 587]. По мнению Т. В. Петровой, задачи обеспечения экологической безопасности «несколько уже, чем задачи охраны окружающей среды, и не связаны с восстановлением природной среды, с обеспечением рационального использования и воспроизводства природных ресурсов. Они, в значительной степени, сводятся к сохранению такого состояния природной среды, при котором не нарушаются жизненно важные интересы человека, проживающего в этой среде» [Петрова 2005: URL].

Согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды» в понятие «охрана окружающей среды» включается деятельность всех субъектов права, направленная на сохранение и восстановление природной среды, рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов, предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий. Такое определение не дает четкого представления о предмете экологического права. Более того, такое определение природоохранной деятельности является необоснованно широким и позволяет выделить как минимум три направления деятельности: сохранение и восстановление природной среды (деятельность непосредственно по охране природной среды); рациональное использование и воспроизводство природных ресурсов (деятельность по природопользованию); предотвращение негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ликвидацию ее последствий (деятельность, связанная с обеспечением экологической безопасности). Предложенное разграничение видов деятельности, возникающих в сфере взаимодействия общества и природы, является условным, однако оно позволяет более детально подойти к рассмотрению предмета экологического права и определить круг отношений, которые составляют его предмет.

Авторы статьи придерживаются позиции широкого подхода к предмету экологического права, включающего в себя три группы отношений: охрана окружающей среды, природопользование, обеспечение экологической безопасности. Анализ норм природоохранного и природоресурсного законодательства позволяет отметить, что эти группы отношений, безусловно, взаимосвязанные, отличаются, однако, по своему субъект-объектному составу и содержанию.

Как уже отмечалось, в доктрине экологического права нет четкого и единого определения понятия «отношения по обеспечению экологической безопасности». Законодательство об обеспечении экологической безопасности также не сформировано. В настоящее время при отсутствии специальных нормативных правовых актов, регулирующих эту группу отношений, реализация государственной политики в области обеспечения экологической безопасности базируется на механизме стратегического планирования. Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» установлены правовые основы для разработки, построения и функционирования комплексной системы государственного стратегического планирования в области социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации [Федеральный закон 2014]. Однако принятые в разное время документы (концепции, стратегии, программы, планы) различаются по терминологии, принципам, объему и другим критериям, отдельные направления данных документов не всегда согласованы. Такой подход, по мнению Н. Г. Жаворонковой и Ю. Г. Шпаковского, в полной мере относится и к сфере обеспечения экологической безопасности. Следует согласиться с мнением ученых о том, что «необходимо различать экологическую безопасность, экологическую политику, охрану окружающей среды и рациональное природопользование... охрана окружающей среды и экологическая безопасность имеют собственный предмет регулирования...» [Жаворонкова, Шпаковский: URL].

В одном из документов стратегического планирования Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176, определено, что экологическая безопасность является составной частью национальной безопасности государства [Указ Президента 2017]. Достижение целей экологической безопасности осуществляется путем проведения единой государственной политики, направленной на предотвращение и ликвидацию внутренних и внешних вызовов и угроз экологической безопасности. Из данных формулировок документа следует, что в содержание отношений по обеспечению экологической безопасности как состояния защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека предполагается включение таких обязанностей для всех субъектов права и, прежде всего, государства, которые связаны с предотвращением или минимизацией экологических рисков. Экологические риски выступают в качестве основных факторов, представляющих опасность для природы и человека в данных отношениях. Это, на наш взгляд, позволяет отличить отношения по обеспечению экологической безопасности от отношений по охране окружающей среды, которые напрямую не связаны с экологическими рисками, и отношений природопользования, которые имеют другое содержание и основания возникновения.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды» под экологическим риском понимается вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера. Следовательно, причиной экологических рисков могут выступать как природные ситуации, так и техногенная деятельность.

В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года оценка текущего состояния экологической ситуации связана с анализом угроз экологической безопасности. При этом названы как угрозы антропогенного характера (накопление отходов производства и потребления, разливы нефти и нефтепродуктов, износ опасных производственных объектов), так и угрозы природного характера (опасные гидрометеорологические, геологические явления, лесные пожары, распространение природно-очаговых заболеваний и др). В разделе третьем данного документа «Вызовы и угрозы экологической безопасности» установлен перечень внешних и внутренних вызовов, при этом смешаны понятия «угроза» и «вызов».

Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года как документ стратегического планирования устанавливает цели, задачи и основные направления государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности. В этой связи одним из основных направлений для решения задач в области обеспечения экологической безопасности указано совершенствование природоохранного и природоресурсного законодательства, а также «институциональной системы обеспечения экологической безопасности» (абзац а, п. 26, раздел IV). Что понимается под институциональной системой обеспечения экологической безопасности, каков вектор ее совершенствования, не ясно. Однако из содержания этого программного документа следует, что обеспечение экологической безопасности может быть осуществлено и через охрану окружающей среды, и через организацию рационального природопользования, и даже через развитие системы экологического образования и просвещения.

Представляется, что такие нечеткие формулировки в указанном программном документе обусловлены отсутствием единообразных подходов к предмету экологического права, к разграничению понятий «охрана окружающей среды» и «обеспечение экологической безопасности», включением отношений по обеспечению экологической безопасности в отношения по охране окружающей среды и наоборот.

Еще в одном программном документе «Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года», утвержденном Президентом РФ 30 апреля 2012 г., установлено, что задачи государства определяются Основами и в области охраны окружающей среды, и в области обеспечения экологической безопасности [Основы 2012]. В свою очередь, разграничивая данные сферы, можно сказать, что, например, решение задачи сохранения природной среды (экосистем, объектов животного и растительного мира) относится к сфере охраны окружающей среды (п. 16), а решение задачи по прогнозированию чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера к сфере обеспечения экологической безопасности (п. 18).

В Экологической доктрине Российской Федерации, одобренной Распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р, устанавливается прямая связь между национальной безопасностью и охраной окружающей среды [Распоряжение Правительства 2002]. Причем указано, что национальная безопасность (и ее составляющая – экологическая безопасность), возможны только при условии сохранения природных систем и поддержания соответствующего качества окружающей среды. Анализ содержания доктрины позволяет сделать вывод о разграничении сфер государственной деятельности в области экологии: природопользование, охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности (разделы 3 и 4). Приоритетными направлениями деятельности в сфере обеспечения экологической безопасности являются обеспечение безопасности потенциально опасных видов деятельности и обеспечение безопасности при чрезвычайных ситуациях. Эта деятельность связана, с одной стороны, с предотвращением экологических рисков (например, снижение риска воздействия на здоровье человека и окружающую среду при проектировании, строительстве, эксплуатации и выводе из эксплуатации промышленных и энергетических объектов; разработка системы чрезвычайного реагирования и системы оповещения на экологически опасных объектах), с другой стороны, с ликвидацией последствий, вызванных чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера (например, реабилитация территорий и акваторий, подвергшихся негативному влиянию хозяйственной деятельности, в том числе радиационному и химическому воздействию; реабилитация территорий и акваторий, загрязненных в процессе функционирования объектов ракетно-космической и атомной отраслей промышленности) (раздел 4).

Таким образом, анализ документов стратегического планирования, а также базовых нормативных правовых актов экологического законодательства позволяет сделать вывод о необходимости более четкого разграничения как понятий «охрана окружающей среды» и «экологическая безопасность», так и самих отношений по охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности.

Для обеспечения экологической безопасности требуется также четкое регулирование отношений, связанных с чрезвычайными ситуациями, возникающими на территории Российской Федерации. Учитывая, что в главе восьмой «Зоны экологического бедствия, зоны чрезвычайных ситуаций» Федерального закона «Об охране окружающей среды» содержатся лишь отсылочные нормы, можно утверждать, что в настоящее время отношения, касающиеся экологически неблагоприятных ситуаций, не имеют адекватной правовой регламентации.

Институт экологически неблагоприятных территорий был введен Законом РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» [Закон РСФСР 1991]. К экологически неблагоприятным территориям согласно разделу третьему закона относились территории, на которых произошли чрезвычайные экологические ситуации или экологические бедствия. Понятия зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия также были установлены в законодательстве: зонами чрезвычайной экологической ситуации объявлялись участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных (ст. 58). Зонами экологического бедствия объявлялись участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной либо иной деятельности произошли глубокие необратимые изменения окружающей природной среды, повлекшие за собой существенное ухудшение здоровья населения, нарушение природного равновесия, разрушение естественных экологических систем, деградацию флоры и фауны (ст. 59). Порядок объявления территорий зонами чрезвычайной экологической ситуации или зонами экологического бедствия устанавливался подзаконным нормативным правовым актом [Приказ Министерства 1995]. В период действия этого закона были разработаны критерии определения экологически неблагоприятных территорий как зон чрезвычайной экологической ситуации или зон экологического бедствия с учетом возрастания экологической угрозы, устойчивого характера и степени экологического неблагоприятия территории [Методика 1992]. В настоящее время эти наработки оказались не востребованными. Таким образом, современный институт экологически неблагоприятных территорий требует серьезного совершенствования.

Базовым нормативным правовым актом в сфере регулирования чрезвычайных ситуаций является Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [Федеральный закон 1994]. Законодатель в настоящее время отказался от термина «чрезвычайная экологическая ситуация». Так как в преамбуле указанного закона защита населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера определена как область распространения норм закона, это позволяет сделать вывод, что нормами этого акта в том числе обеспечивается экологическая безопасность на территории РФ. Закон определяет «чрезвычайную ситуацию» как обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей. Очевидно, что данное определение включает в себя и чрезвычайные экологические ситуации. Деятельность, связанная с защитой от чрезвычайных ситуаций и их ликвидацией, возникает вследствие наступления экологических и иных рисков и направлена на обеспечение состояния защищенности окружающей среды и жизненно важных интересов человечества от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, т. е. осуществляется в рамках отношений по обеспечению экологической безопасности.

Следовательно, в настоящее время в экологическом праве институт, определяющий правовой режим экологически неблагоприятных территорий (зон экологического бедствия и зон чрезвычайных ситуаций), пока остается не разработанным. Можно согласиться с мнением Е. С. Болтановой, что «правовой режим зон экологического бедствия, зон чрезвычайных ситуаций должны формировать нормы, которые обеспечивают предупреждение (в том числе снижение риска) возникновения экологических бедствий, чрезвычайных ситуаций и создание соответствующих зон; устанавливают порядок придания (снятия) особого статуса зоны и введения, связанных с этим ограничений; определяют специфику действий и деятельности в границах зон, в том числе в части осуществления контроля и надзора уполномоченными органами; направлены на устранение последствий экологических бедствий, чрезвычайных ситуаций (в том числе определяют систему мер по финансированию мероприятий по оздоровлению территорий); предусматривают льготные социально-экономические условия проживания на территории зон граждан, а также компенсацию вреда, причиненного их жизни и здоровью» [Болтанова 2017: 37]. Этими нормами и могут, в частности, регулироваться отношения по обеспечению экологической безопасности.

Таким образом, если отношения по обеспечению экологической безопасности включать в предмет экологического права, выделяя как самостоятельную группу экологических отношений наряду с отношениями по охране окружающей среды и отношениями природопользования, то очевидно, что имеющихся нормативных правовых актов, регулирующих данную группу отношений, в настоящее время не достаточно. Документы стратегического планирования не могут подменять или заменять нормативные правовые акты, а понятийный аппарат, используемый в данных документах, не всегда определен законодательно. Основными проблемами сложившейся ситуации правового регулирования отношений по обеспечению экологической безопасности являются доктринальная (отсутствие унифицированного подхода к формированию понятийного аппарата в указанной сфере (в частности, к определению понятия «отношения по обеспечению экологической безопасности»), а также четкого и однозначного научного подхода к данной группе отношений) и законодательная (отсутствие единого нормативного правового акта, содержащего основы правового регулирования рассматриваемых отношений). Последовательное решение этих взаимосвязанных проблем позволит устранить пробельность экологического законодательства в сфере правового регулирования отношений по обеспечению экологической безопасности.

Литература

- Болтанова Е. С. Правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации / Экологическое право. – 2017. – №1. – С. 33-39.
- Бринчук М. М. Экологическое право: Учебник. М., 2005.
- Голиченков А. К. Экологическое право России: словарь юридических терминов. М., 2012.
- Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Экологическая безопасность в системе стратегического планирования Российской Федерации / LEX RUSSICA. – 2016. – № 6 (115). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-bezopasnost-v-sisteme-strategicheskogo-planirovaniya-rossiyskoy-federatsii/viewer>
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. 14.03.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- Методика «Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия» (утв. Минприроды РФ 30 ноября 1992 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90799/
- Основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30 апреля 2012 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/
- Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/
- Об охране окружающей природной среды: Закон РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189/
- Об утверждении «Временного порядка объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации»: Приказ Министерства природных ресурсов РФ от 6 февраля 1995 г. № 45. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8612/
- Об Экологической доктрине Российской Федерации: Распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097/
- О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/
- О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/
- О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
- Петрова Т. В. Техническое регулирование как часть системы правового регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды / Экологическое право. – 2005. – № 1. URL: <https://center-bereg.ru/m3876.html>.

References

- Boltanova, E. S. (2017). Legal Regime of Ecological Disaster Zones and Emergency Zones. *Ecological Law*, 1, 33-39 (in Russian).
- Brinchuk, M. M. (2005). *Environmental Law: Textbook*. Moscow (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (in red. 14.03.2020). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
- Fundamentals of state policy in the field of environmental development of Russia for the period up to 2030 (approved by the President of the Russian Federation on April 30, 2012). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (in Russian).
- Golichenkov, A. K. (2012). *Environmental law in Russia: a dictionary of legal terms*. Moscow (in Russian).
- Methodology "Criteria for assessing the ecological situation of territories for identifying zones of ecological emergency and zones of ecological disaster" (approved by the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation on November 30, 1992). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90799/ (in Russian).
- On approval of the "Temporary procedure for declaring a territory a zone of environmental emergency": Order of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation dated February 6, 1995 No. 45. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8612/ (in Russian).
- On Environmental Protection: Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/ (in Russian).
- On the Environmental Doctrine of the Russian Federation: Decree of the Government of the Russian Federation of August 31, 2002 No. 1225-r. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097/ (in Russian).
- On strategic planning in the Russian Federation: Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (in Russian).
- On the protection of the natural environment: Law of the RSFSR of December 19, 1991 No. 2060-1. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189/ (in Russian).
- On the protection of the population and territories from natural and man-made emergencies: Federal Law of December 21, 1994 No. 68-FZ. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (in Russian).
- On the Strategy for Environmental Security of the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the President of the Russian Federation of April 19, 2017 No. 176. Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215668/ (in Russian).

- Petrova, T. V. (2005). Technical regulation as part of the system of legal regulation of relations in the field of environmental protection. *Ecological law*. Available from: <https://center-bereg.ru/m3876.html> (in Russian).
- Zhavoronkova, N. G., Shpakovsky, Yu. G. (2016). Ecological safety in the system of strategic planning of the Russian Federation. *LEX RUSSICA*, 6 (115). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskaya-bezopasnost-v-sisteme-strategicheskogo-planirovaniya-rossiyskoy-federatsii/viewer> (in Russian).
-

Citation:

Трубникова О. А., Калашник Н. И. К вопросу о содержании понятия «отношения по обеспечению экологической безопасности» // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 77-82.

Trubnikova O. A., Kalashnik N. I. (2023). On the Scope of the Concept of "Relationships to Provide Environmental Safety". *Legal Linguistics*, 28, 77–82.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста)

Ю. Е. Щербак

ЭКЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю

ул. Молодежная, 3, 656038, Барнаул, Россия. E-mail: yulya.12.03@mail.ru

Статья посвящена решению проблемы обыденного толкования фрагментов юридических текстов, главной характеристикой которого является наличие неизбежной множественности вариантов интерпретации. Гипотезой данного исследования послужило предположение, согласно которому рядовые носители языка неоднозначно понимают юридические высказывания при их чтении и интерпретации. Для получения показаний языкового сознания при обыденной интерпретации юридических высказываний используется метод лингвистического теста; в качестве испытуемых были привлечены рядовые носители русского языка (студенты 1 и 2 курсов). Посредством применения данного метода получен принципиально новый результат – выявлены и описаны стратегии обыденной интерпретации юридических высказываний: контекстуально-ориентированная, контекстуально-неориентированная и когнитивно-ориентированная.

Ключевые слова: толкование, интерпретация, обыденная интерпретация, лингвистический тест, юридическое высказывание.

Commonplace Interpretation of Legal Utterances (Case Study of a Linguistic Test)

Yu. E. Shcherbak

*Directorate for Criminal Investigation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Altai
3 Molodezhnaya st., 656038, Barnaul, Russia. E-mail: yulya.12.03@mail.ru*

The article concentrates on solving the problem of commonplace interpretation of fragments of legal texts, the main characteristics of which is the presence of an inevitable multiplicity of interpretation options. The hypothesis of this study was the assumption that average native speakers understand legal statements ambiguously when reading and interpreting them. To obtain the evidence of linguistic consciousness in the ordinary interpretation of legal statements, the method of linguistic test is used; average native speakers of the Russian language (1st and 2nd year students). Through the application of this method, a fundamentally new result was obtained – the strategies of everyday interpretation of legal statements were identified and described: contextually-oriented, contextually-undirected and cognitively-oriented.

Key words: explanation, interpretation, commonplace interpretation, linguistic test, legal utterance.

Толкование права является одной из главных проблем не только юриспруденции, но и лингвистики¹. Анализ литературы, посвященной этой теме [Березина 2001; Бошно 2013; Власенко 1997; Вопленко 1976; Воробьева 2014; Романовская 2017; Смирнова 2007; Соцура 2000; и др.], свидетельствует о том, что, несмотря на значительное число появившихся в последнее время работ, многие вопросы толкования остаются дискуссионными, а некоторые из них вообще не исследованы. К числу таких вопросов относится проблема неофициального (обыденного) толкования юридических текстов.

В настоящее время в науке отсутствует системное исследование проблемы неофициального (обыденного) толкования юридических текстов. Та часть научных работ, в которых рассматриваются вопросы неофициального

¹ В данном исследовании, используя термин «толкование»/«интерпретация», мы подразумеваем толкование норм права, имеющее отношение к пониманию смысла тех или иных индивидуальных правовых актов, а именно юридических текстов. Важно отметить, что в настоящей работе понятия «толкование» и «интерпретация» синонимичны и в контексте исследования используются как взаимозаменяемые единицы.

толкования права, принадлежит ученым-юристам [Алексеев 2005; Матузов 2005; Соцура 2000; Черданцев 1979; и др.]. Лингвистические же особенности обыденного толкования изучены в меньшей степени.

Проблема обыденного толкования юридических текстов в юридической лингвистике была сформулирована Н. Д. Голевым. Научные работы лингвиста [Голев 2004; Голев, Ким 2007] посвящены проблеме функционирования юридических текстов в обыденном сознании рядовых носителей русского языка. В исследовании «Лингвистические тупики юридической техники» Н. Д. Голев актуализирует значимость изучения проблемы неофициального обыденного уяснения и толкования рядовыми гражданами текстов закона, поскольку «именно от этих ментальных процедур, с точки зрения законодателя, зависит эффективность правовой коммуникации, основными участниками которой являются власть (государство и его правовые институты) и народ» [Голев 2007: 93]. Позже в статье «Исследование обыденного метаязыкового сознания в современной российской лингвистике» (2018) ученый указывает на необходимость изучения юридических терминов в аспекте обыденной интерпретации: «Лингвистическое изучение терминологии и дискурса различных наук в сфере обыденной коммуникации является важным источником и методом проникновения в их сущность. Так, изучение юридической терминологии, функционирующей в обыденном сознании рядовых граждан, дает возможность понять закономерности обыденного толкования и понимания текста закона и норм права» [Голев 2018: 29].

Таким образом, теоретическая постановка проблемы обыденного толкования юридического текста в юрислингвистике привела к необходимости экспериментального исследования данной проблемы.

В настоящее время проблема обыденного толкования юридических текстов в науке решается как проблема интерпретации юридической техники, реализуемой в юридических терминах. Так, диссертационное исследование М. Е. Воробьевой «Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями языка)» (2014) посвящено описанию функционирования юридических терминов в сфере обыденного толкования. В исследовании автором предложен метод лингвистического эксперимента, направленный на выявление вариативности интерпретации юридических терминов рядовыми носителями русского языка и влияния на него чувственной и логической форм познания. Испытуемым для интерпретации (толкования) были предложены термины Конституции Российской Федерации («военное положение», «Государственная Дума», «государство», «гражданин», «закон» и др.). Лингвистический эксперимент включал два этапа: дефиниционный и ассоциативный. На первом этапе эксперимента реципиентам предлагалось написать значение терминов. На втором испытуемых просили написать ассоциации, которые вызывают у них представленные термины. Проведенный М. Е. Воробьевой лингвистический эксперимент с участием рядовых носителей русского языка подтвердил общую гипотезу о специфическом преломлении юридического языка в обыденном функционировании и частную (специальную) гипотезу исследования о преобладании в обыденном толковании чувственного начала, способствующего расширению интерпретационного поля, что проявляется в смысловой вариативности, множественности форм репрезентации содержания юридических терминов (понятие и представление, дефиниция и ассоциация, лексикографическое/нормативное и реальное значение), а также в разнообразии используемых стратегий толкования (дефиниционная и ассоциативная).

Нам представляется, что сведение проблемы обыденного толкования юридических текстов к выявлению особенностей обыденной интерпретации юридических терминов не позволяет в полной мере наметить тенденции в интерпретации юридических текстов рядовыми носителями языка. Следует признать, что термины – это область лексической семантики, поэтому полученные М. Е. Воробьевой результаты значимы только в отношении лексико-семантической организации потенциального юридического текста. Безусловно, восприятие и интерпретация текста осуществляются через анализ ключевых слов; при восприятии юридических текстов в качестве таких слов выступают юридические термины. Поэтому результаты, полученные исследователем, валидны и обладают статусом фактологического знания.

Однако исследование восприятия юридических терминов (интерпретация лексико-семантического пространства потенциального юридического текста) – это частный случай проявления амбивалентности при интерпретации юридического текста. Очевидно, что юридический текст как многоплановое семантическое образование обладает свойством множественной интерпретации. Многоплановость семантического пространства юридического текста определяется не только его лексико-семантической организацией, но и синтактико-семантической, пунктуационно-семантической и даже графически-семантической организацией. Признание данного положения позволяет нам предположить, что для исследования проблемы обыденного толкования юридических текстов можно использовать метод лингвистического теста. Метод лингвистического теста предусматривает выполнение испытуемыми специальных заданий-тестов с целью получения информации о том, как реципиенты осознают или чувствуют то или иное явление языка, с целью получения «показаний языкового сознания» (термин А. Н. Ростовской, О. И. Блиновой, Е. В. Иванцовой), т. е. «вербализованных суждений о языке как результате метаязыковой деятельности его пользователя» [Ростова 2008: 48]. Лингвистический тест как лингвистический метод призван не только стимулировать «экстериоризацию интерпретационного процесса» [Ким 2009: 30], но и позволяет на метаязыковом уровне соотносить исходное высказывание и его смысловую версию, актуализированную адресатом – реципиентом (участником тестирования).

Проводимый нами лингвистический тест предполагает развертывание метаязыковой деятельности говорящего, объектом которой выступает интерпретируемый юридический текст. Он позволяет актуализировать смысловые варианты высказываний, подлежащие метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского языка.

Используя лингвистический тест, мы пытались решить следующие задачи исследования:

- 1) выявить варианты интерпретируемых текстов («показания языкового сознания»);
- 2) проанализировать варианты толкования фрагментов юридических текстов, полученные от рядовых носителей языка;
- 3) определить основные стратегии толкования, используемые рядовыми носителями языка при интерпретации фрагментов юридических текстов.

В качестве испытуемых были привлечены студенты 1 и 2 курса юридического факультета Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Респондентам было предложено выбрать из предложенного перечня высказываний то, которое, по их мнению, наиболее соответствует содержанию интерпретируемого высказывания. Кроме того, у реципиентов была возможность написать свой вариант ответа.

Информантам был предложен тест, содержащий 10 фрагментов юридических текстов и задания к ним. Единицей интерпретации является юридическое высказывание, под которым мы понимаем фрагмент юридического текста, потенциально обладающий свойством множественной интерпретации. Юридические высказывания подбирались с учетом содержания в них конфликтной интерпретации. Множественность интерпретаций обусловлена пунктуационным оформлением текста, рубрикацией текста, его членением на смысловые фрагменты, средствами синтаксической связи и синтаксическими отношениями между компонентами предложения, а также лексическим составом.

Объектом изучения послужили следующие виды юридических высказываний: фрагменты Конституции РФ, Кодексов РФ, приказов, договоров.

В результате анализа полученных в ходе проведения лингвистического теста вариантов толкования выявлены следующие стратегии толкования: контекстуально-неориентированная, контекстуально-ориентированная и когнитивно-ориентированная.

Под стратегией толкования в данной работе мы понимаем совокупность речевых действий, используемых интерпретатором в процессе толкования и направленных на достижение коммуникативного результата.

Суть контекстуально-неориентированной стратегии заключается в толковании фрагмента текста в пределах языковой единицы, без привлечения контекста анализируемого текста, изолированно.

Контекстуально-ориентированную стратегию можно охарактеризовать как способ толкования, ориентирующий на анализ всех элементов в контексте интерпретируемого фрагмента, применимо к контексту, без привлечения знаний об окружающей действительности.

Под когнитивно-ориентированной стратегией мы понимаем способ толкования текста, основанный на анализе языковых единиц в рамках предложенного контекста, но с привлечением интерпретатором знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, полученных посредством познания окружающей действительности.

Остановимся подробно на анализе интерпретаций фрагмента юридического текста и рассмотрим, какие стратегии были выбраны реципиентами в процессе толкования.

Студентам был предложен фрагмент текста Конституции РФ (ч. 2 ст. 48): «2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения», а также следующие варианты толкования предложенного фрагмента текста.

«1. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться только помощью адвоката с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

2. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (т. е. защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

3. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться как помощью адвоката, так и помощью другого защитника (например, помощью работников юридических служб организаций, нотариусов, патентных поверенных и др.) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

4. Другой вариант ответа: ____».

Конфликтность фрагмента статьи Конституции РФ обусловлена лексическим составом и синтаксическими отношениями между компонентами предложения.

Проанализируем представленный фрагмент текста.

Высказывание представляет собой предложение со вставной конструкцией (слово «защитник»).

«Вставные предложения (то есть предложения, содержащие различного рода добавочные замечания, попутные указания, разъясняющие предложение в целом или отдельные слова в нем и иногда резко выпадающие из синтаксической структуры целого) выделяются скобками или тире (более сильным выключающим знаком являются скобки)» [Розенталь 2018: 157]. В данном случае вставная конструкция выделена скобками.

По мнению Н. В. Николенковой, скобками выделяются:

«- вставные конструкции, дополняющие смысл основного предложения. – Кати не было дома (она пошла к подруге за учебником по химии), поэтому мама тайком смогла проверить ее дневник;

- вставные конструкции, представляющие собой попутные авторские замечания. – «Ты знаешь», – тихо сказала мама (голос ее немного дрожал от волнения), – «мы скоро переедем жить в другой город»;

- вставные конструкции, служащие для пояснения отдельных слов в основном предложении. – Мурзик (так зовут любимого кота нашей соседки) часто забегает к нам в гости через общий балкон.

Следует сказать, что граница между группами вставных конструкций не всегда достаточно четкая» [Николенкова URL]. По мнению В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова, «вставные конструкции способны выражать самый разнообразный круг дополнительных сведений» [Бабайцева, Максимов 1987: 164].

Также отметим, что «вставные конструкции увеличивают содержательно-информационный объем предложения» [Русский язык: Энциклопедия 2003].

Мы полагаем, что в приведенной ситуации вставная конструкция разъясняет информацию, вносит дополнительные сведения о тех лицах, которые могут оказывать квалифицированную юридическую помощь задержанным (заключенным под стражу, обвиняемым).

И действительно, прочитав комментарии известных российских юристов (В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева и Е. Ю. Бархатовой) к данной статье Конституции РФ, мы находим, что «помимо адвокатов юридическую помощь могут оказывать работники юридических служб организаций, индивидуальные предприниматели, нотариусы, патентные поверенные, работники органов государственной власти и местного самоуправления и иные лица, уполномоченные на ведение профессиональной деятельности» [Комментарий к Конституции Российской Федерации 2009; Комментарий к Конституции Российской Федерации 2013; Бархатова 2021].

Проанализируем варианты толкования фрагмента Конституции РФ, полученные от рядовых носителей языка.

Большинство реципиентов (40%) выбрали следующий вариант толкования: «3) Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться как помощью адвоката, так и помощью другого защитника (например, помощью работников юридических служб организаций, нотариусов, патентных поверенных и др.) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения». В данном случае респондентами выбрана когнитивно-ориентированная стратегия толкования. Так, по мнению студентов, которые выбрали этот вариант интерпретации, вставная конструкция выполняет функцию дополнения сведений. При толковании лексемы «защитник» они ориентировались не на ее значение, закрепленное в толковом словаре, а на свои знания в этой сфере.

Следующий вариант толкования: «2) Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (т. е. защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» выбран 35% реципиентов. В данной ситуации, по мнению студентов, вставная конструкции выполняет пояснительную функцию, а слова «адвокат» и «защитник» являются «синонимичными (равнозначными словами, равнозначными словами) понятиями» [Ахманова 2007: 407]. Действительно, в «Современном словаре русского языка. Синонимы» под редакцией Л. Г. Бабенко находим: слово «защитник» является синонимом слова «адвокат» [Современный словарь русского языка. Синонимы 2011: 366]. При этом лексема «защитник» имеет стилистическую помету «разговорное». Выбор данного варианта толкования – наглядный пример контекстуально-ориентированной стратегии толкования, поскольку реципиенты в процессе интерпретации ориентируются на семантику слов «адвокат» и «защитник» в контексте фрагмента, включают данные слова в один синонимичный ряд.

Наименьшее количество человек (25%) выбрали следующий вариант толкования фрагмента юридического текста: «1) Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться только помощью адвоката с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения». Данный вариант толкования отражает контекстуально-неориентированную стратегию, в соответствии с которой испытуемые воспринимают информацию, содержащуюся во вставной конструкции (в скобках), как второстепенную, ориентируются на значение слов «адвокат» и «защитник» изолированно, вне контекста анализируемого фрагмента текста.

Таким образом, применение метода лингвистического теста позволяет выявить результат интерпретационного процесса, осуществляемого рядовыми носителями языка. Полученные «показания языкового сознания» респондентов показали следующее.

Во-первых, наше предположение о том, что проявлением специфичности обыденной интерпретации является множественность вариантов толкования содержания юридических текстов, подтвердилось. Проанализировав варианты толкования фрагмента юридического текста, мы видим, что реципиенты интерпретировали предложенный текст по-разному; предложенный нами фрагмент текста имеет несколько вариаций интерпретации.

Во-вторых, можно предположить, что основной причиной множественной интерпретации юридических текстов является разнообразие форм интерпретирующей деятельности рядовых носителей русского языка. Так, в результате анализа вариантов толкования выявлены следующие стратегии толкования: контекстуально-неориентированная, контекстуально-ориентированная и когнитивно-ориентированная.

Литература

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 2007.

Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М., 2021.

Берзина Е. А. Толкование договора как вид юридического толкования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001.

- Бошно С. В. Толкование норм права / Право и современные государства. – 2013. – № 4. – С. 17-25.
- Власенко Н. А. Язык права: монография. Иркутск, 1997.
- Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
- Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями языка): дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2014.
- Голев Н. Д. Исследование обыденного метаязыкового сознания в современной российской лингвистике / Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2018. – № 2. – С. 27-32.
- Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 92-104.
- Ким Л. Г. Модель интерпретационного процесса и факторы, детерминирующие вариативность интерпретационного результата / Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 318. – С. 29-36.
- Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. М., 2009.
- Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2013.
- Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
- Матузов Н. И. Теория государства и права: учебник. М., 2005.
- Николенкова Н. В. Выделение на письме вводных слов, вводных предложений и вставных. URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/37398.php?ELEMENT_ID=37398&PAGEN_1=2.
- Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. М., 2018.
- Романовская Л. Р. Толкование права: понятие и необходимость / Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 52.-56.
- Ростова А. Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения / Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвузовский сборник научных статей. Кемерово – Барнаул, 2008. – С. 45-53.
- Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2003.
- Смирнова О. М. Филологическое правотолкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
- Современный русский язык. Учебник для студентов педагогических институтов по специальности № 2101 «Русский язык и литература» В 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация / В. В. Бабайцева, Л. Ю. Максимов. М., 1987.
- Современный словарь русского языка. Синонимы: более 5000 синонимических рядов: около 30 000 слов-синонимов / Под общей ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2011.
- Соцура Л. В. Неофициальное толкование норм права: учебное пособие. М., 2000.
- Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / Алексеев С. С., Архипов С. И. и др. М., 2005.
- Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М., 1979.
- Широбокова Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.

References

- Akhmanova, O. S. (2007). Dictionary of linguistic terms. Moscow (in Russian).
- Barkhatova, E. Yu. (2021). Commentary on the Constitution of the Russian Federation. Moscow (in Russian).
- Berezina, E. A. (2001). Interpretation of a contract as a type of legal interpretation: dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg (in Russian).
- Boshno, S. V. (2013). Interpretation of the norms of law. Law and modern States, 4, 17-25 (in Russian).
- Cherdantsev, A. F. (1979). Interpretation of Soviet law. Moscow (in Russian).
- Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. V.D. Zorkin. Moscow, 2013 (in Russian).
- Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. L.V. Lazarev. Moscow, 2009 (in Russian).
- Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12/12/1993 with changes approved during the all-Russian vote on 07.01.2020 / Official Internet portal of the law of information. Available from: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Linguistic dead ends of legal technique. Jurislinguistics, 8, 92-104 (in Russian).
- Golev, N. D. (2018). Research of ordinary metalinguistic consciousness in modern Russian linguistics. Philological Sciences. Scientific reports of higher education, 2, 27-32 (in Russian).
- Kim, L. G. (2009). Model of the interpretation process and factors that determine the variability of the interpretation result. Bulletin of the Tomsk State University, 318, 29-36 (in Russian).
- Matuzov, N. I. (2005). Theory of state and law: a textbook. Moscow (in Russian).
- Modern dictionary of the Russian language. Synonyms: more than 5000 synonymic series: about 30,000 synonymous words / Ed. prof. L. G. Babenko. Moscow, 2011 (in Russian).
- Modern Russian language. Textbook for students of pedagogical institutes in the specialty No. 2101 «Russian language and literature» at 3 parts. Part 3. Syntax. Punctuation / V.V. Babaitseva, L.Yu. Maksimov. Moscow, 1987 (in Russian).

- Nikolenkova, N. V. Highlighting on the letter of the entered words, entered sentences and plug-ins. Available from: https://www.portal-slovo.ru/philology/37398.php?ELEMENT_ID=37398&PAGEN_1=2 (in Russian).
- Romanovskaya, L. R. (2017). Interpretation of law: concept and necessity / Legal science: history and modernity, 4, 52-56 (in Russian).
- Rosenthal, D. E. (2018). Reference book on the Russian language: spelling, pronunciation, literary editing. Moscow (in Russian).
- Rostova, A. N. (2008). Ordinary metalinguistic consciousness: status and aspects of study. Ordinary metalinguistic consciousness and naive linguistics: Interuniversity collection of scientific articles. Kemerovo – Barnaul, 45-53 (in Russian).
- Russian language: Encyclopedia / ed. Yu.N. Karaulov. Moscow, 2003 (in Russian).
- Shirobokova, L. P. (2007). Legal texts: the experience of grammatical and typological research (on the example of German and Russian languages): dis. ... cand. philol. sciences. Moscow (in Russian).
- Smirnova, O. M. (2007). Philological pravotolkovanie: abstract of the dissertation of the Candidate of Legal Sciences. Kazan (in Russian).
- Sotsuro, L. V. (2000). Unofficial interpretation of the norms of law: a textbook. Moscow (in Russian).
- Theory of state and law: textbook for law schools and faculties / Alekseev S. S., Arkhipov S. I. et al. Moscow, 2005 (in Russian).
- Vlasenko, N. A. (1997). The language of law: a monograph. Irkutsk (in Russian).
- Voplenko, N. N. (1976). Official interpretation of the norms of law. Moscow (in Russian).
- Vorobyova, M. E. (2014). Interpretative functioning of the legal language in everyday consciousness (based on the material of interpretations of legal terms by ordinary native speakers): dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Kemerovo (in Russian).

Citation:

Щербак Ю. Е. Обыденная интерпретация юридических высказываний (на материале лингвистического теста) // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 83-88.

Shcherbak Yu. E. (2023). Commonplace Interpretation of Legal Utterances (Case Study of a Linguistic Test). Legal Linguistics, 28, 83-88.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

К вопросу о лингво-культурологической экспертизе при исследовании аниме

Ф. Т. Ахунзянова¹, Е. М. Ахунзянов²

¹*Костромской государственной университет*

ул. Дзержинского, 17, 156005, Кострома, Россия. E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru

²*Волгоградская академия МВД*

ул. Историческая, 130, 400075, Волгоград, Россия. E-mail: renjiro91@mail.ru

Авторы статьи отталкиваются от мысли о том, что аниме является особым продуктом массмедийного пространства, который способен оказывать сильное и часто деструктивное воздействие на психику подростков, становясь потенциальным или реальным фактором возникающего у подростков суицидального поведения. В таких случаях аниме подлежат правовой квалификации, в целях которой проводятся различные экспертные исследования – чаще психологические, реже лингвистические. Однако, по мнению авторов статьи, оптимальным инструментом для объективного исследования аниме-продукции может стать лингво-культурологическая экспертиза. В рамках такого комплексного исследования возможно не только установить, что именно сказано о предмете речи, об отношении к нему, о целях сообщения адресату информации и для чего собственно что-либо говорится, но и исследовать аниме-сюжеты с точки зрения социальной значимости, а также идейных и идеологических аспектов.

Цель: представить возможности лингво-культурологической экспертизы для объективного исследования аниме-продукции. Методы: эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: 1) для научного обсуждения предложено представление о лингво-культурологической экспертизе, ее методах; 2) подчеркнута и проиллюстрирована необходимость лингво-культурологической экспертизы в выявлении деструктивных механизмов воздействия аниме-продукции.

Ключевые слова: аниме, судебная экспертология, лингво-культурологическая экспертиза.

On Linguistic and Cultural Examination in Anime Research

F. T. Akhunzyanova¹, E. M. Akhunzyanov²

¹*Kostroma State University*

17 Dzerzhinsky Street, 156005, Kostroma, Russia. Email: farida.ahunzyano@mail.ru

²*Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs*

Istoricheskaya street, 130, 400075, Volgograd, Russia. E-mail: renjiro91@mail.ru

The authors of the article start with the idea that anime is a special product of the mass media space, which can have a strong and often destructive effect on the psyche of adolescents, becoming a potential or real factor in their suicidal behavior in adolescents. This being the case, anime is subject to legal qualification, for the purpose of which various expert studies are carried out – more often psychological, less often linguistic. However, according to the authors of the article, linguistic and cultural examination is called upon to become the optimal tool for an objective study of anime. Within the framework of such a comprehensive study, it is possible not only to establish what exactly is said about the subject of speech, about the attitude towards it, about the purposes of communicating information to the addressee and why something is actually said, but also to explore anime plots from the point of view of social significance, as well as conceptual and ideological aspects.

Purpose: reveal the possibilities of linguistic and cultural examination for an objective study of anime products. Methods: empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: 1) insight into linguistic and cultural examination and its methods is proposed for scientific discussion; 2) the need for linguistic and cultural examination in identifying the destructive mechanisms of influence of anime products is emphasized and illustrated.

Key words: anime, forensic science, linguistic and cultural examination.

Современные аниме, представляя собой не просто разновидность мультипликации, но особую культуру, являются популярным сегментом медиапространства, ориентированным на аудиторию довольно широкого возрастного диапазона.

Вместе с тем очевидно, что наибольший интерес они вызывают у молодежи 12–20 лет, когда аниме сами по себе или в числе прочих факторов могут оказать серьезное воздействие на только еще формирующуюся подростковую психику. Исследователи, занимающиеся научным осмыслением феномена аниме, подчеркивают большую вероятность деструктивного характера такого воздействия, считая, что чрезмерная увлеченность фильмами и сериалами аниме может приводить к стрессам, депрессии, изменениям эмоционального состояния, социально-психологической дезадаптации, возникновению у подростков суицидального поведения [Андреева 2021: 98; Шишкина и др. 2020: 311].

Надо сказать, что пубертатный суицид в последние годы становится предметом сильной озабоченности медиков и общественности. Приводятся, например, такие данные: «В России за последнее десятилетие частота суицидов среди подростков выросла в 3 раза и ожидается, что в последующие 10 лет число самоубийств в этой возрастной группе будет расти быстрыми темпами. Смертность от повреждений с неопределенными намерениями российских юношей обусловлена суицидами в 33,2 %, девушек – в 34 % случаев... В стране ежегодно в последние годы уходят из жизни по причине самоубийств до 500 детей до 14 лет и 2,5 тысячи подростков 15–19 лет» [Вопросы диагностики и профилактики суицидального поведения детей и подростков URL].

Подобные тенденции не могут оставаться без внимания правовых структур, которые, рассматривая в качестве потенциальных факторов суицидального поведения в том числе и аниме-продукцию, стоят перед необходимостью доказать эту причинно-следственную связь. Предпочтение при этом отдается психологическим экспертизам, гораздо реже – лингвистическим. Однако ввиду особого культурного сознания, отражаемого в аниме, только на психологическом и лингвистическом уровнях не всегда доступно полное понимание содержания японской анимации. Это не просто специальная терминология или эмоциональная составляющая, это целый комплекс из мифологических, эстетических, этических установок, совершенно по-разному воспринимающихся в кросс-культурном контексте. Поэтому, на наш взгляд, фильмы и сериалы аниме – это такой феномен, который лучше всего исследуется с позиций интегративного знания прикладной лингвистики и культурологии. В рамках такого комплексного исследования возможно не только установить, что именно сказано о предмете речи, об отношении к нему, о целях сообщения адресату информации и для чего собственно что-либо говорится, но и исследовать аниме-сюжеты с точки зрения социальной значимости, а также идейных и идеологических аспектов.

Лингво-культурологическая экспертиза позволяет привлечь такие методы, как: 1) лексико-семантический анализ для установления характера высказываний и их значений; 2) контекстуальный анализ, позволяющий отнести те или иные сведения к конкретному лицу; 3) коммуникативный анализ для определения реализуемых коммуникативных установок и стратегий; 4) структурно-функциональный анализ, предполагающий рассмотрение исследуемого материала как системы, обладающей целостным единством функционирования ее вербальных и интенциональных компонентов; 5) семиотический анализ, позволяющий вычлнить набор знаков и символов, имеющих определенное содержание и узнаваемое носителем соответствующего сознания; 6) социологический анализ, позволяющий дифференцировать фильмы аниме как феномен субкультуры, значимый для конкретных социальных групп населения.

На разрешение экспертов могут быть поставлены следующие вопросы:

1. каковы содержание и тематика предоставленных для экспертного исследования материалов;
2. имеется ли в представленных материалах информация, направленная на формирование установки к самоубийству, содержащая положительную оценку, оправдание и/или обоснование суицида;
3. содержатся ли в представленных материалах признаки описания каких-либо действий, связанных с причинением смерти, а также побуждения (призывов) к таким действиям.

Возможности лингво-культурологической экспертизы иллюстрирует реальный опыт. В 2020 году отдел по расследованию особо важных дел (о преступлениях прошлых лет) следственного управления СК России по Ярославской области возбудил уголовное дело на основании того, что несовершеннолетней Р. были совершены неоднократные попытки самоубийства. Из обстоятельств дела, изложенных в постановлении о назначении экспертизы, следовало, что несовершеннолетняя Р. принимала лекарственные препараты в чрезмерном количестве, предпринимала попытки повеситься, наносила себе резаные раны в области предплечий. Также было подчеркнуто, что Р. увлекалась японской культурой, систематически просматривала в сети Интернет видеоматериалы анимационного характера, в том числе: «Темный дворецкий» (Kuroshitsuji, 2008, 2010, 2014, 18+); «Форма голоса» (Кое но Katachi, 2016); «Бездомный бог» (Noragami, 2014–2015, 12+); «Клинок, рассекающий демонов» (Kimetsu no Yaiba, 2019, 18+). Также, по словам матери Р., несовершеннолетняя подражала героям аниме, делала соответствующие прически, придерживалась стиля одежды, интересовалась культурой Японии. В связи с указанными обстоятельствами следователь сделал вывод о том, что указанные видеопродукты могли стать фактором суицидального поведения девушки, что должна была доказать или опровергнуть лингво-культурологическая экспертиза.

В соответствии с поставленными вопросами экспертами были подробно исследованы содержание и тематика предоставленных материалов.

1. «Темный дворецкий» (Kuroshitsuji)

Аниме «Темный дворецкий» (автор Тобосо Яна) является сериалом из 24 эпизодов. Это мистико-детективная история, в которой рассказывается о юном графе Сизле Фантомхайве и о его дворецком Себастьяне. События происходят в Англии викторианской эпохи. Ребенок, в одночасье потерявший всех своих близких, находится на грани смерти. В этот момент к нему является демон и предлагает заключить сделку: душа в обмен на возможность отомстить. Спустя несколько лет Сизль Фантомхайв по прозвищу «цепной пес королевы» – глава преуспевающей корпорации Фантомхайв: он занимается всеми делами компании и негласно работает на королеву Англии. Его главный партнер и опора – дворецкий Себастьян Михаэлис, тот самый демон, некогда заключивший с Сизлем контракт. По его собственным словам, игра с Сизлем в хозяина и слугу ему гораздо важнее, чем проявление собственной «звериной» сущности, что наглядно демонстрирует следующий диалог:

«– Себастьян, повержены ли враги наши, пали ниц и вымаливают ли на коленях прощение?»

- Да, мой юный господин.
- Себастьян, а заштопал ли ты мои носки?
- Да, мой повелитель, ведь я и демон, и дворецкий...»

Сиэль Фантомхайв, несмотря на свой юный возраст (12 лет), ведет себя как взрослый. Он холоден, апатичен, жесток, четко следуя своим принципам: «В мире существует всего два типа людей: те, кто забирает, и те, у кого забирают. Вот и все. И сегодня я заберу твое будущее».

При этом мальчик по-своему благороден и неизменно вежлив. Со временем очень привязывается к Себастьяну, потому что только тот не просто помогает ему во всех деяниях, но и относится к нему с пониманием. Так, в третьем сезоне Сиэль приказывает своему дворецкому сжечь особняк барона Кельвина вместе со всеми детьми, которые там были. Себастьян беспрекословно выполняет этот приказ. После между ними происходит диалог:

- «– Почему вы спалили этих детей?
- Я повидал немало таких, как они. После пережитого уже невозможно вернуться в нормальное состояние, поэтому...
- Смерть будет для них благословением».

Оправдывая себя, Фантомхайв, по сути, говорит о себе: он тоже не может вернуться в нормальное состояние после того, что ему пришлось пережить, его нынешнее существование равносильно смерти. Демон-дворецкий согласен с ним.

Образ дворецкого примечателен своей двойственностью: с одной стороны, Себастьян Михаэлис – демон, с другой, – он слуга Сиэля. В какие бы обстоятельства ни попадал демон, будь то похищение графа контрабандистами (2 серия), схватка с жнецом Греллем (5 серия), укрощение демонического пса Плуто (8 серия), спасение Сиэля от власти кукловода, расследование преступлений, фехтование в поединке, – Себастьян всегда проявляет хладнокровие и спокойствие, держа ситуацию под контролем. Такое поведение отсылает к национальному японскому образу самурая, который не боится опасностей, проявляя готовность в любую минуту вступить в бой за своего господина, чтобы защитить его ценой собственной жизни. Также, в силу того, что ряд правил Бусидо предписывает самураю не только быть воинственным и мужественным человеком, но и стремиться к самообразованию, постигая сущность бытия в поэзии, изобразительном искусстве и в других видах культуры, демон-дворецкий выступает для своего господина в качестве обладающего обширными знаниями и навыками наставника.

Трагичный и напряженный сюжет сериала поддерживается на различных уровнях:

- на смысловом: все герои страдают, молча, безысходно и даже не пытаются от своих страданий избавиться, как бы ими упиваясь;
- на музыкальном: мистическая атмосфера поддерживается мотивами григорианского хора (например, в ситуации, когда дворецкий принимает решение избавиться от гостя, задумавшего разорить Сиэля);
- на эстетическом: описываемые события происходят во время правления в Великобритании королевы Виктории (1837–1901), когда отличительной особенностью эпохи являлась «траурная» мода, которую задала королева после смерти своего супруга принца Альберта.

Серии настолько насыщены сценами насилия, что даже один из слуг юного графа, обладающий сверхъестественной силой, произносит: «Столько крови! Как это жестоко!»

Основываясь на мотиве мести Сиэля, сюжет сериала складывается в концепцию «меня все бросили, не защитили – все умерли – значит, этот мир – зло, и его нужно уничтожить самому и/или с помощью темной силы» и демонстрирует равнодушие и даже насмешливость к человеческим жизням.

2 «Форма голоса» (Koe no Katachi)

Полнометражный анимационный фильм продолжительностью 2 часа 10 мин. В основу сценария легла популярная манга за авторством Ёшиитоки Оомы.

Аниме рассказывает историю Шоты Ишиды – ученика начальной школы, лидера и хулигана. Однажды в его класс переводят глухую девочку Шоку Нишимию, которая общалась с одноклассниками посредством записей в тетрадке, в результате чего стала объектом насмешек и травли, инициируемых Шотой с друзьями. Он рвет ее тетрадь, выбрасывает слуховые аппараты, пишет гадости на доске, иногда дело доходит до драк. В конце концов Шоку уходит в другую школу, а ответственность за издевательства над ней возлагают полностью на Ишиду, из-за чего он сам становится объектом травли бывших друзей. В течение последующих лет Шота все больше замыкается в себе, перестает общаться с окружающими – их лица символично скрыты огромными синими крестами – и практически доводит себя до самоубийства.

Однажды Ишида понимает, что нужно что-то поменять. Он извиняется перед Шоку и начинает проводить с ней время, выучив для этого язык жестов. Между героями возникает дружба и понимание, переходящие в симпатию. Ишида заслуживает прощение матери и младшей сестры Нишимии, но внутри все равно не находит покоя, считая, что во всем, что произошло с девочкой и со всеми остальными людьми, виноват только он: «Нишимия сказала, пока я рядом с ней, в моей жизни не будет счастья. Но ведь это я сделал Нишимию несчастной!» Таким образом, создается образ типичного подростка, буруеваемого эмоциями и комплексами. Все попытки разрешить свои внутренние проблемы уводят героя в еще большую депрессию: «Странное ощущение, не правда ли? Я думаю умереть».

Образ Нишимии также неоднозначен. Несмотря на постоянные издевательства и нападки со стороны одноклассников, она всегда старается держать улыбку на лице. Легко забывает причиненные ей обиды, но не из-за свойств характера, а потому, что считает себя недостойной называться личностью. Заботится об окружающих и вместо того, чтобы обвинять настроенных против нее людей, обвиняет во всем себя. Усердно пытается помириться со своими обидчиками, несмотря на боль и унижения, которым подвергается снова и снова. Очень дорожит теми людьми, которые общаются с ней, несмотря на ее глухоту, однако считает себя «бременем», думает, что продолжает портить их жизнь. Из-за мыслей о том, что не может быть полезной, Шоку предпринимает попытку покончить с собой. Ишида спасает девушку, но чуть не погибает сам, отчего она

еще больше себя винит: «Я постоянно ранила людей и портила им жизнь. Поэтому решила на самоубийство. Простите меня!»

Финал фильма счастливый. Одна из подруг Нишимии говорит: «У каждого в жизни бывают сложности. Не только у тебя. И мы должны принять себя, какие есть, и просто двигаться вперед». Ишида и Нишимия восстанавливают отношения со всеми бывшими друзьями, заново открывают для себя понятия дружбы и радости общения.

3. «Бездомный бог» («Норагами»)

Анимационный сериал, состоящий из двух сезонов, первый сезон включает в себя 12 серий по 24 минуты, второй сезон («Арагото») – 13 серий по 24 минуты.

Главный герой аниме – Ято, бог бедствий. В прошлом он был очень жестоким и воинственным богом, но теперь это малоизвестный бог, у которого нет даже собственного храма – «безработный божок в трениках». Ято мечтает прославиться и стать «круче всех богов», но он не нужен людям, так как в Японии количество убийств стало крайне низким, от него отказываются даже «реликвии» (так называются некоторые умершие люди со сверхъестественными способностями), не желая «шляться в нищете с богом без храма» (слова Томоне). Чтобы продержаться, Ято хватается за любую работу, выполняет любые желания за минимальную цену – пять йен. Деньги нужны Ято на храм, а популярность и одобрение общества нужны, чтобы не исчезнуть (по законам этого мира, боги живут только в том случае, если в них верят). Его сестра – Нора – постоянно зовет его обратно, ведь в прошлом они на пару совершили очень много заказов, связанных с убийствами. Но теперь Ято хочет стать богом удачи, поэтому отвергает свою сестру.

Однажды Ято видит объявление о пропаже котенка по кличке Император и решает его найти. Этим же объявлением заинтересовались три подружки, одной из которых была девочка по имени Хиёри. Люди не могут видеть богов, но она увидела, как Ято чуть не попадает под автобус, спеша за котенком. Девушка отталкивает его, но попадает под автобус сама, в результате ее душа отделяется от тела и оказывается между двумя мирами – реальным и загробным – «в слепой зоне», где обитают боги со своими «реликвиями» и куда стремятся прорваться призраки «с дальнего берега». Пока душа Хиёри в этой зоне, в мире людей девушка в бессознательном состоянии.

В один из дней Ято встречает Юкинэ, умершего мальчика, обладающего огромной силой. Тот становится новой «реликвией» Ято, хотя и очень недоволен, что приходится служить нищему богу. Юкинэ постоянно совершает плохие поступки (ворует деньги, испытывает похоть к Хиёри и т. д.), от которых у Ято появляется порча: чем больше грешит мальчик, тем больше страдает бог. Но Ято все терпит, желая «перековать» свою «реликвию»: «Все реликвии в прошлом люди, а людям свойственно грешить».

В одной из серий Ято с Юкинэ приходят в школу. Ято пытается помочь школьнику Монабу, которого одолели призраки депрессии. Они нагнетают на Монабу тоску, разжигают ненависть к одноклассникам, которые издевались над ним. Монабу почти поддался этим уговорам, замахнувшись на одноклассника ножом, но, благодаря Ято, успел остановиться. Ято уничтожает призраков – Монабу становится свободен. Ято произносит концептуальные фразы во время этой истории: «Жизнь бывает мучительна, невыносима, но люди должны знать ей цену»; «Разрывать узы куда сложнее, чем их создавать»; «Тот, кто решил себя убить, не достоин любви!».

В это же время Юкине видит других школьников, которые дружат друг с другом, делятся своими переживаниями и радостями. Он завидует им и тоже впадает в депрессию: «Хорошо иметь друзей. Как им везет! Все нормальные, а я... У меня ничего нет...». От злости он разбивает окна в школе. Этот поступок практически убивает Ято, он полностью в порче. Хиёри на себе приносит Ято в дом богини нищеты и несчастья Эбису Кофуку, которая всегда предстает в образе маленькой розововолосой девочки со спадающими носками, может предсказывать события и очень тепло относится к Ято. Старшие боги, в том числе воительница Бисямон, побаиваются ее. У нее тоже есть «реликвия» – мужчина Дайкоку. Он очень строг к своей хозяйке, а та постоянно над ним подшучивает. Именно Дайкоку догадывается, что Юкинэ находится под властью злых духов, поселившихся у него на спине. С большим трудом найдя еще двух «реликвий», они проводят обряд покаяния, очень мучительный, но спасительный для Юкинэ и Ято. Юкинэ очищает свою душу, раскаявшись в грехах и осознав, что все это время Хиёри и Ято были его лучшими друзьями. Порча Ято тоже проходит.

Все налаживается, но в это время появляется давний знакомый Ято – бог Рабо, убивающий всех, кого попросят убить люди. Его появление спровоцировано тем, что люди испортились и стали активно молиться ему, желая смерти для других людей: «Людские желания не всегда хорошие, бывают и злые». Рабо очень хочет сразиться с Ято, на это его подбивает Нора, сестра Ято, ставшая теперь реликвией Рабо. Она также отнимает память у Хиёри, что приводит Ято и Юкинэ в отчаяние. Чтобы вернуть память девушке, Ято сражается с Рабо и, наконец, побеждает его, осознав, что вся сила Рабо держалась на колдовстве. Память Хиёри вернула сама.

4. «Клинок, рассекающий демонов» (Kimetsu no Yaiba)

Анимационный сериал, состоящий из 26 эпизодов по 23 минуты.

Тандзиро Камадо – старший сын в семье, потерявший своего отца и взявший на себя заботу о своих родных. Однажды он уходит в соседний город, чтобы продать древесный уголь. Вернувшись утром, парень обнаруживает перед собой страшную картину: вся семья была зверски убита, а единственной выжившей является его младшая сестра Нэдзуко, обращенная в демона, но пока не потерявшая всю человечность. В порыве голода Нэдзуко напала на брата, но в их битву вмешался охотник на демонов Гию Томиока: «Понимаю, ты вне себя от горя. Семья убита, сестра стала демоном... Тяжело, да? Хочется кричать во все горло. Понимаю... Если бы я пришел на несколько часов раньше, может, твоя семья осталась бы в живых. Но время – это не то, что можно обратить вспять. Злись! Чистый гнев, неспособность простить убийцу станет той незаменимой силой, что будет двигать твоими руками».

Гию видит в Тандзиро потенциал и направляет на обучение к мастеру боевых искусств Сакондзи Урокодаки. По дороге Тандзиро с сестрой наталкиваются на демона. Нэдзуко отрывает ему голову, но демон продолжает жить. Так, Тандзиро впервые узнает суть демонов: они обладают огромной силой, способны моментально восстанавливаться и отращивать

заново свою плоть. Урокодаки дает ему камень, чтобы Тандзиро разможил оторванную голову демона, но тот не решается: «Чтобы окончательно выбить из него дух, его надо ударить камнем. Ему будет больно. Неужели нельзя убить его быстро, без мучений?»

Урокодаки решает, что Тандзиро слишком жалостлив и нерешителен, но все-таки соглашается проверить его. В результате Тандзиро проходит проверку и начинает свое обучение. У него открываются суперспособности: особое обоняние, дыхание огня и т. д. После обучения Тандзиро становится убийцей демонов, чтобы отомстить за смерть близких и вернуть сестре человеческий облик.

В сериале речь идет о демонах двенадцати лун, которые делятся на две группы: «высшие луны» и «низшие луны». У каждого из демонов выгравировано число на глазах. У низших демонов оно выгравировано только в одном глазу, у высших – в обоих. Это число показывает, насколько сильным является тот или иной демон (1-й Высшей луны – самый сильный, а 6-й Низшей луны – самый слабый). Лидером демонов является Музан Кибуцуджи. Именно он убил большинство из семьи Камадо и обратил Недзуко в демона: «В мире существует только один О'ни, чья текущая по венам кровь имеет силу превращать человека в демона».

Первый демон, с которым сражался Тандзиро еще до начала своего обучения, был Кёгаем, бывший Низшей Луной 6. После этого Тандзиро и его спутники отправились в горы Натагумо навстречу Низшей Луне 5 – Руи, который манипулировал группой демонов. Тандзиро и Гию Томиока обезглавливают Руи, что, в свою очередь, заставляет Музана Кибуцуджи утратить всю веру в способность Низших Лун и уничтожить всех ее членов, за исключением Низшей Луны 1 – Энму. Музан поручил Энму убить Тандзиро, пообещав поделиться большей частью своей крови, если он завершит миссию: «Я хочу, чтобы ты отрубил голову того охотника на демонов с серьгами Ханафуда».

Действие сериала очень символично происходит в эпоху Тайсё. Тайсё – это время, когда в Японии окончательно укореняется западный уклад жизни: появление коммунизма, формирование демократии, начало феминистического движения среди молодых женщин, рост городов, электричество, первые автомобили и модники. В то же время в стране еще остались последние деревеньки, жители которых «верны заветам старины», верят в «О'ни» (демоны в японской мифологии), живут натуральным хозяйством, носят традиционную одежду, принимают поезда за чудовищ. В сериале это противоречие показано в лице сторон: демоны – сторонники прогресса (главный демон имеет отчетливое сходство с образом популярного западного исполнителя Майкла Джексона), а истребители демонов – сторонники традиционной японской жизни (национальная японская одежда, сережки с изображением восходящего солнца – символа Японии).

Также можно отметить развитие еще одной идеи: все серьезные противники-демоны так или иначе имели проблемы в семье (Кёгай, Руй). Семейная тема является основой персонажа Синобу Котё. Битвы с «паучьей семейкой» также связаны между собой этим тематическим ядром: клан паучьих демонов (паутина как метафора клетки), очевидно, представляет собой токсичные и жестокие отношения. Тандзиро справедливо указывает, что семья демонов – гротескная пародия на то, чем должна быть семья.

Анализируя идейно-эстетические аспекты содержания исследуемых материалов, эксперты пришли к следующему.

Исследуемые фильмы и сериалы относятся к различным жанрам аниме:

- аниме «Темный дворецкий» совмещает в себе приключения, драму, фэнтези, мистику и детектив, насыщено сценами насилия и намеками на нетрадиционные сексуальные отношения главных героев;
- аниме «Форма голоса» является психологической драмой, посвященной жестокости школьников и ценности их раскаяния;
- аниме «Бездомный бог» является фэнтези, посвященным борьбе богов и призраков, а также ценностям настоящей дружбы и любви;
- аниме «Клинок, рассекающий демонов» является фэнтези, посвященным борьбе людей и демонов, насыщено сценами насилия.

Все эти анимационные продукты объединяют такие особенности, как:

- художественная эстетика;
- аниме-сериалы не эпизодичны – на протяжении длительного периода можно наблюдать развитие героев и сюжета, их взросление и самоосознание;
- содержание сюжетов рассчитано на взрослый возраст;
- отсутствие простых моральных приемов, наподобие «добро против зла», чаще всего границы этих понятий размыты.

Сюжетные составляющие увлекательны для подростков, так как они раскрывают множество таких эмоций, которые нельзя испытать в реальном мире. В этом случае при регулярном просмотре фэнтезийного аниме может произойти подмена реального мира миром нарисованным, нивелируются идеи насилия, сцены, связанные с кровью, отсечением голов и конечностей, перестают вызывать ужас.

Выявляя, содержится ли в представленных материалах информация, направленная на формирование установки к самоубийству, содержащая положительную оценку, оправдание и/или обоснование суицида, эксперты определили, что среди анимационных фильмов информация, направленная на формирование установки к самоубийству, содержащая положительную оценку, оправдание и (или) обоснование суицида, содержится в аниме «Бездомный бог» и «Форма голоса».

В аниме «Бездомный бог» школьник Монабу подвергается нападению призраков депрессии. Они нагнетают на Монабу тоску, разжигают ненависть к одноклассникам, которые издевались над ним. Хором они многократно повторяют: «Убей... А не можешь – сам убейся, сразу станет легче... Убей, режь его... И будет тебе свобода... Перейди черту и сразу станет легче... Перейди черту, и все будет хорошо...»

Сами по себе эти высказывания являются побудительными конструкциями, побуждение оформлено в виде глаголов повелительного наклонения («убей», «убейся [сам]», «режь [его]», «перейди [черту]»). Побуждение усилено обоснованием – «сразу станет легче», «все будет хорошо».

С помощью божества Ято школьник удерживается и от насилия, и от самоубийства, однако, будучи вырванными из контекста серии, данные высказывания могут оказать негативное влияние.

В аниме «Форма голоса» показаны подростки, буруемые эмоциями и комплексами. Их депрессия вызвана разными причинами: один преисполнен чувством вины, другая – ощущением, что портит всем жизнь: «Странное ощущение, не правда ли? Я думаю умереть»; «Я постоянно ранила людей и портила им жизнь. Поэтому решила на самоубийство. Простите меня!»

Высказывания о самоубийстве отражают характер переломных переживаний героев, с которыми им удастся справиться, однако опять же, будучи вырванными из контекста серии, данные высказывания могут оказать негативное влияние.

Говоря о наличии признаков описания каких-либо действий, связанных с причинением смерти, а также побуждения (призывов) к таким действиям, эксперты отметили, что анимационные сериалы «Темный дворецкий» и «Клинок, рассекающий демонов» насыщены сценами насилия, в которых главные герои жестоко расправляются со своими врагами, а в «Темном дворецком» – даже с детьми. При этом главные герои романтизированы, подчеркнуты их хорошие стороны, оба вызывают сочувствие (Сиэтл и Тандзиро – мальчики-сироты, их семьи трагически погибли, а они обрели смысл жизни в мести), т. е. насилие приобретает обоснование. Такое обоснование, с лингвистической точки зрения, можно считать скрытым побуждением к насилию.

Кроме того, в аниме «Бездомный бог» школьник Монабу под призывы «Убей, режь его...» идет навстречу своему обидчику с ножом, что можно считать описанием действий, связанных с насилием вплоть до физического уничтожения. Также в аниме «Форма голоса» главная героиня демонстрирует попытку самоубийства, стоя на подоконнике и намереваясь выпрыгнуть из окна.

В результате проведенного исследования эксперты пришли к следующим выводам.

В аниме «Темный дворецкий», «Клинок, рассекающий демонов», «Бездомный бог», «Форма голоса» содержатся признаки деструктивных методов воздействия на личность адресата:

1) манипуляция через формирование благосклонного отношения к главному герою. Сюжетные линии выстраиваются таким образом, что герои испытывают типичные для подростковой группы проблемы (одиночество, отчужденность, опустошенность, давление со стороны окружения и др.), в связи с чем реализуются механизмы присоединения, аттракции (установление симпатии), эмпатии (сопереживания) и идентификации (отождествления). Мишенью является чувство жалости к главному герою, разделение чувств. Внешне привлекательные черты, эмоциональность героев, а также специфичный звуковой ряд и цветовые решения усиливают эти механизмы;

2) внушение – с высокой частотой меняющийся видеоряд, темп речи героев аниме, повторение однообразных фраз с негативной окраской, визуальная схожесть героев снижают рациональность и критичность восприятия информации;

3) заражение – герои аниме слезливы, импульсивны, очень точно передаются чувства персонажей: разочарования, обиды, угнетенности, радости, агрессии, опустошенности, состояние подавленности, то, что близко общему фону переживаний любого подростка.

В указанных аниме имеются сцены насилия, смерти, изображение гипертрофированного количества крови, демонизация, депрессивный эмоциональный фон произведений, упоминание и обоснование суицида, романтизация смерти, приписывание суициду мотива совладания с невыносимо трудной жизненной ситуацией. Эти сцены могут усугубить состояние подростка, если оно нестабильно, т.е. когда подросток испытывает чувство субъективного одиночества, гнет внутриличностных проблем и межличностных конфликтов, чувство опустошенности, отверженности, сцены из указанных аниме могут натолкнуть на мысль о суициде либо убедить в неизбежности этого шага для разрешения ситуации и правильности сделанного выбора.

Таким образом, изложенное, по нашему мнению, достаточно наглядно демонстрирует значимость лингвокультурологических экспертиз и важность их проведения в правовых ситуациях, связанных с определением аниме как потенциального фактора пубертатного суицида.

Литература

Андреева Н. П. Мультсериалы аниме как мотиватор деструктивного поведения детей и подростков / Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. – 2021. – № S2-1(31). – С. 98–101.

Вопросы диагностики и профилактики суицидального поведения детей и подростков: Методические рекомендации для врачей общесоматической сети, школьных психологов / авт.-сост.: О. П. Ворсина и др. URL: <https://iodb.ru/uploads/2021/03/Methodicheskie-rekomendatsii-dlya-vrachej-shkolnyh-psihologov.pdf>.

Шишкина Е. В., Зотова С. В., Хавронина В. Н., Зотов В. М. Японское аниме: исследование его влияния на психологическое здоровье школьников и студентов младших курсов высших учебных заведений России / Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2020. – Т. 9. № 1(30). – С. 309–312.

References

Andreeva, N. P. (2021). Anime cartoons as a motivator of destructive behavior in children and adolescents. Bulletin of Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, S2-1(31), 98–101 (in Russian).

Issues of Diagnosis and Prevention of Suicidal Behavior in Children and Adolescents (2015): Guidelines for Physicians of the General Somatic Network, School Psychologists / compilers: O. P. Vorsina [et al.] Available from: <https://iodb.ru/uploads/2021/03/Methodicheskie-rekomendatsii-dlya-vrachej-shkolnyh-psihologov.pdf> (in Russian).

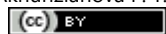
Shishkina, E. V., Zotova, S. V., Havronina, V. N., Zotov, V. M. (2020). Japan anime: a study of its influence on the psychological health of schoolchildren and junior students of higher educational institutions in Russia. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, Vol. 9, 1(30), 309–312 (in Russian).

Citation:

Ахунзянова Ф. Т., Ахунзянов Е. М. К вопросу о лингво-культурологической экспертизе при исследовании аниме // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 89-95.

Akhunzianova F. T., Akhunzianov E. M. (2023). On Linguistic and Cultural Examination in Anime Research. *Legal Linguistics*, 28, 89–95.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Лексика гениталий: номинативные особенности и функционирование в порнографическом нарративе

О. В. Зайцева¹, П. А. Катышев²

¹Университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ул. Садовая-Кудринская, 9, 123001, Москва, Россия. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

²Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Академика Волгина, 6, 117485, Москва, Россия. E-mail: katpa@rambler.ru

В данной статье представлена классификация способов обозначения гениталий в русском языке. Теоретической базой данной публикации являются исследования способов эвфемизации значения, теория концептуальной метафоры и существующие классификации лексики гениталий. Цель исследования связана с поиском классификационных оснований для систематизации исследуемой группы слов и описанием лексических способов обозначения гениталий в русском языке. Материалом исследования послужили 120 фрагментов порнографических текстов, содержащих непосредственное описание согласованного и несогласованного сексуального взаимодействия. На основании лексико-семантического анализа было выделено четыре способа номинирования гениталий: ортофемистический, эвфемистический, дисфемистический и метафорический способы. К ортофемистическому способу были отнесены анатомические термины и лексемы книжного и разговорного стилей. К эвфемистическому способу номинирования гениталий были отнесены лексемы и лексические сочетания, акцентирующие в своей семантике сакральный статус гениталий или содержащие указание на их строение, область расположения, физиологические особенности. Эвфемизация гениталий осуществлялась также через упоминание о предмете одежды, прикрывающей половые органы, внутренних органах репродуктивной системы (для женских гениталий). Также к эвфемистическому способу были отнесены конструкции, в чьей семантике происходило отождествление гениталий с их владельцем. К дисфемистическому способу были отнесены лексемы и лексические сочетания, содержащие в своей семантике указания на несоответствие гениталий телесному канону, диминутивные и аугментативные термины, матизмы. В рамках проведенного исследования выделено четырнадцать метафорических групп номинаций мужских гениталий и пятнадцать групп номинаций женских гениталий. Было выделено четыре признаковых концепта, участвующих в формировании образного представления гениталий: по внешнему сходству, функциональным характеристикам, роли в сексуальном взаимодействии и сексуальных практиках, характеру социокультурной репрезентации.

Ключевые слова: порнографический нарратив, ортофемизмы, эвфемизмы, дисфемизмы, метафорическая концептуализация.

Names of Genitals: Nominative Features and Their Functioning in Pornography Narrative

O. V. Zaytseva¹, P. A. Katyshev²

¹Kutafin Moscow State Law University

9 Sadovaya-Kudrinskaya st., 123001, Moscow, Russian Federation. E-mail: deyaldelwer@mail.ru

²Pushkin State Russian Language Institute

6 Academician Volgin st., 6, 117485, Moscow, Russian Federation. E-mail: katpa@rambler.ru

The paper deals with the classification of ways of designation genitals in Russian. The theoretical basis is represented by researches on meaning euphemization, the theory of conceptual metaphor and existing classifications of genital vocabulary. The aim of this study is search for classification grounds needed for the systematization of the studied group of words and the description of the lexical ways of designating the genitals in Russian. The material for the study was 120 fragments of pornographic texts containing an explicit description of the consensual and nonconsensual sexual interaction. Based on the lexical-semantic analysis, four ways of nominating the genitals were identified: orthophemistic, euphemistic, dysphemistic and metaphorical ways. Anatomical terms and lexemes of the bookish and colloquial styles were attributed to the orthophemistic way of nomination. The euphemistic way of nominating the genitals included lexemes and lexical combinations which semantically accentuate the sacred status of the genitals or contain reference to their structure, location, physiological features. Euphemization of the studied somatisms was also carried out

through the mention of a piece of clothing that covers the genitals or of internal organs of the reproductive system (for female genitals). Lexical constructions in which the genitals were associated with their owner were also attributed to the euphemistic method. The dysphemistic method included lexemes and lexical combinations containing in their semantics indications of the inconsistency of the genitals with the bodily canon, diminutive and augmentative terms, and obscene lexical items. Fourteen metaphorical groups of nominations for male genitalia and fifteen groups of nominations for female genitalia were identified. Four feature concepts that are involved in the formation of the figurative representation of the genitals were found: (1) external similarity, (2) functional characteristics, (3) role in sexual interaction and sexual practices, (4) sociocultural representation.

Key words: pornography narrative, orthophemisms, euphemisms, dysphemisms, metaphoric conceptualisation.

Введение

В представлении классической европейской традиции соматизмы телесного низа характеризуются сакральностью и табуированностью [Bey 2011: 197-198; De Klerk 1992: 277]. В сексуальном взаимодействии и в повседневном общении, если это позволяет контекст, упоминание гениталий проходит через вторичную символизацию анатомических терминов (так называемая процедура абстрагирования), что делает их более комфортными для словоупотребления [Strozier 1966: 63]. Осмысление внешних и функциональных характеристик половых органов происходит в формулировках других понятий. В основу производства новых лексем и лексических сочетаний, используемых для обозначения половых органов, положен ограниченный набор ассоциативных механизмов. Эти механизмы остаются неисследованными: в работах, посвященных проблеме функционирования сексуального сленга, практически не поднимались темы, касающиеся составления словаря лексики гениталий и классификации данной группы соматизмов.

Большая часть существующих работ посвящена гендерно маркированной пейоративной лексике и сексуальному сленгу, используемому коммуникантами в различных контекстах взаимодействия (не только сексуального) [Simkins & Rinck 1982; Fischer 1989; De Klerk 1992]. Немногочисленные исследования способов номинации гениталий англоцентричны, моноаспектны и не учитывают современных тенденций словоупотребления. Часть из них сфокусирована на изучении способов номинации гениталий в детской речи и разработке анатомически корректных и психологически комфортных обозначений [Goldman 1990: 138-144; Gilgun & Gordon 1985: 46]; часть посвящена исследованию способов номинации гениталий через имена собственные [Cornog 1986] и сконцентрирована на особенностях обозначения гениталий мужчинами и женщинами [Cameron 1992; Braun & Kitzinger 2001]. В настоящее время только в пяти работах из тех, которые посвящены изучению сексуального сленга, представлено эмпирическое обобщение собранных терминов гениталий, систематизированных в семантические/тематические группы. В фокусе предпринятых исследований находятся: имена собственные, используемые для обозначения гениталий, и их функционирование в интерперсональном дискурсе [Cornog 1986]; номинации гениталий, даваемые детьми [Goldman 1990]; функции рассматриваемых соматизмов, значимые для организации речевого поведения мужчин и женщин в ситуациях, связанных с сексуальным взаимодействием [Cameron 1992]; конструирование мужской и женской сексуальной идентичности с помощью лексики гениталий [Braun & Kitzinger 2001]; семиотическое моделирование телесности представителями сексуальных меньшинств [Edelman & Zimman 2014] (см. QR-code № 1).

QR-code № 1: Существующие списки семантических/тематических групп терминов гениталий

QR-code 1

В целом представленные перечни номинаций не обладают типологизирующей строгостью и терминологической упорядоченностью. Также стоит отметить, что сбор материала для проведения упомянутых исследований осуществлялся без учета контекстов употребления рассматриваемой лексики.

Нарратив в порнографической литературе отражает идеализированное, но очень подробное и приближенное к реальности сексуальное взаимодействие [Nussbaum 2015; Кон 2002], для симуляции которого не последнюю роль играет лексика гениталий, составляющая весомую часть дискурсивного жанра вербальной сексуальной интеракции. Изучение способов вербального обозначения гениталий представляется нам перспективным направлением особенно сейчас, когда с появлением виртуального канала взаимодействия перераспределяются границы коммуникации и создаются дополнительные возможности для выражения сексуальной идентичности. Цель данного исследования связана с поиском классификационных оснований для систематизации исследуемой группы слов и описанием лексических способов обозначения гениталий в русском языке.

Практическая значимость данного исследования обусловлена возникновением новых форм сексуального взаимодействия в виртуальном пространстве – функциональные особенности мессенджеров и социальных сетей позволяют коммуникантам конструировать сексуальную активность в вербальной и визуально-вербальной (комбинированной) формах. Исследования номинативных особенностей лексики гениталий позволяют судебным экспертам составить представление о ее функционировании в ряде сексуальных коммуникативных практик. В частности, предполагается, что результаты данного исследования будут положены в основу методических разработок, ориентированных на проведение комплексных психолого-лингвистических экспертиз по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних.

1. О способах кодирования антинормативной информации в порнографическом нарративе

Считается, что использование табуированных тем в нормативном дискурсе вынуждает говорящих избегать употребления прямых номинаций. К табуированным темам относятся явления, негативно оцениваемые в рамках определенного общества и квалифицируемые как запрещенные для обсуждения [Hock 1986]. В нормативном дискурсе говорящий, затрагивая тему секса и сексуальности, вынужден прибегать к поиску адекватной альтернативы табуированному термину [Duda 2011; Almoayidi 2018; Allan, Burridge 1988]. Эта альтернатива, как предполагается, служит защитой «лица» говорящего, которому может быть нанесен урон из-за обсуждения табуированных тем, считающихся в публичном дискурсе проявлением *mauvais goût* [Duda 2011; Almoayidi 2018; Allan, Burridge 1988]. В социальном аспекте эти аналоги также могут расцениваться как признаки дурновкусия, а потому нивелироваться в словоупотреблении [Allan, Burridge 1988: 7]. Альтернативой анатомическим, книжным и разговорным лексемам, используемым для обозначения гениталий, являются нестандартизированные обозначения (например, эвфемизмы), обладающие практически безграничными возможностями для представления табуированных тем. Анатомические термины рассматриваются как клинические и безликие (*clinical and impersonal*), эвфемистические или уничижительные термины в нормативном дискурсе способствуют укреплению представлений о гениталиях как о чем-то сакральном и запретном и направлены на осмысление сексуального взаимодействия с позиции маскулинной культуры [Cameron 1992]. Знания о гениталиях могут быть также организованы через метафору [Braun & Kitzinger 2001], воплощающую в себе существующие культурные шаблоны, связанные с гендерным аспектом в представлении человеческого тела [Лакофф 2004].

Концептуализация гениталий находится на стыке физических ощущений и социального опыта партнеров, что отражено в способах конструирования сексуальных идентичностей коммуникантов, характере описываемой сексуальной активности и используемой для описания лексики. Многообразие способов номинации не только участвует в организации нарратива порнографического текста, но и отражает особенности знания коммуникантов о человеческой физиологии.

2. Материалы и методы

Для исследования было собрано 120 фрагментов из порнографических рассказов, созданных на русском языке и содержащих описание сексуального взаимодействия между двумя и более партнерами. Выборка порнографических текстов осуществлялась с порталов, представляющих собой библиотеки порнографической литературы.

Порнографические рассказы относятся к разновидности художественных текстов и обладают характерными для данного вида сюжетно-композиционными особенностями: несмотря на то, что порнографическая литература фиксирована на описании сексуальной активности, в ней также содержится условная экспозиция, в которой дается поверхностная характеристика одному или нескольким участникам события, а также завязка, в которой описывается цепь событий, предшествовавших сексуальному взаимодействию и/или ставших его причиной. Таким образом, для того чтобы сузить контекст употребления номинаций гениталий, учитывались только сцены описания самого сексуального взаимодействия. Порнографические тексты находятся вне зоны регулирования нормативного дискурса, что отражено как в детализации описываемого полового акта и многообразии форм и способов описания сферы сексуальных отношений, так и в отсутствии двусмысленности, обычно возникающей в ситуации несексуального взаимодействия при обсуждении тем, напрямую или косвенно связанных с сексуальной сферой. Объем собранного нами корпуса текстовых фрагментов, отражающих сексуальное взаимодействие, составил 78 290 слов.

При анализе лексических единиц учитывался опыт предшествующих англоязычных исследований (см. QR-Code № 1). Отбор лексем и лексических сочетаний производился в пользу единиц, предусматривающих как метафорический, так и неметафорический способ обозначения гениталий, в том числе анатомических терминов, номинаций книжного и разговорного стилей, обценной лексики, диминутивных и аугментативных терминов, лексем с диффузной семантикой. Кроме того, учитывалась частотность терминов гениталий. Индекс частотности (*ipt*) рассчитывался нами по формуле: общее количество вхождений / объем корпуса в словах * 1000.

3. Результаты и дальнейшая дискуссия

На основании исследуемого материала составлен и проанализирован список из 191 номинации органов мужской и женской репродуктивных систем, среди которых 109 лексем относилось к обозначению женских гениталий, 82 лексемы – к номинациям мужских половых органов. Общее количество вхождений для всех корпусов порнографических текстов, отражающих сексуальное взаимодействие, составило 2308 единиц (29.48 *ipt*). Также было выявлено 76 стереотипизированных оборотов и фраз, используемых в русскоязычной сексуальной коммуникации и содержащих в своей семантике отсылку к мужским и женским гениталиям без прямого указания на них; выделено четыре способа номинации гениталий – ортофемистический, эвфемистический, дисфемистический и метафорический. Классификация номинаций женских гениталий в схематичном виде представлена в QR-code 2, классификация номинаций мужских гениталий – QR-code 3.

QR-code 2, QR-code 3: Классификация вербальных способов обозначения гениталий в исследуемых русскоязычных порнографических текстах

QR-code 2

QR-code 3

К ортофемистическим названиям гениталий относятся анатомические термины и лексемы книжного и разговорного стилей. В порнографических текстах при обозначении гениталий ортофемистические названия используются чаще остальных – относительная частота их вхождений в собранные тексты составила 17.37 ipt. Высокая встречаемость ортофемистической терминологии обусловлена, во-первых, контекстом, который не попадает под сферу действия норм поведения и расположен в антинормативном континууме, во-вторых, особенностью порнографического нарратива, жанровая специфика которого связана с реалистичным и детальным описанием сексуальной активности. В отличие от эвфемистического, дисфемистического и метафорического способов номинации, участвующих в конструировании образов персонажей и способных выражать оценочные значения, ортофемистические термины направлены на фиксацию и передачу последовательности действий и участвуют в детализации сексуальной активности.

Термины *гениталии*, (*половой*) *орган* или (*половые*) *органы*, *промежность* встречаются для обозначения как женских половых органов, так и мужских, что обусловлено характером данных лексем, относящихся к обобщенным терминам. К числу универсальных номинаций также отнесены лексемы *писа* и *писька*, в семантике которых отсутствует указание на гендерный аспект, в отличие от термина *писюн*, использующегося исключительно для обозначения мужских гениталий.

Анатомическая терминология представляет гениталии человека детально и гораздо шире, чем лексемы книжного и разговорного стилей, в фокусе которых находятся наружные органы репродуктивной и выделительной систем. Наиболее частотными анатомическими терминами женской репродуктивной системы являются *клитор* (3.3 ipt), *влагалище* (2.08 ipt), (*половые*) *губы* (1.04) / (*половые*) *губки* (1.59); соответственно при обозначении понятий мужской репродуктивной системы предпочтение отдается единицам *голова* (1.78 ipt), *яички* (0.33 ipt) и *яйца* (1.42 ipt).

Наиболее употребляемым выражением, отсылающим к представлению о мужских гениталиях, является термин *член* (15.78 ipt). Термины *пенис* (0.26 ipt) и *фаллос* (0.13 ipt) практически не используются для конструирования сексуального взаимодействия в исследуемых фрагментах.

К анатомическим терминам женских половых органов, встречающихся в описании сексуального взаимодействия, относятся единицы *матка* и (*девственная*) *плева*, обозначающие внутренние органы женской репродуктивной системы. Обе лексемы являются низкочастотными и используются в контексте описания определенной сексуальной активности: для обозначения процесса дефлорации (*Девственная плева после моих усилий поддалась мне, покрывало на кровати оросилось капельками ее девственной крови*) и глубокого проникновения (<...> *вошел практически до самой матки*) при конструировании согласованного взаимодействия; в свою очередь при изображении сцен изнасилования, в которых болезненность пенетрации фетишизирована, в фокусе повествования находятся страх и страдания жертвы (*Кровь, смешанная с выделениями, потекла по ногам, а он продолжал буровить мои внутренности, доставая до матки*).

Эвфемистический способ

В нормативном дискурсе к эвфемистической замене прямых номинаций тематического ряда «гениталии» прибегают для создания ситуативно уместного изложения событий. Потенциал этой замены определяется ее способностью вуалировать непредпочитаемые темы или неуместную (т. е. не соответствующую коммуникативной ситуации) форму [Москвин 2001]. Иная ситуация наблюдается в порнографическом нарративе, в котором эвфемизмы утрачивают свою вуалирующую функцию и выступают в качестве одного из инструментов организации художественных образов, качественно усложняющих повествование. Эвфемистические замены по своему характеру необразны. В основу способов производства эвфемистических обозначений положены общие принципы, опирающиеся на осмысление автором/говорящим того, что он знает о репродуктивной системе человека: ее строении, расположении, функционировании, свойствах, социальном значении.

В анализируемых текстах встречались как лексические единицы высокого стиля (*плоть, лоно, (женские) прелести, (женское) естество, фаллос*), так и лексемы с диффузной семантикой. В исследуемых текстах они представлены наречиями места с семантикой расположения (*там, туда, оттуда, вниз/внизу, ниже*) и проникновения вглубь (*глубоко/глубже, вглубь, внутрь/внутри*). Их сличение с означаемым реализуется за счет внутритекстовой референции, реализуемой в анафорических или катафорических связях. Для адресата ключом к декодированию является отчетливая ситуативно-тематическая связь, задаваемая контекстом словоупотребления – в порнографическом нарративе это происходит интуитивно за счет описания сексуально откровенного взаимодействия:

там: *Там она тоже была очень красива; Я целовал ее там, принимая в себя ее божественный нектар.*

туда/оттуда: *Она вся горела желанием. Наконец, я засунула туда язык; Я хочу высосать оттуда весь твой сок.*

вниз/внизу: *Ты ловишь мою руку и сильнее прижимаешь к себе вниз; Я не смог удержаться от соблазна и поцеловал внизу.*

ниже: *Нет, я буду лизать тебя ниже, так, хорошо, давай, дай мне свой грех...*

глубоко/глубже: *Я всадил глубоко и стремительно; Я выгнулся, стараясь не то что бы принять глубже, а сделать как можно более приятно.*

вглубь: *Я чувствую, что он выстрелил вглубь меня.*

внутри/внутри: *Я снова шлепнул ее по груди, и мой член проскользнул внутрь...; Он нестерпим, он физический, понимаешь? Он как лава растекается внутри.*

Другая разновидность эвфемистической замены задействует знание говорящего о свойствах и характеристиках гениталий, то есть реализуется через их интенциональные значения (через раскрытие их свойств и функциональных характеристик). Восприятие и корректное декодирование значения требует установления тождества между упоминаемыми признаками и явлением, которое они характеризуют. Так, вербальное обозначение гениталий может быть реализовано через:

1) прономинацию – за счет акцента на сакральном/табуированном статусе означаемого (*интимная точка, интимное местечко, священная плоть, самое чувствительное*), его размере (*гигант, крепыш, малыш, здоровяк*), эстетической

привлекательности (*красавец, красоточка*), привязанности мужского персонажа к своему половому органу (*друг, дружок*), силе и выносливости (*тайсон, богатырь*), гендерной атрибутированности (*девочка*);

2) метонимический перенос – посредством указания на составную часть гениталий (*клитор, горошина клитора, складка, мошонка, яйца, головка*), внутренних органов репродуктивной системы и внутренностей женщины (*матка, преддверие матки, влажное нутро, внутренности*);

3) пространственную метонимию – за счет отсылки к области расположения гениталий (*между ног, между ляжек, вниз/внизу живота, пах, область паха*), упоминания об одежде, прикрывающей гениталии (*под/в трусики, в трусы, из трусов, под юбочку, под колготки, в штаны/штанах, ширинка*), а также указания на физиологические особенности означаемого. Так, к характеристикам женских гениталий относятся: влажность (*в X мокро, что-то (труссы) промокло, из X лилось, X потекла*), тепло (*в X тепло, X теплая/горячая*), вкус (*У понравился вкус X*), наличие лобкового оволосения (*пушок лобка, шевелюра, X была гладко выбрита*), сокращение мышц (*внутри все сокращается*). Признаками, участвующими в обозначении мужских гениталий, являются такие параметры, как изменение размера и степени твердости полового органа за счет прилива к нему крови, что указывает на состояние эрекции (*у него вставал/встал, он стал пульсировать; у X стояк, он был твердым; что-то твердое*). К сопутствующим признакам можно также отнести такие параметры, как температура (*он был горячим; что-то горячее*), вкусовые свойства (*он был сладким*) и повышенная чувствительность мужского полового органа (*самое чувствительное*).

Наконец, эвфемизация возможна за счет отождествления гениталий с их владельцем. В гетеронормативном взаимодействии за участниками полового акта происходит закрепление ролей: есть тот, чей половой орган проникает, и тот, в чей половой орган совершается проникновение. Данное знание находит свое выражение через упрощенную логическую структуру, в которой не проводятся разграничения между участниками сексуальной интеракции и их половыми органами: агенсом является проникающий субъект, объективом (также локативом и аблативом) – объект проникновения. В рамках данной группы номинация гениталий имплицитна (т. е. не вербализируется) и логически инкорпорирована в конструкции со значением (1) проникновения/нахождения внутри (*У работал в X; (грубо, нежно) войти; войти/зайти/проникнуть/погрузиться/оказаться/скользнуть в X; проткнуть/порвать/разорвать/раздирать X*), (2) сексуальных практик (*сосать кому-то; взять в рот; лизать кому-то / вылизывать у кого-то, кончать/кончить в кого-то, заполнить кого-то, пролиться в кого-то*), (3) окончания пенетрации (*вынуть/вытянуть/выскользнуть/вытащить/выйти из X, У покинул X*).

Дисфемистический способ

Термины гениталий, отнесенные нами к дисфемистическим номинациям, обладают низкой частотностью в исследуемых нами текстах (2,29 ipt). Их низкая частотность употребления не позволяет констатировать наличие зависимости между характером текстов и использованием в них дисфемистических номинаций. В настоящий момент можно говорить о роли дисфемистических номинаций в конструировании визуально отталкивающих образов персонажей; тем самым описание уничижительного и жестокого обращения с ними представляется оправданным.

К дисфемизмам прежде всего следует отнести термины, в семантике которых содержится указание на несоответствие гениталий персонажей телесному канону, участвующему в конструировании мужской и женской сексуальной идентичности. Так, к классу дисфемизмов относятся лексемы, через семантику которых реализуется идея безразмерности и растянутости женских гениталий (*дыра, жерло*) и кривизны, малом размере мужского полового органа (*коряга, перец, сарделька*), а также его уподобления женским гениталиям – *клитор, писья-клитор*. К дисфемистическому способу обозначения гениталий нами также были отнесены матизмы (*пизда, хуй, хуище, залуа, елда, кругитель пезд*).

К дисфемистическим номинациям можно отнести лексемы с диминутивными и аугментативными суффиксами. Диминутивные и аугментативные суффиксы по-разному участвуют в формировании оценочного компонента. Семантический потенциал диминутивов и аугментативов реализуется в рамках двух переменных («маленький размер – большой размер»), которые в контексте лексики гениталий не столько содержат сведения об анатомических особенностях героев порнографического нарратива, сколько являются одним из базовых элементов в проработке их образов. Список диминутивных и аугментативных терминов, их производящая основа, а также значение, реализуемое в этих терминах, представлены в QR-Code № 4.

QR-code № 4: Классификация обнаруженных диминутивных и аугментативных терминов по их семантическому значению

Диминутивы. Можно констатировать наличие двух семантических компонентов (уменьшительного и уменьшительно-уничижительного), реализуемых диминутивами в зависимости от характера взаимодействия, описываемого в порнографическом нарративе. Реализация этих компонентов во многом зависит от совокупности факторов, к числу которых можно отнести контекст употребления термина, коннотацию производящей основы и коннотацию уменьшительного суффикса, участвующего в образовании термина – см. QR-Code № 4.

Фактором, определяющим экспрессивно-оценочную специфику изучаемых диминутивных лексем, является тот, который связан с половой принадлежностью персонажей. Телесный канон, являющийся ключом к толкованию образов, устанавливает для мужчин и женщин разные стандарты сексуальной привлекательности и приемлемого сексуального

поведения. Для женщин эти стандарты связаны с subtilностью телесных форм, физической хрупкостью и наличием незначительного сексуального опыта: в контексте конструирования женского образа уменьшительное значение диминутивов не вступает в противоречие с телесным каноном, т. е. указывает на маленький размер гениталий женщины. При этом риторическая сила диминутивов не ограничивается анатомической параметризацией гениталий: описание женских гениталий как маленьких и узких формирует в представлении потребителя порнографического текста социально приемлемый и условно благочестивый образ женщины – ее сексуальное поведение не выходит за рамки нормы, ее профессиональная сфера не связана с проституцией, ее сексуальный опыт ограничен небольшим количеством половых партнеров.

Диминутивные термины, используемые для номинации мужских половых органов, реализуются по большей части в своем уменьшительно-уничижительном значении. Размер гениталий является центральным параметром в конструировании базовых идентичностей мужчины – несоответствие этим параметрам способно навредить не только его сексуальной идентичности, но и его образу в целом. Содержательный план диминутивного термина работает на деконструкцию мужского образа, акцентируя внимание на недостатке маскулинности и указывая на неспособность мужчины проявлять активную агрессию. Малые параметры пениса ассоциируются с сексуальной дисфункцией (например, *членик* как «подобие» мужского полового органа или *зверек* как нечто, что не представляет реальной опасности) и свидетельствуют о том, что мужской персонаж не способен реализовать свой сексуальный потенциал. У некоторых лексем, таких как *киска*, *яички*, *головка*, *орешки*, ласкательный и уничижительный компоненты, по всей вероятности, утрачены. В их семантике на передний план выходит аспект параметризации. Данные единицы самодостаточны в использовании и не зависят от контекста порнографического взаимодействия, в котором употребляются.

Аугментативы. Аугментативные суффиксы в рассматриваемых случаях связаны с передачей значения большого размера. Размерно-оценочные компоненты аугментативов также способны передавать преимущественно негативные эмоции: страх, презрение и возмущение; реже положительные – удивление и восхищение. Аугментативные термины направлены на деконструкцию женского образа, реализуемую за счет представления женской вагины как безразмерного органа. Акцент на «растянутости» женских гениталий ассоциируется с частой сменой половых партнеров, что в контексте женского сексуального поведения негативно оценивается в рамках гетеронормативной культуры. Использование аугментативов в случае изображения персонажей-мужчин не всегда имеет положительную окраску: половые органы мужчины представлены опасными, причиняющими физический дискомфорт и вызывающими страх у того, в кого совершается проникновение. Иными словами, семантический потенциал аугментативных лексем, используемых для обозначения мужских гениталий, в полной мере способен реализоваться в порнографических текстах несогласованного взаимодействия (например, при описании изнасилования).

Метафорический способ

Метафоры принимают активное участие в модификации существующих архетипических образов порнографического взаимодействия – любовника, любовницы, насильника и жертвы – и базируются на телесном каноне, но его осмысление происходит несколько иначе, чем при эвфемистическом способе и требует творческого подхода к представлению формальных и функциональных особенностей человеческих гениталий. В рамках проведенного исследования выделено четырнадцать метафорических групп номинаций мужских гениталий («растительность», «инструменты», «музыкальные инструменты», «оружие», «деталь механизма», «продолговатый твердый предмет», «продолговатый гибкий предмет», «морское судно / его части», «возвышенность», «фауна», «пища», «сакральный объект», «вершина / конечная точка», «персонификация») и пятнадцать метафорических групп номинаций женских гениталий («фауна», «углубления / незаполненные пустоты», «глубина», «узкая полость», «выпуклость, неровность», «ранение», «растительность», «водный объект», «религия», «грехопадение/соблазн», «персонификация», «вход», «геометрические фигуры/формы», «преграда», «драгоценность»). Указанные группы следует рассматривать как понятийную область метафорической проекции – сферу-источник [Юрина 2013].

В основе метафорического осмысления терминов гениталий лежат знания говорящих о статических и динамических характеристиках означаемого (их форме, физиологических свойствах, функции и аффекте, возникающем вследствие сексуального взаимодействия), его социокультурной значимости. Данные характеристики лежат в основе «признаковых концептов» – ассоциаций, с учетом которых выявляются статические и динамические свойства референта, статические и динамические свойства прототипического объекта и проводится сличение их свойств [Юрина 2005: 12]. В результате выделено четыре признаковых концепта, участвующих в формировании образного представления гениталий: (1) внешнее сходство, (2) функциональные характеристики, (3) роль в сексуальном взаимодействии и сексуальной практике, (4) социокультурная репрезентация – см. QR-Code № 5.

QR-Code № 5: Основание для метафорической концептуализации в выделенных группах терминов мужских и женских гениталий

Источниками образного представления по параметрам внешнего сходства выступают такие характеристики, как форма, запах, вкус. Так, в группе «растения» идея о мужских гениталиях реализована через их отождествление с продолговатым прямым или изогнутым объектом: стволом, шишкой или корягой. Растительные термины женских гениталий выражены в метафорах цветов (*бутон*, *цветок*, *лепестки*), что отсылает к строению наружных половых органов женщины – малых и

больших половых губ, прикрывающих влагалище. Источниками образного осмысления также являются: запах (*булон, цветок* – как нечто, обладающее приятным ароматом), вкус (*сладкая полоска* – как нечто, что участник сексуального взаимодействия может попробовать на вкус), цвет (*порез, рубец* – как нечто, что схоже с красным цветом).

Образное представление по сходству функциональных характеристик реализуется в лексике гениталий за счет осмысления их способности к увлажнению (*дельта, глубина, бухта, фарватер*), эрекции (*шланг, хобот, червь, мачта, столб*), эякуляции (*шланг, пушка*). Мужской половой орган, находящийся в эрегированном состоянии, может быть канонизирован через идею о его твердости (группа «продолговатый твердый предмет»: *кол, дубина, штырь, шампур, палка, мачта, столб*), упругости/гибкости (группа «продолговатый гибкий предмет»: *колбаса, сарделька, червь, хобот, шланг*). В текстах сексуального взаимодействия концепция мужской агрессии реализуется через термины оружия: мужской половой орган может быть представлен огнестрельным (*пушка, дуло*), ударно-раздробляющим (*дубина, дубинка*), колющим (*шампур, кол, дрын*) оружием. В совокупности с высказываниями, описывающими соитие через конструкции с семантикой разрыва, растягивания или ритмичных ударов, половое взаимодействие представляется травматичным, таящим опасность для пассивной стороны, а потому вызывающим у нее чувство страха.

Концептуализация гениталий также осуществляется через осмысление их роли в сексуальных практиках (проникновение в женские гениталии – *преграда, вход, бухта*, фрикционные движения – *колотушка, смычок, поршень, клинок*, орально-генитальный контакт – *чупа-чупс, сладкая полоска*). Например, идея погружения отражена в метафорической концептуализации женских гениталий через ассоциации с незаполненными пустотами, узкими полостями, глубиной и резервуаром (группы «глубина», «углубления, незаполненные пустоты», «узкая полость», «водный объект»). В основе данных групп лежит представление о том, что женские гениталии подобны пространству, в которое надо проникать (*щель, щелка, щелочка, пещера, пещерка*), погружаться (*глубина, скважинка, жерло, недра*) и которое может быть заполнено предметом (например, мужским половым органом) или жидкостью (спермой) – *дыра, дырка, норка, впадина, впадинка*.

Образное осмысление социальной репрезентации объекта и субъекта сексуального взаимодействия и свойств, приписываемых каждому из его участников в зависимости от их гендера и роли в половом акте (в QR-Code № 5 см.: «сакрализация/табуирование означаемого»), было обозначено М. Cornog как «генитоморфизм» [Cornog 1986]. Характеристика мужских половых органов реализуется за счет соответствия агрессивному и активному образу действия, приписываемому мужскому стилю поведения (*монстр, зверь, богатырь, тайсон*), представления мужской сексуальности с позиции онтологических проявлений божественной силы (*чудо, достоинство*), акцентирования важности мужских гениталий для их владельца (*друг, дружок*). Характеристика женских гениталий основана на подкреплении представления о женской сексуальности как об объекте неконтролируемого мужского желания, связанного с грехопадением (*устье греха*), религиозным поклонением (*алтарь*) и источником соблазна (*прелесть, сокровище*). В то же время через ряд метафор реализуется идея пассивной и беззащитной природы женской сексуальности (*киска, девочка*).

Выводы

Анализ 120 фрагментов русскоязычных порнографических текстов, содержащих описание сексуального взаимодействия, позволил выделить четыре способа обозначения гениталий: ортофемистический, эвфемистический, дисфемистический и метафорический.

Установлено, что:

1) при обозначении гениталий говорящие не ограничиваются прямыми номинациями: они прибегают к различным стратегиям обозначения половых органов, включая прономинацию, метонимический перенос, синекдоху, внутритекстовую замену антецедента, смысловое включение лексики гениталий в глагольные конструкции, описывающие сексуальное взаимодействие, и отождествление гениталий с их владельцами;

2) в основе эвфемистического и метафорического способов обозначения гениталий лежат образные/необразные трансформации, источниками которых выступают ассоциации по признакам (1) внешнего сходства, (2) схожести функциональных характеристик, а также (3) аллюзии на сексуальные практики, (4) элементы сакрализации/табуирования означаемого;

3) лексика гениталий обладает различным эмотивным и экспрессивно-оценочным потенциалом. Так, лексемы и лексические средства, относящиеся к ортофемистическому и эвфемистическому способам обозначения гениталий, направлены на детализацию описания сексуального взаимодействия и не содержат в семантике эмотивного и экспрессивно-оценочного компонентов. В то же время дисфемистические и метафорические обозначения гениталий, наоборот, обладают эмотивным потенциалом;

4) концептуализация половых органов выходит за рамки сугубо языковой системы и реализуется через воспроизводство социокультурных шаблонов: номинации гениталий отчасти могут отражать культурное самосознание автора/говорящего. По всей видимости, существуют как универсальные принципы, лежащие в основе производства и употребления терминов и обозначений гениталий, так и частные, отражающие культурные особенности номинации в рамках одного общества.

Перспективы дальнейшего исследования способов номинирования гениталий связаны с:

- изучением функционирования данного класса соматизмов в различного рода порнографических нарративах, отражающих практики согласованного/несогласованного, гомосексуального/гетеросексуального взаимодействия,
- их ролью в конструировании персональной идентичности, в том числе в таких невымышленных коммуникативных практиках, как секстинг, онлайн-флирт и др.

Литература

Allan K., Burrige K. Euphemism, Dysphemism, and Cross-Varietal Synonymy / La Trobe Working Papers in Linguistics. – 1988. – 1. – С. 1–17.

- Almoayidi K.A. Euphemism as a Communicative Tool: A Descriptive Study of Hijazi and Southern Region Dialects Spoken in Saudi Arabia / *Open Journal of Modern Linguistics*. – 2018. – 08. – С. 1–8.
- Bey S. Naked Bodies and Nasty Pictures: Decoding Sex Scripts in Preadolescence, Re-Examining Normative Nudity through Art Education / *Studies in Art Education*. – 2011. – 52(3). – С. 196–212. doi:10.1080/00393541.2011.11518835
- Braun V. & Kitzinger C. "Snatch," "Hole," or "Honey-pot"? Semantic categories and the problem of nonspecificity in female genital slang / *Journal of Sex Research*. – 2001. – 38(2). – С. 146–158. doi:10.1080/00224490109552082
- Cameron D. Naming of parts: Gender, culture, and terms for the penis among American college students / *American Speech*. – 1992. – 67. – С. 367–382.
- Cornog M. Naming sexual body parts: Preliminary patterns and implications / *Journal of Sex Research*. – 1986. – 22(3). – С. 393–398. doi:10.1080/00224498609551318
- De Klerk V. How taboo are taboo words for girls? / *Language in Society*. – 1992. – 21(02). – С. 277–289. doi:10.1017/s0047404500015293
- Duda B. Euphemisms and Dysphemisms: in Search of a Boundary Line. University of Rzeszow / *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*. – 2011. – 45. – С. 3–19.
- Edelman E. A. & Zimman L. Boycunts and Bonus Holes: Trans Men's Bodies, Neoliberalism, and the Sexual Productivity of Genitals / *Journal of Homosexuality*. – 2014. – 61(5). – С. 673–690. doi:10.1080/00918369.2014.870438
- Fischer G. J. Sex Words Used by Partners in a Relationship / *Journal of Sex Education and Therapy*. – 1989. – 15(1). – С. 50–58. doi:10.1080/01614576.1989.11074944
- Gilgun J. F., & Gordon S. Sex education and the prevention of child sexual abuse / *Journal of Sex Education and Therapy*. – 1985. – 11. – С. 46–52.
- Goldman J. The Importance of an Adequate Sexual Vocabulary for Children / *Australian Journal of Marriage and Family*. – 1990. – 11(3). – С. 136–148. doi:10.1080/1034652x.1990.11004418
- Hock H. H. Principles of historical linguistics. Berlin, 1986.
- Nussbaum C. O. Understanding pornographic fiction: Sex, violence, and self-deception. Basingstoke, Hampshire, 2015.
- Simkins L., & Rinck C. Male and female sexual vocabulary in different interpersonal contexts / *The Journal of Sex Research*. – 1982. – 18(2). – С. 160–172. doi:10.1080/00224498209551146
- Strozier R. The Euphemism / *Language Learning*. – 1966. – 16(1-2). – С. 63–70. doi:10.1111/j.1467-1770.1966.tb00809.x
- Кон И. С. Мужское тело как эротический объект / *О муже(Н)ственности*. – 2002. – С. 43–79.
- Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Москвин В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / *Вопросы языкознания*. – 2001. – 3. – С. 58–70.
- Юрина Е. А. Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013.
- Юрина Е. А. Образный строй языка. Томск, 2005.

References

- Allan, K., Burrige, K. (1988). Euphemism, Dysphemism, and Cross-Varietal Synonymy. *La Trobe Working Papers in Linguistics*, 1, 1–17.
- Almoayidi, K.A. (2018). Euphemism as a Communicative Tool: A Descriptive Study of Hijazi and Southern Region Dialects Spoken in Saudi Arabia. *Open Journal of Modern Linguistics*, 08, 1–8.
- Bey, S. (2011). Naked Bodies and Nasty Pictures: Decoding Sex Scripts in Preadolescence, Re-Examining Normative Nudity through Art Education. *Studies in Art Education*, 52(3), 196–212. doi:10.1080/00393541.2011.11518835
- Braun, V. & Kitzinger, C. (2001). "Snatch," "Hole," or "Honey-pot"? Semantic categories and the problem of nonspecificity in female genital slang. *Journal of Sex Research*, 38(2), 146–158. doi:10.1080/00224490109552082
- Cameron, D. (1992). Naming of parts: Gender, culture, and terms for the penis among American college students. *American Speech*, 67, 367–382.
- Cornog, M. (1986). Naming sexual body parts: Preliminary patterns and implications. *Journal of Sex Research*, № 22(3), 393–398. doi:10.1080/00224498609551318
- De Klerk, V. (1992). How taboo are taboo words for girls? *Language in Society*, 21(02), 277–289. doi:10.1017/s0047404500015293
- Duda, B. (2011). "Euphemisms and Dysphemisms: in Search of a Boundary Line". University of Rzeszow. *Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación*, 45, 3–19.
- Edelman, E. A. & Zimman, L. (2014). Boycunts and Bonus Holes: Trans Men's Bodies, Neoliberalism, and the Sexual Productivity of Genitals. *Journal of Homosexuality*, 61(5), 673–690. doi:10.1080/00918369.2014.870438
- Fischer, G. J. (1989). Sex Words Used by Partners in a Relationship. *Journal of Sex Education and Therapy*, 15(1), 50–58. doi:10.1080/01614576.1989.11074944
- Gilgun, J. F., & Gordon, S. (1985). Sex education and the prevention of child sexual abuse. *Journal of Sex Education and Therapy*, 11, 46–52.
- Goldman, J. (1990). The Importance of an Adequate Sexual Vocabulary for Children. *Australian Journal of Marriage and Family*, 11(3), 136–148. doi:10.1080/1034652x.1990.11004418
- Hock, H. H. (1986). Principles of historical linguistics. Berlin.
- Kon, I. S. (2002). The male body as an erotic object. On masculinity. Moscow (in Russian).
- Lakoff, G. (2004). Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind (in Russian).

- Moskwin, V. P. (2001). Euphemisms: system connections, functions and methods of formation. *Aims of linguistic*, 3, 58–70 (in Russian).
- Nussbaum, C. O. (2015). *Understanding pornographic fiction: Sex, violence, and self-deception*. Basingstoke, Hampshire.
- Simkins L., & Rinck C. (1982). Male and female sexual vocabulary in different interpersonal contexts. *The Journal of Sex Research*, 18(2), 160–172. doi:10.1080/00224498209551146
- Strozier, R. (1996). The Euphemism. *Language Learning*, 16(1-2), 63–70. doi:10.1111/j.1467-1770.1966.tb00809.x
- Yurina, E. A. (2013). Delicious metaphors: food tradition in the mirror of language images. *Kokshetau* (in Russian).
- Yurina, E. A. (2005). The figurative structure of the language. *Tomsk* (in Russian).
-

Citation:

Зайцева О. В., Катышев П. А. Лексика гениталий: номинативные особенности и функционирование в порнографическом нарративе // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 96-104.

Zaytseva O. V., Katyshev P. A. (2023). Names of Genitals: Nominative Features and Their Functioning in Pornography Narrative. *Legal Linguistics*, 28, 96–104.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Проблемы квалификации деяний, связанных с оскорблением чувств верующих

А. А. Боженова¹, В. В. Ерахмилевич²

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com, ²erahmilevich75@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ с правовой и лингвистической точки зрения. В ней обозначены некоторые проблемы использования оценочных и субъективных категорий, применяемых законодателем при формировании объективной и субъективной стороны анализируемого преступного деяния. Авторы обращают внимание на то, что лингвистическая неясность и неоднозначность некоторых терминов приводит к затруднению при квалификации преступления, так как у правоприменителя отсутствуют механизмы для правильного толкования тех или иных действий субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ. Оценочность категорий «публичность», «чувства», «верующие», «оскорбление» и т. д. не позволяет в полной мере разграничить ч. 1 ст. 148 УК РФ со смежными составами преступлений и правонарушений. В статье анализируется судебная практика по ч. 1 ст. 148 УК РФ, изучаются особенности действий, квалифицируемых правоприменителем как оскорбление чувств верующих. Обращается внимание на проблемы отграничения оскорбления от таких понятий, как осквернение, религиозная ненависть или вражда. Авторами делаются предложения по совершенствованию законодательства, связанного с оскорблением религиозных чувств верующих. В частности, предлагается закрепление некоторых особенно дискуссионных понятий в специальных Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ или же в примечании к соответствующей статье. Повышение уровня ясности и точности в дефиниции ч. 1 ст. 148 УК РФ позволит упростить работу правоохранительных органов при квалификации деяний.

Ключевые слова: оскорбление, публичность, действия, верующие, чувства.

Challenges at Classifying Acts of Religious Feelings Defamation

A. A. Bozhenova¹, V. V. Erahmilevich²

Altai State University

68 Socialistisheskiy St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: ¹annabozenova62@gmail.com, ²erahmilevich75@mail.ru

The article concentrates on the study of the special features of the disposition of paragraph 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation from the legal and linguistic point of view. The article describes the problem of the legislator using subjective and evaluative categories when determining the objective and mental elements of the analyzed crime. The authors draw attention to the issue of linguistic ambiguity of some terms which leads to the problems with the classification of a crime. It happens because law enforcers don't have enough legal methods for the correct interpretation of the actions of the person who is accused of committing an act of crime. Evaluative character of such categories as "publicity", "feelings", "believers" and "defamation" doesn't let correctly differentiate offences and crimes specified in paragraph 1 of article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation from some other crimes and offences specified in both the Criminal Code and the Code of the Administrative Offences. The article is a case study of paragraph 1 of Art. 148 of the Criminal Code of the Russian Federation. The specific features of the acts that are classified as defamation are studied. The authors focus on differentiating defamation from blasphemy, religious hatred and hostility. The authors make assumptions about improving the legislation pertaining to religious feelings defamation. In particular, they put forward the idea to enshrine the interpretation of some terms in the Russian Federation Supreme Court Decisions or in the special note to Article 148. clarifying some categories, which can make classifying acts as crimes easier for the law enforcers.

Key words: defamation, publicity, acts, believers, feelings.

Одной из приоритетных задач отечественного уголовного законодательства уже на протяжении многих лет является защита прав, свобод и законных интересов личности и, в частности, таких конституционных прав, как свобода совести и вероисповедания. Уголовным кодексом Российской Федерации (далее УК РФ) за нарушение этих прав предусмотрена

ответственность по ст. 148. Так, ч. 1 указанной статьи признает преступлением публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Помимо этого в УК РФ имеется большое количество статей, где в качестве признака преступления указан мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды (например п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – хулиганство, ч. 2 ст. 214 УК РФ – вандализм, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – надругательство над телами умерших и местами их захоронения). Кроме того, ч. 2 ст. 5.26 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее КоАП РФ) предусматривает ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение. В связи с этим в правоприменительной практике возникают проблемы квалификации конкретных деяний, связанных с оскорблением чувств верующих. Сложность, прежде всего, вызывает оценочность понятия оскорбление, его отграничение от таких понятий, как осквернение, религиозная ненависть или вражда. Религиозные чувства верующих, признак публичности действий, явного неуважения к обществу так же неоднозначны в своей трактовке и субъективном понимании. Целью статьи является рассмотрение некоторых проблем толкования указанных понятий с использованием примеров противоправных деяний. Для решения этих проблем авторами сделаны предложения по совершенствованию законодательства, связанного с оскорблением религиозных чувств верующих.

Все деяния совершаются в форме действия или бездействия. В ряде случаев форма преступного деяния указывается в диспозиции статьи УК РФ или ее части. Именно таким образом законодатель поступил при определении объективной стороны ч. 1 ст. 148 УК РФ, закрепив, что наказуемым является публичное действие. Подобная конкретика объяснима: оскорбление не может быть выражено в форме бездействия, для его осуществления необходимы активные действия [Воронин 2018: 54-59]. Большинство ученых считают именно так. Однако можно предположить ситуацию, когда при проведении обряда венчания после слов священнослужителя «Господу помолимся» венчающиеся с умыслом на оскорбление религиозных чувств верующих отказываются молиться и креститься, т. е. совершают бездействие. Формально в их деянии содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, но привлечь этих лиц к уголовной ответственности невозможно, поскольку в диспозиции этой статьи прямо указано, что такие деяния могут совершаться только в форме действия. И в данной ситуации закон будет толковаться буквально. Имеет ли смысл внести в диспозицию рассматриваемой части статьи изменения, заменив слово «действие» на «деяние»? Полагаем, что в этом нет необходимости, поскольку степень общественной опасности действия при оскорблении, на наш взгляд, значительно выше бездействия.

Важным для понимания признаком является признак публичности. Как такового понятия публичности в нормативно-правовых актах не содержится. Данный признак предлагается рассматривать по аналогии с признаком публичных призывов, который указан в ст. 280 УК РФ. Согласно п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности. В этом же пункте постановления рекомендовано вопрос о публичности призывов разрешать с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела. Здесь же приведен примерный перечень таких обстоятельств: обращения к группе людей в общественных местах, вывешивание плакатов, распространение обращений путем рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.

Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что публичные действия предполагают совершение противоправных действий, направленных на неограниченный круг лиц. Вместе с тем оскорбление, высказанное одним лицом в диалоге с другим наедине, не может обладать признаком публичности и рассматриваться в рамках ст. 148 УК РФ.

Однако необходимо отметить, что в эпоху глобализации и информатизации общества под публичными пространствами понимают и различные интернет-платформы. Публичность в социальных сетях обеспечивается за счет открытого доступа к большинству серверов, на которых публиковались материалы оскорбительного содержания. Так, фигурант известного уголовного дела по ч. 1 ст. 148 УК РФ – Руслан Соколовский – опубликовал свои видео, в которых в резких выражениях критиковал религию и использовал игры с дополненной реальностью в храме, на открытом для всех пользователей Youtube-канале. Публичность в данном случае формировалась за счет неограниченного доступа лиц, принадлежащих к различным социальным группам, к роликам блогера. Следовательно, публикация оскорбительных материалов в интернет-пространстве полноценно отвечает характеристике публичности, упоминаемой в УК РФ. Исключение, на наш взгляд, могут составлять соответствующие публикации в закрытых для посторонних пользователей страницах социальных сетей лиц, объединенных целью высказаться оскорбительно в адрес религиозных чувств конкретных верующих. Например, если лица создают закрытую группу, целью которой является публикация внутри этой группы материалов, содержащих оскорбления религиозных чувств приверженцев определенной веры, – признака публичности не будет и привлечь их к ответственности по ст. 148 УК РФ будет нельзя. Заслуживает внимания исследование, проведенное и опубликованное коллективом авторов С. В. Дорониной, М. В. Кашеевой, Ю. В. Трубниковой. Ими проведено тестирование студентов, на основании которого сделан вывод о том, что официально признаваемая публичность интернет-общения не является субъективно значимой для пользователей. Носители языка воспринимают интернет-коммуникацию как межличностную, а не как публичную, не видя разницы между ней и непосредственным устным общением. Соглашаясь с этой позицией, хочется отметить, что в сложившейся правоприменительной практике, несмотря на субъективное восприятие некоторыми лицами общения как межличностного, объективно оно осуществляется в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования, включая сеть Интернет, и будет соответствовать признакам публичности (за исключением приведенного примера закрытой группы). Единственное, что можно рекомендовать законодателю, это обратить внимание на обстановку совершения подобного деяния. В случае, если общение происходит между двумя лицами и никто из других пользователей не ознакомился с их диалогом, возможно рассмотреть эти действия с позиции отсутствия признака публичности и, в конечном

счете, отсутствия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, или предусмотреть это обстоятельство в качестве смягчающего наказание.

Одним из наиболее дискуссионных элементов объективной стороны ч. 1 ст. 148 УК РФ является понятие «явное неуважение к обществу». Справедливо отметить, что данная явно оценочная категория применяется не только в анализируемой статье, но и в ряде иных диспозиций, включая ст. 213 УК РФ, с которой ч. 1 ст. 148 УК РФ имеет много общего. Н. Ф. Кузнецова предлагала понимать явное неуважение к обществу как пренебрежительное отношение к важнейшим нравственным устоям общества, противопоставление другим гражданам или демонстрацию своего мнимого превосходства над ними [Кузнецова 1963: 9]. Применительно к ст. 148 УК РФ «явное неуважение к обществу» имеет общепризнанное значение, описанное в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». То есть «явное неуважение к обществу» есть умышленное нарушение общепризнанных норм и правил поведения, продиктованное желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним.

Так, приговором мирового судьи судебного участка №10 Вятскополянского судебного района Кировской области от 31.05.2016 Шайдуллин и Казанцев признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ. Судом установлено, что вечером 22 сентября 2015 года Казанцев и Шайдуллин пришли к поклонному кресту, находившемуся в деревне Старая Малиновка Вятскополянского района Кировской области и повесили на него самодельное чучело с маской клоуна, а на кресте сделали надпись: «Аллах Акбар Смерть Неверным». Суд пришел к выводу, что преступные действия выразились в явном неуважении к обществу и пренебрежительном отношении к православной вере, в целях высмеивания почитаемого верующими религиозного символа – православного креста и религиозных канонов. Очевидно, что публичность и явная провокационность действий Казанцева и Шайдуллина прямо свидетельствует об их желании противопоставить себя окружающим путем умышленного нарушения общепризнанных норм поведения об уважении к почитаемым святыням, а также желании продемонстрировать пренебрежительное отношение не только к приверженцам православной веры, но и окружающим. Действия Казанцева и Шайдуллина выразились в осквернении поклонного креста как предмета религиозного почитания, знака или эмблемы мировоззренческой символики и атрибутики. Но подобные действия предусматривают ответственность по ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ. В связи с этим возникает вопрос, чем отличаются действия по осквернению от уголовно наказуемых действий по оскорблению. Термин «осквернение» в праве не раскрывается. Профессор С. Н. Астапов предлагает трактовать его как «совокупность нарушающих религиозные нормы действий, направленных на репрезентации сакрального» [Астапов 2017: 5-11]. Объективная сторона ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ состоит в совершении одного из действий: оскорбление религиозных чувств граждан публичным образом или в частном порядке путем грубого, неуважительного отзыва, высмеивания религиозных догм и канонов, которые исповедует лицо, или личных качеств гражданина, связанных с его религиозной принадлежностью; осквернение почитаемых гражданами предметов, знаков, эмблем мировоззренческой символики (циничное поругание, опорочивание, унижение, издевательство над принципами индивидуальной и общественной нравственности. Справедливо предположить, что осквернение, предполагающее в своей сути физическое влияние на конкретные религиозные атрибуты, может быть одной из форм оскорбления, которое в свою очередь может проявляться и в устной форме и не быть прямо направлено на нарушение целостности предметов религиозного обихода. В то же время основным критерием различия между данными составами нам видится определенность перечня предметов, на которые может быть направлено осквернение как действие. К таковым относят: религиозную или богослужебную литературу, предметы религиозного почитания, знаки или эмблемы мировоззренческой символики и атрибутики (предметы культа: иконы, церковная утварь, религиозные книги, одеяния священников, предметы искусства и старины, знаки как религиозного, так и не религиозного характера, выражающие идейные позиции их носителей и почитателей, например, православный и католический крест, красноармейская звезда, красный крест, голубь мира). Таким образом, предмет ст. 5.26 КоАП РФ может быть и не связан с религиозными чувствами верующих. Вместе с тем объективная сторона ч. 1 ст. 148 УК РФ включает более широкий спектр действий, способных оскорбить религиозные чувства верующих. Анализ судебной практики по ч. 1 ст. 148 УК РФ доказывает, что к таким действиям относили и написание статей, в которых жестко критиковались именно идеи христианства, и комментирование определенных новостей фразой «Божа нет» и т. д. Таким образом, грань между действиями, предусмотренными ч. 1 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ очень тонка и не всегда понятна. Необходимо более четко определить пределы уголовной и административной ответственности за указанные аналогичные деяния. Как вариант, объединить эти действия в одну статью уголовного либо административного законодательства.

В то же время ряд статей особенной части УК РФ в своей диспозиции указывают такой вид преступного действия, как «оскорбление». Использование данного термина в законодательстве вызывает затруднение как с правовой точки зрения (самостоятельный состав преступления, предусматривающий ответственность за оскорбление в ныне действующем уголовном законодательстве отсутствует), так и с лингвистической, поскольку само понятие оскорбления носит оценочный и субъективный характер. Официальное толкование понятия «оскорбление» содержится в ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ и означает унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Некоторые авторы справедливо полагают, что в правоприменительной практике часто происходит смешение правового понимания оскорбления как унижения чести и достоинства и бытового понятия оскорбления. Так, И. А. Стернин полагает, что под оскорблением часто понимают обиду, т. е. «индивидуальную субъективную негативную эмоционально-психологическую реакцию человека на сообщение о нем негативной информации» [Магемарова 2018: 93-102]. Таким образом, степень унижения чести и достоинства различна, оскорблением может признаваться высшая степень унижения, форма которой противоречит принятым в обществе нормам морали и нравственности.

Наличие в составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, таких признаков, как публичность, явное неуважение к обществу и указание на чувства верующих (не одного верующего), позволяет сделать вывод о том, что оскорбление в данном деянии направлено в отношении какой-то группы, объединенной по религиозным признакам, а не на унижение конкретного человека.

Понятие оскорбления религиозных чувств верующих не приводится ни в одном из действующих нормативно-правовых актов, поэтому это действие представляет особую сложность в понимании. Очевидно, что в действующем законодательстве и уточняющих правовых актах не существует полного списка поступков, способных оскорбить чьи-либо религиозные чувства. Описывая преступные действия, связанные с анализируемым деянием, Д. А. Казанцев указывает: «... не все, а только некоторые действия виновных лиц могут преследовать цель существенно оскорбить религиозные чувства верующих. Так, очевидно, речь идет о действиях, связанных со святотатством (осквернением догматов, религиозной святыни и пр.) и (или) кощунством (язвительными насмешками, издевательством, неуважением к правилам жизни или обрядам той или иной религии). Богохуление, т. е. непочтение к Богу, выражаемое дерзкими словами или какими-нибудь поступками, не может рассматриваться как уголовно наказуемое деяние, за исключением случаев причинения вреда, имеющих уголовно-правовое значение, т. е. степень вредоносности должна быть существенной. Так, например, заявление атеиста, что Бога не существует, не образует состава преступления» [Казанцев 2019: 37]. Говоря об особенностях и проблемах применения ч. 1 ст. 148 УК РФ, необходимо отметить, что в диспозиции статьи содержатся такие оценочные понятия, как религиозные чувства и верующие. Очевидно, что в данный момент законодатель не создал нормативно-правового акта, в котором бы растолковал значение этих терминов. Примерное их содержание раскрывается в доктрине. Так, Г. В. Рева и Т. А. Цергой предлагают понимать под религиозными чувствами «психоэмоциональное отношение верующих к сакральным понятиям, святыням, персонам, местам, друг к другу и к себе, а также к религиозно воспринимаемым явлениям природы и к миру в целом». Самая явная проблема данного понимания заключается в субъективности оценки каждого из указанных критериев. Очевидно, что для расследования преступлений, связанных с оскорблением религиозных чувств верующих, привлекаются, как правило, лингвисты, но далеко не каждый профессионал сможет правильно трактовать, например, отношение верующих к тому или иному религиозному предмету, ввиду того, что верующие представляют из себя группу лиц с разным мировосприятием и пониманием степени «оскорбительности деяния». Следовательно, основная сложность заключается в том, что у каждого конкретного верующего будет, по сути, свое религиозное чувство.

Универсального метода определения того, что следует считать поведением, оскорбляющим религиозные чувства верующих, не существует. Квалификация подобных действий зависит, зачастую, от субъективной оценки таких действий экспертом. При судебно-лингвистических исследованиях эксперты обращают внимание на три признака оскорбительного содержания, выделяемые при лингвистической оценке:

- реализация коммуникативной цели оскорбить, унижить представителей группы лиц, объединенных по религиозному признаку;
- использование в тексте лексических, изобразительных и иных средств, нарушающих нормы коммуникативной этики;
- ситуация коммуникации: отнесенность к религиозной парадигме [Астапов 2017: 98-103].

В первую очередь эксперты оценивают представленный материал с позиции наличия в нем негативной информации о религиозных группах или отдельных лицах как представителях данных групп. Характер негативной информации также подлежит экспертному анализу: необходимо установить значение унижительной оценки лица или группы, речевую цель унижения и неприличную форму выражения этих значений, соотносимую, согласно экспертным методикам, с вульгарно-просторечными и нецензурными языковыми единицами [Доронина, Кацаева, Трубникова 2022: 45-52]. Практика производства судебной лингвистической экспертизы показала, что если высказывания не содержат таких языковых средств, как вульгарные метафоры, грубо-просторечные или нецензурные лексемы и конструкции, то это затрудняет квалификацию речевого действия как оскорбления.

Несмотря на точность и рациональность подобных критериев, необходимо признать, что далеко не всегда субъект правонарушения действительно ставит перед собой цель – оскорбить именно религиозные чувства. Обратимся к делу блогера Руслана Бобиева, разместившего в своем телеграм-канале фотографию, сделанную на фоне храма Василия Блаженного и носящую вызывающий характер. На ней девушка в полицейской форме сидит лицом к Бобиеву, имитируя половой акт. Нет сомнений в том, что изображение было сделано с целью эпатаживать граждан и выразить неуважение к ряду социальных групп, включая работников правоохранительных органов. Однако открытым остается вопрос о том, выступает ли храм в данном случае предметом оскорбления. Дело в том, что храм Василия Блаженного может рассматриваться и как исторический памятник, выступающий символом национального самосознания. При подобной интерпретации деяние уже можно квалифицировать как хулиганство или экстремизм.

Смежной анализируемой статье является и ст. 282 УК РФ, т. к. в ней закрепляется такая разновидность экстремистской деятельности, как возбуждение ненависти либо вражды по признакам отношения к религии. На первый взгляд может показаться, что указанный вид экстремизма как бы включает в себя оскорбление верующих (особенно учитывая дефиницию оскорбления как преступного действия). Однако мы считаем, что в данном случае, помимо основного признака возбуждения ненависти, либо вражды, различие лежит в признаках потерпевшего. В частности, потерпевшим в ч. 1 ст. 282 УК РФ может выступить любое лицо, включая атеистов, что показывает судебная практика. Так, в 2017 году СК РФ возбудил уголовное дело против М. Дроздова, выложившего на своей странице в соцсети «ВКонтакте» стих, в котором называл атеистов мерзкими и предлагал вернуть инквизицию для борьбы с ними. В ч. 1 ст. 148 УК РФ потерпевшие прямо определены в диспозиции. В качестве таковых выступают именно верующие.

В доктрине права также не существует единого мнения о том, кто такой верующий как потерпевший. Достаточно интересное определение предлагает К. В. Петухов, трактуя верующих как «лиц, подтвердивших свою принадлежность к зарегистрированной в установленном законом порядке и не запрещенной на территории РФ религиозной организации». Автор предполагает, что подобная дефиниция имеет право на законодательное закрепление в примечании к ч. 1 ст. 148 УК

РФ [Петухов 2015: 38-42]. Однако, на наш взгляд, спорным представляется термин «подтвердивших свою принадлежность», т. к. подтвердить отношение к какой-либо религии неким объективным способом не представляется возможным.

В действующем законодательстве так же не существует дефиниции термина «верующие», что значительно затрудняет определение не только потерпевшего, но и объекта преступления. В Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» также говорится о недопустимости умышленного оскорбления чувств граждан в связи с их отношением к религии (следовательно, должно быть под запретом оскорбление чувств атеистов и агностиков). Примечательно, что в этом законе слово «верующие» не употреблено ни разу. Диспозиция ст. 148 УК РФ содержит дискриминационные положения, говоря об оскорблении чувств исключительно верующих, но не атеистов. Или если предположить, что человек не верует в бога, но с уважением относится к религиозным чувствам, считает неприемлемым насмешки над такими чувствами и испытывает по этому поводу оскорбление. Можно ли в таком случае считать это лицо (группу таких лиц) потерпевшими по ч. 1 ст. 148 УК РФ? На наш взгляд, можно, поскольку умыслом субъекта охватывается оскорбление именно религиозных чувств, при этом ему безразлично испытывают эти чувства верующие или нет. Полагаем, что в диспозиции данной статьи в качестве предмета преступления достаточно указать религиозные чувства, исключив признак потерпевшего – «верующего».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что оскорбление в том лингвистическом значении, в котором оно употребляется в диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, представляет из себя сложную юридическую конструкцию, включающую в себя различные формы реализации данного правонарушения на практике. Эти действия сложно отграничить от схожих действий, совершенных по мотивам религиозной вражды и ненависти, а также от административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ. Ошибочным является представление, при котором оскорбление понимается исключительно как речевое проявление агрессии в адрес верующих как социальной группы. По сути, оскорбление может проявляться в форме изображений, видеоматериалов, а также жестов. Большое значение для правоприменителя при квалификации деяния как преступления будут играть признаки публичности, явного неуважения к обществу, т. к. именно открытое негативное отношение к верующим и почитаемым ими идеям и убеждениям составляет объективную сторону преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 148 УК РФ. Необходимо отметить: общее негативное отношение к религии и ее атрибутам не является преступлением и не формирует его объективную сторону. Закрепленное в Конституции право на свободу совести позволяет гражданам самим формировать свое мнение относительно деятельности религиозных организаций. Таким образом, мы можем утверждать, что основной проблемой, с которой могут столкнуться правоприменители при квалификации анализируемого деяния, это субъективность и дискуссионность таких категорий, как «оскорбление», «публичность», «явное неуважение к обществу», «религиозные чувства верующих». На наш взгляд, наиболее продуктивным способом разрешения данной проблемы может стать появление законодательного комментария, выраженного, например, в форме Постановления Пленума Верховного Суда РФ или примечания к ст. 148 УК РФ, где будут даны четкие определения указанных понятий. Кроме того, ввиду схожести законодательных конструкций ч. 1 ст. 148 УК РФ и ч. 2 ст. 5.26 КоАП предлагается объединить указанные деяния в одну статью уголовного, либо административного законодательства.

Литература

- Астапов С. Н.* Осквернение сакрального: казус «Тангейзера» / Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. – 2017. – №3 (1). – С. 5-11.
- Астапов С. Н.* Религиоведческий аспект экспертизы по делам об оскорблении религиозных убеждений и чувств / Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – №12. – С. 98-103.
- Воронин В. Н.* Уголовный закон на страже чувств верующих / Законодательство. – 2018. – №12. – С. 54-59.
- Доронина С. В., Кацаева М. В., Трубникова Ю. В.* Оскорбление религиозных чувств: обыденное сознание и правоприменение / Юрислингвистика. – 2022. – №24. – С. 45-52.
- Казанцев Д. А.* К вопросу об уголовно-правовой охране религиозных чувств верующих / Российский следователь. – 2019. – № 9. – С. 37.
- Кузнецова Н. Ф.* Уголовная ответственность за нарушение общественного порядка. М., 1963. С. 9.
- Магеромова Ю. Ю.* Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 93-102.
- Петухов К. В.* Правовой статус верующих: его уголовно-правовое значение / Российский следователь. – 2015. – № 14. – С. 38-42.

References

- Astapov, S. N. (2017). Desecration of the sacral: the «Tannhäuser» case. South Pole. Investigations of the modern west philosophy, 3, 5-11 (in Russian).
- Astapov, S. N. (2017). The Religious Studies Aspect of Forensic Evaluation in Cases Involving Offense to Religious Beliefs and Sensibilities. Theory and Practice of Forensic Science, 12, 98-103 (in Russian).
- Doronina, S. V. Kashaeva, M. V. Trubnikova, Yu. V. (2022). "Insulting Religious Feelings": Everyday Consciousness and Law Enforcement. Legal Linguistics, 24, 45-52 (in Russian).
- Kazantsev, D. A. (2019). On the criminal law protection of religious feelings of the faithful. Russian Investigator, 9, 36-40 (in Russian).
- Kuznetsova, N. F. (1963). Criminal responsibility for disorderly conduct, 9 (in Russian).

Mageramova, Yu. Yu. (2018). Legal and Linguistic Contradictions in Concept of "Insult" Interpretation. *Scientific dialog*, 7, 93-102 (in Russian).

Petukhov, K. V. (2015). Legal status of religious persons: criminal-law significance thereof. *Russian investigator*, 14, 38-42 (in Russian).

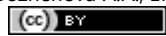
Voronin, V. N. (2018). Criminal law as safeguard of religious feelings. *Legislation*, 2, 54-59 (in Russian).

Citation:

Боженова А.А., Ерахмилевич В. В. Проблемы квалификации деяний, связанных с оскорблением чувств верующих // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 105-110.

Bozhenova A.A., Erahmievich V. V. (2023). Challenges at Classifying Acts of Religious Feelings Defamation. *Legal Linguistics*, 28, 105–110.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Неприличная форма высказывания: право, лингвистика, экспертная практика

С. В. Доронина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Алтайский филиал)*

ул. Партизанская 187, 656008, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Статья представляет собой краткий обзор исследований категории «неприличная форма высказывания» как главного признака оскорбления в юридической лингвистике. В работе показано, что оскорбление в его наивно-языковом и лингвистическом смысле, закрепленном в термине «инвектива», не тождественно оскорблению как правовому феномену. Разногласия лингвистов, исследующих инвективу в проекции на норму закона, сводятся к двум вопросам: соответствие запретительных лексикографических помет правовому определению «неприличная форма» и оценка (не)приличия формы в условиях исследуемой коммуникативной ситуации. При широком толковании понятия «неприличная форма» в зону правовой ответственности попадают все грубые нарушения речевой этики и институциональных коммуникативных регламентов. При узком подходе неприличными признаются только явно циничные, запрещенные к публичному употреблению выражения. Второй подход в настоящее время имеет более широкую поддержку, хотя среди его приверженцев все же имеются расхождения в том, какую стилистическую окраску – нецензурное, вульгарное, грубое, бранное – следует считать «неприличной формой». В настоящее время разработаны методики экспертного лингвистического исследования инвективных речевых актов. Одна из наиболее авторитетных из них представлена в научно-информационном пособии «Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении», разработанном в Российском Федеральном центре судебных экспертиз Минюста России; около десяти лет она успешно применяется для анализа речевых конфликтов различной сложности. Сравнительный анализ методов, отраженных в публикациях последнего десятилетия, также обнаружил несогласованность действий судебных экспертов разных ведомств в решении вопроса о неприличной форме высказывания, что, безусловно, требует дальнейших усилий экспертного сообщества России по выработке единого подхода к анализу конфликтных высказываний.

Ключевые слова: неприличная форма, инвектива, оскорбление, нецензурная лексика, обсценизм.

Indecent Utterance in Law, Linguistics and Forensic Examinations

S. V. Doronina

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation (Altai branch)*

187 Partizanskaya Street, Barnaul, Russia, 656008. E-mail: doroninasv73@mail.ru

The article is a brief overview of the studies of the category of "indecent form of utterance" as the main indication of insult in legal linguistics. The paper shows that insult in its naive-linguistic and linguistic sense, enshrined in the term "invective", is not identical to insult as a legal phenomenon. Linguists involved in in-depth studies of invective as it is understood by the provision of law disagree about two points: correspondence of prohibitive lexicographic tags to the legal definition of "indecent form" and assessment of (in)decency of forms in a particular communicative situation. When "indecent form" is interpreted widely, all gross violations of speech ethics and institutional communication regulations are seen as subjects of legal liability. With a narrow approach, only explicitly cynical statements forbidden for public use are recognized as indecent. The second approach now has broader support, although among its adepts there is still disagreement about what stylistic coloring - obscene, vulgar, rude, abusive - should be considered "indecent transfer". Currently, methods of expert linguistic research of invective speech acts have been developed. One of the most authoritative of them is presented in the scientific and information manual "Forensic Linguistic Expertise in the Case of the Charges", developed at the Russian Federal Center for Forensic Expertise of the Ministry

of Justice of Russia; it has been successfully used for analysis of speech conflicts for about ten years. Comparative analysis of methods described in major research papers of the previous decade also demonstrates inconsistency in the actions of experts from various institutions concerning indecent wording, which, of course, requires research by the Russian expert community to develop a uniform approach to the analysis of conflict utterances.

Key words: indecent form, invective, insult, obscene words, vulgar words.

Понятие неприличной формы высказывания привнесено в лингвистику юридической наукой, использующей данную категорию для определения преступлений против права личности на защиту чести и доброго имени. «Неприличная форма» встречается в диспозициях ряда статей Уголовного кодекса и Кодекса об административных правонарушениях: УК РФ, статья 319 «Оскорбление представителя власти»; статья 297 «Неуважение к суду»; статья 336 «Оскорбление военнослужащего»; КоАП РФ, статья 5.61 «Оскорбление». Оскорбление - запрещенные формы проявления неуважения. Данная категория необходима законодателю для указания на особый способ совершения речевого правонарушения, проявляющегося в циничном попрании этических норм коммуникации, выработанных обществом. При этом демонстративное игнорирование правил речевого поведения, недопустимое в оценке отдельной личности, пресекается и при выражении отношения к ряду социальных групп (ст. 148 УК, запрещающая действия, совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих), а также в массовой коммуникации - в рекламе и СМИ. Так, например, часть 6 статьи 5 ФЗ «О рекламе» содержит следующее положение: «В рекламе не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений, в том числе в отношении пола, расы, национальности, профессии, социальной категории, возраста, языка человека» (см. об этом Акинина 2023).

К сожалению, законодательная норма не дает определение неприличной формы: пояснения относительно объема и содержания этого понятия обнаруживаются только в комментариях к УК. Например, неприличная форма определяется как «явно циничная, а потому резко противоречащая принятой в обществе манере общения между людьми. Это, прежде всего, нецензурные выражения, сравнение с одиозными историческими и литературными персонажами.» [Цит. по «Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы», 2004, с. 30], а также как «нанесение обиды, которая может быть выражена устно, например, в виде ругательств или нецензурных прозвищ; письменно в виде записок или писем неприличного содержания; в виде телодвижений - пощечин, плевков в лицо и т. п. действий». [Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации, 1996: URL].

Междисциплинарный характер категории «неприличная форма», ее положение на стыке лингвистики, этики и права, как это часто бывает, лишает ее однозначности и делает предметом научного обсуждения на протяжении продолжительного времени. Недостаточная точность определения ощущается и самим законодателем, что обуславливает не слишком успешную попытку уточнить понятие «оскорбление» в новой редакции КоАП РФ от 2020 г. В частности, под оскорблением предлагается понимать унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. Подобное расширение еще более затрудняет применение законодательной нормы, поскольку предлагает использовать сразу два понятия, лишенные четкого предметного содержания. К тому же закрепленные в языке антонимические пары «моральный – аморальный», «нравственный – безнравственный», «приличный – неприличный» без каких-либо промежуточных значений, явно демонстрируют неградуальный характер этих оппозиций. По этой причине формулировка КоАП, подразумевающая, помимо категорий приличного и неприличного, еще одну добавочную оценочную категорию, противоречит логическому закону исключенного третьего и требует разъяснений.

Трудность правового определения понятия «неприличная форма» обусловила его активное обсуждение лингвистами, поскольку открыла новый ракурс как для системы языковых форм, так и для методов их исследования. В целом можно сказать, что накопление экспертной практики и ее теоретическое осмысление постепенно ведет к обретению данным понятием более четких очертаний.

Как показывают исследования в области этики речевого общения, трудности в описании средств выражения негативного отношения объясняются двумя причинами. Во-первых, для этих целей могут быть использованы единицы всех языковых уровней, включая суперсегментные средства (ср. отражение инвективной функции интонации в выражениях «ироничный тон», «резкий тон», «разговор на повышенных тонах»), а во-вторых, резкость эмоционально-оценочного значения варьируется в зависимости от условий общения: «В аспекте ортологического подхода приличие в общении – это соответствие языковой единицы общим нормам современного русского литературного языка. В аспекте релятивного подхода приличие понимается как уместность и допустимость языковой единицы в конкретной коммуникативной ситуации». [Осадчий, 2007: 42]. Развитие данной темы привело к глубокому и многостороннему изучению феномена речевой инвективы (см., например, Щербинина 2008), описание которого не входит в задачи настоящего обзора. Для нас в данном случае важно, что при таком подходе оскорбление в его наивно-языковом и лингвистическом смысле, закрепленное термином «инвектива», отождествляется с оскорблением как правовым феноменом. Высказывание оценивается как неприличное ввиду того, что в нем обнаруживаются нарушения норм речевого общения – в первую очередь, коммуникативных и этических. Данная точка зрения разделяется довольно широким кругом исследователей: «Этико-культурные нормы, в частности приличность/ неприличность, исторически, социально, этнически, ситуативно обусловлены. Невозможно охарактеризовать языковое средство как приличное/ неприличное без учета всех факторов коммуникативного акта: места, времени коммуникации, наличия свидетелей, характера взаимоотношений между коммуникантами, их предшествующего опыта общения и др.» [Иваненко 2016,

132]. Описаны попытки применения широкого толкования неприличия в экспертной практике: были квалифицированы как оскорбление экспрессивная резко негативная оценка лица в ситуации официально-делового общения (Зуга 2016), нарушение субординации, определяемой социальным статусом конфликтующих сторон – студента и ректора вуза (Саломатина 2022), унижение и запугивание подчиненного (Шахматова 2013); публичная дискредитация представителя власти (Напреенко 2018; Чернышова 2014), распространение информации о психическом заболевании лица. (Иссерс 2020).

Морально-этические нормы отражаются в высказываниях на уровне отбора лексических единиц. Пожалуй, впервые данная идея была воплощена в работе «Понятия чести, достоинства и деловой репутации», авторы которой, члены Гильдии лингвистов-экспертов ГЛЭДИС, разработали тематическую классификацию инвективных лексем. [Понятия чести ... 2004, 68-71]. Работа имела высокое прикладное значение, поскольку в ранних лингвистических экспертизах по делам об оскорблении использовалась для квалификации высказываний как неприличных (см. опубликованные экспертные заключения по делам об оскорблении в ранних выпусках журнала «Юрислингвистика», а также в Цена слова 2002).

Вопрос о том, какие типы значений запрещены речевой этикой к публичному выражению, безусловно, справедлив, однако вряд ли имеет ответ в виде закрытого перечня строго формулируемых правил. В то же время для успешного применения используемого законом понятия «неприличная форма» необходимы устойчивые и надежно проверяемые признаки. Таковыми безусловно являются (со всеми известными оговорками) лексикографические сведения о словах, отражающие в том числе и морально-этические ценности социума. Поэтому поиск корреляций неприличной формы постепенно сдвигался из области семантики в область стилистики. Несмотря на то, что лингвисты привыкли разделять значение слова и его функциональную окраску, в группе лексем с негативно-оценочным значением между этими аспектами проявляется достаточно устойчивая зависимость. Так, тематическая классификация лексем и их последующее стилистическое описание с опорой на толковые словари литературного языка демонстрируют, что наиболее резкие стилистические пометы (бранное, грубое, вульгарно-просторечное и под.) чаще встречаются среди лексем определенных лексико-тематических групп: общеоценочной, оценки интеллекта и сексуального поведения. Таким образом, в рамках юридической лингвистики победу одержала идея установления неприличной формы слов на основе анализа стилистических помет.

Поскольку комментарий к УК РФ нацеливает внимание лингвистов на «явно циничные» и «резко противоречащие нормам морали» способы выражения негативного мнения о лице, объектом исследований становится нелитературная лексика, сопровождаемая лексикографическими пометами нецензурное, грубое, вульгарное, бранное и пр., а основной задачей – соотнесение правового понятия неприличной формы с традиционными лексикографическими сведениями о функциональной принадлежности слова. Последователи данного подхода, тем не менее, не достигают согласия в определении конечного перечня словарных помет, сигнализирующих о неприличной форме высказывания. Спорными являются пометы «бранное», «жаргонное», «разговорно-сниженное»: их включают в число маркёров неприличной формы немногие авторы (Жельвис 2001, Напреенко 2018; Пачина, Пекарская 2016). Некоторые авторы настаивают на том, что неприличная форма в юридическом понимании соотносима с пометами «грубое», «вульгарное», «вульгарно-просторечное» (Кусов 2013; Салаяев 2014): «Наивысшей императивностью и категоричностью обладает помета «вульг.». Ею снабжается действительно неприличная, непристойная, нецензурная лексика, использование которой в любой сфере общения категорически запрещено». [Салаяев 2014: 388]. Наконец, есть группа авторов, которые к неприличным относят лишь лексемы нецензурные и обценные: «в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность» [Бринев 2009, с. 107]. Эта позиция получает следующее обоснование. Неприличие может проявляться в разной мере и степени и эти проявления не имеют объективной измерительной шкалы, следовательно, наступление правовых последствий допустимо только в абсолютно бесспорных случаях. Данную точку зрения разделял известный российский лингвист И.А. Стернин, выделяя при этом высказывания, неприличные по форме, и высказывания, неприличные по содержанию: «Неприличие (непристойность) содержания – это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе нравственно запрещены к общественному публичному обсуждению (например, секс, физиологические процессы организма, телесный низ и под.). <...> бранные и нецензурные языковые единицы, они рассматриваются как неприличная форма выражения мысли в речи». [Стернин 2011, 394].

Отсутствие единодушия в установлении стилистических маркеров неприличной формы обусловлено не только размытостью правового определения, но и объективной сложностью классификации лексем по их стилистическим признакам. Известно, что в разных лексикографических источниках для одной и той же стилистической окраски используются различные обозначения, и это замечание особенно справедливо по отношению к субстандартной сниженной лексике: «В некоторых источниках термины «матерный» и «обценный» полностью дублируют друг друга, в других же – сообщается о том, что мат является лишь частью обценной лексики русского языка». [Магеромова, 2018, с. 97]. Добавим к этому, что довольно трудно различить объем понятий для помет «грубое» и «бранное», «сниженное» и «просторечное» в разных словарях. Кроме того, инвективная лексика, являясь коннотативно окрашенной, легко меняет интенсивность оценки и даже ее знак, подстраиваясь под ситуацию общения: «В разных контекстах и ситуациях, по отношению к разным лицам и в употреблении разных лиц, одно и то же слово на шкале инвективности достаточно легко меняет свое место» [Голев 2000, 12]; «При возрастании напряженности слова, то есть его чувствительности к изменившимся обстоятельствам ситуации, такого его состояния, когда в нем активизируется потенциальная конфликтность, единицы, не имеющие неприличной формы, способны менять свое положение на шкале инвективности». [Попкова 2019, 155]. Это свойство хорошо известно лингвистике как энантиосемия экспрессивно

окрашенных слов: выражение «Эх, как здорово поёт, собака!» содержит пейоративную лексему, выражающую, однако, положительную оценку (восхищение!). Наконец, мешает единообразному словарному описанию инвективной лексики отсутствие единого подхода к описанию стилистической окраски слов: известно, что в словарях непоследовательно применяются пометы, описывающие экспрессивность слова и его стилиевой регистр. Пример такого несовпадения видим в слове

Дебил – 2) переносное, разговорно-сниженное. Тупой, несообразительный человек. [Ефремова 2000].

Дебил – грубое, бранное, разговорное. О тупом, несообразительном человеке. [Химик 2004].

Дебил – просторечное, пренебрежительное. Умственно отсталый, слабоумный; дурень, тупица. [Квеселевич 2005].

в лексикографических портретах которого наблюдается расхождение как в стилиевом регистре (разговорное – просторечное), так и в экспрессивных свойствах (сниженное – грубое/бранное – пренебрежительное).

К сожалению, расхождение в словарных описаниях инвективных лексем на сегодняшний день является непреодолимым. Поэтому Н. Д. Голевым была выдвинута идея создания специального юрислингвистического словаря, направленного на описание конфликтогенного потенциала инвективов, в основе которого будет лежать специальная шкала лексической инвективности: «нейтральное — обидное — оскорбительное». В этом случае под неприличной формой, по мнению Н. Д. Голева, следует понимать «форму с использованием лексем, лидирующих на шкале «сильной» инвективности» [Голев 2000, 20]. Степень инвективности (нарастание оттенков оскорбительного значения) определяется количественным методом: «если от 80% до 100% словарей указывают на то, что слово бранное, презрительное или уничижительное, то степень его инвективности «высокая», если от 50% до 80% – «средняя», от 20% до 50% – «невысокая», от 1% до 20% – «малая». [Голев 2003, 96]. Так, по наблюдениям Н. Д. Голева, к словам с высокой степенью инвективности относятся болван, дубина, идиот, кретин, осел и т. д., к словам со средней степенью инвективности – балда, дурак, олух и т. д., к словам с невысокой степенью инвективности – балбес, бестолочь, тупица и т. д. и малой степенью инвективности – дурень, пень, полудурок и т. д.

Противоречия в интерпретации понятия «неприличная форма» отразились и в экспертной практике на этапе создания экспертных методик. В частности, судебные государственные эксперты криминалистических центров МВД России отказываются от решения вопроса о неприличной форме, считая его сугубо правовым. В обоснование позиции предлагаются следующие аргументы. Поскольку четких критериев оскорбительного (унизительного) и неоскорбительного нет, их содержание зависит от различного ряда условий: уровня жизни, образования, принятых форм и средств общения и т.п. В этом случае выработка стабильных и устойчивых стандартов весьма затруднительна, а иногда невозможна. Потому «... определение унизительности деяния происходит на основании усмотрения (и, возможно, внутреннего убеждения) судебно-следственных органов и непременно с учетом принципа субъективного вменения (осознания нарушителем обстоятельств, условий и последствий своего преступления – СД)». [Брагина, Мамаев, Манянин 2010, 29]. Выводы эксперта-лингвиста не содержат оценки высказывания с точки зрения приличия. В лингвистической экспертизе «выявляются высказывания, содержащие негативную оценку лица, и определяются стилистические характеристики средств выражения негативной оценки в конкретном контексте употребления высказывания. Указанные выводы могут быть использованы правоприменителем при квалификации содеянного». [Брагина, Мамаев, Манянин 2010, 31].

Иного подхода придерживается И.А. Стернин, член Гильдии лингвистов-экспертов ГЛЭДИС, широко известной в России. По его мнению, морально-этический критерий проявляется в возможности употребления слова в общественном месте. По такому принципу лексика делится на три группы: приличная (допустима в общественном месте) некультурная (неуместна, не рекомендуется к использованию в общественном месте) неприличная (табуирована, полностью запрещена к использованию в общественном месте). К некультурной лексике относятся все нелитературные слова, за исключением нецензурных (сниженная, жаргонная, просторечная, вульгарная лексика). Наконец, к «неприличным» относятся нецензурные слова. [Стернин, Антонова, Карпов, Шаманова 2013, с 21]. При этом к классу нецензурных относятся четыре группы слов «нецензурные обозначения мужского и женского половых органов, нецензурное обозначение акта совокупления, а также нецензурное обозначение женщины-проститутки. Правда, все эти слова имеют в русском языке многочисленные производные – то есть они входят в состав многих слов, которые тоже автоматически становятся нецензурными. К нецензурной лексике относятся также некоторые нецензурные синонимы названных четырех слов – например, м***да.» [Стернин 2011, 5].

В завершение реферативного обзора необходимо сказать и о методике исследования неприличной формы, разработанной экспертами Центра судебных экспертиз при Минюсте РФ Т. М. Изотовой, А. М. Плотниковой и В. О. Кузнецовым (2016). Эксперты исходят из общепринятого положения о том, что неприличными являются только такие высказывания, которые крайне цинично нарушают правила и нормы поведения в обществе. Табуированными социумом признаются слова-обсценизмы: «под обсценной лексикой нужно понимать лексику двух слоев: 1) матизмы (матерная лексика) 2) вульгаризмы (лексика, не являющаяся собственно матом, но примыкающая к нему, пограничная по своей семантике и речевому употреблению)» [Судебная лингвистическая экспертиза... 2016, 47]. Для выявления лингвистических признаков неприличной формы слова/выражения необходимо установить, является ли данная единица обсценизмом.

Признаками отнесенности языковой единицы к обсценизмам являются следующие:

– лексикографический признак: отсутствие слова/выражения в академических словарях современного русского литературного языка;

– стилистический признак: в словарях субстандартной лексики слова/выражения маркированы пометами «нецензурное»/ «обсценное»/ «неприличное»/ «вульгарное»/ «вульгарно-просторечное»;

– семантический признак: слова/выражения относятся к сексуальной/эксреторной тематике.

Для отнесения слова к группе обценной лексики необходимо наличие всех трех признаков: лексикографического, стилистического и семантического. Отсутствие хотя бы одного из признаков исключает слово из группы лексем, имеющих неприличную форму. [Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, 2016]. Проиллюстрируем работу данного алгоритма на примере слова говно. Лексикографический анализ показывает, что слово принадлежит к нижнему регистру речи, зафиксированному в словарях литературного языка, в частности, в «Словаре русского языка» под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой.

Говно – просторечное, грубое. Экскременты, кал. [Ожегов, Шведова 1996; Шведова 2011].

Однако в этих изданиях исследуемая лексема зафиксирована в своем прямом номинативном значении. Переносное значение слова, выражающее оценку лица и использованное в конфликтной коммуникативной ситуации, обнаруживается только в словарях субстандартной лексики, причем с искомой пометой «вульгарное»:

Говно – вульгарное, бранное. О человеке как о презираемой, ничтожной, подлой личности [Химик, 2017].

По семантике слово является дисфемизмом, поскольку в прямом значении относится к эксреторной тематике. Таким образом, слово «говно» в значении оценки человека, обладает всеми тремя признаками обценности, выделяемыми методикой, и имеет неприличную форму.

Важно иметь в виду, что перечень словарей литературного языка, используемых для установления отсутствия слова в литературном языке, ограничен четырьмя источниками. В него входят только академические словари, созданные московской лексикографической школой: Толковый словарь современного русского языка. Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой; Малый академический словарь под ред. А. П. Евгеньевой; Толковый словарь современного русского языка Лопатина В. В., Лопатиной Л. Е.; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под ред. Н. Ю. Шведовой.

Данное ограничение обусловлено разными принципами отбора слов при составлении толковых словарей. (Например, «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова (2014) и «Большой толковый словарь правильной русской речи» Л.И. Скворцова (2022), декларируя одну и ту же задачу – описание современного литературного языка, имеют колоссальные различия в составе словников). Поэтому без введения описанного ограничения лексикографический принцип выделения обценности неприменим.

Расхождения в существующих экспертных методиках по делам об оскорблении отражают не решенные окончательно теоретические проблемы: соответствие запретительных лексикографических помет правовому определению «неприличная форма» и оценка степени инвективности формы в зависимости от исследуемой коммуникативной ситуации. Причем если первая проблема решается путем уточнения объема понятия «неприличная форма» законодателем, то вторая, очевидно, не имеет простого решения, что, безусловно, требует дальнейших усилий экспертного сообщества России по выработке единого подхода к анализу конфликтных высказываний. Продолжение исследования данной категории необходимо в соответствии с принципом системности права, учитывая перспективу применения категории «неприличная форма» в различных нормативных правовых актах.

Литература

- Акинина А. В. Неприличная форма коммерческих наименований / Юрислингвистика. – 2023. – № 27(38). – С. 88-93.
- Брагина А. Г., Мамаев Н. Ю., Манянин П. А. Применение результатов судебной лингвистической экспертизы при выявлении и расследовании преступлений. Учебно-методическое пособие. Барнаул, 2010.
- Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
- Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Юрислингвистика. – Вып. 2. Русский язык в его естественном и юридическом бытии. – Барнаул, 2000. – С. 8–40.
- Голев Н. Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы). / Актуальные проблемы русистики. Вып. 2. Ч. 1. Томск, 2003. – С. 92–98.
- Жельвис В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. Изд. 2-е, переработанное и дополненное. М., 2001.
- Зуга О. В. О статусе слова «бестолочь» в русском языке и его интерпретации в лингвистике и юриспруденции / Юрислингвистика. – 2016. – № 5 (16). – С. 190-199.
- Иваненко Г.С. Инвектива / оскорбление: аспекты квалификации в экспертной практике / Вестник КемГУ. – 2016. – №3 (67). – С. 129-134.
- Изотова Т.М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении: научно-информационное пособие для экспертов. М., 2016.
- Иссерс О. С. Коммуникативно-прагматические эффекты негативного прогноза в аспекте установления неприличной формы высказывания / Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2020. – №1. – С. 41-51.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Наумова. М., 1996. URL: <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnyi-codex/>
- Кусов Г. В. Диагностика квалифицирующего признака «Неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе / Культура и текст. – 2013. – №1 (14). – С. 93-114.

- Магеримова Ю. Ю. Правовые и лингвистические противоречия в трактовке понятия «оскорбление» / Научный диалог. – 2018. – № 7. – С. 93-102.
- Напреенко Г. В. Об участии лингвиста в судебных заседаниях по делам об оскорблении представителей власти / Юрислингвистика. – 2018. – № 9-10. – С. 100-112.
- Осадчий М. А. Правовой самоконтроль оратора. М., 2007.
- Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсультов / под ред. проф. М. В. Горбаневского. Москва, 2004.
- Пачина А. Н., Пекарская И. В. Репрезентация феномена «Оскорбление словом» в медиатекстах: количественный, семантический и прагматический аспекты (на материалах СМИ, представленных в Национальном корпусе русского языка) / Язык и культура. – 2016. – №2 (34). – С. 57-72.
- Попкова Л. М. Неприличная форма высказывания в лингвистическом и юридическом аспектах / Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2019. – №9. – С. 151-157.
- Салеев В. А. Неприличная форма выражения» как проблема лексикографии и лингвоэкспертологии / Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С. 386-389.
- Саломатина М.А. Понятие языковой формы, противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности / Вопросы психолингвистики. – 2022. – № 2(52). – С. 90-98
- Стернин И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста / Юрислингвистика. – 2011. – №11. – С. 387-398.
- Стернин И.А. Проблема сквернословия. Изд.5, доп. и испр. Воронеж, 2011.
- Стернин И. А., Антонова Л. Г., Карпов Д. Л., Шаманова М. В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.
- Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / под ред. проф. М.В.Горбаневского. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002.
- Чернышова Т. В. Филологические аспекты русской правовой культуры (на материале речевого акта оскорбления) / Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – №3 (45). – С 389-391.
- Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения / Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Т. 155. Кн.5. – Казань, 2013. – С. 267-278.
- Щербинина Ю. В. Вербальная агрессия. Изд. 2-е. М., 2008.

Словари:

- Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: 2014 г.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000
- Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка. М., 2005.
- Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009.
- Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи. М., 2022/
- Словарь русского языка: В 4-х томах/ Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотипное. М., 1999.
- Толковый словарь современного русского языка. Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 1999.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2011.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. В 2х т. СПб., 2017.

References

- Akinina A. V. (2023) Indecent form of commercial names. *Legal Linguistics*, 27(38), 88-93. (In Russian).
- Bragina A. G., Mamaev N. Yu., Manyanin P. A. (2010) Application of the results of forensic linguistic expertise in detecting and investigating crimes. *Teaching aid*. (In Russian).
- Brinev K. I. (2009) Theoretical linguistics and forensic linguistic expertise. (In Russian).
- Chernyshova T. V. (2014) Philological aspects of Russian legal culture (based on the speech act of insult). *Problems of history, philology, culture*, 3 (45), 389-391. (In Russian).
- Golev N.D. (2000) Legalization of natural language as a linguistic problem. *Legal Linguistics*. Issue. 2. Russian language in its natural and legal existence, 8–40. (In Russian).
- Golev N. D.(2003) Jurislinguistic dictionary of invective vocabulary of the Russian language (to the formulation of the problem). *Actual problems of Russian studies*, Issue 2, Part 1, 92–98. (In Russian).
- Gorbanevsky M. V. Ed. (2002).The price of the word: From the practice of linguistic expertise of media texts in lawsuits to protect honor, dignity and business reputation. (2002) (In Russian).
- Gorbanevsky M. V. Ed. (2004). Memo on the appointment of forensic linguistic expertise: For judges, investigators, investigators, prosecutors, experts, lawyers and legal advisers. (In Russian).
- Ivanenko G.S. (2016) Invective / insult: aspects of qualification in expert practice. *Bulletin of the KemGU*, 3 (67), 129-134. (In Russian).
- Issers O. S. (2020) Communicative and pragmatic effects of a negative forecast in terms of establishing an indecent form of utterance. *Vestnik VolGU. Series 2: Linguistics*, 1, 41-51. (In Russian).

- Izotova T. M., Kuznetsov V. O., Plotnikova A. M. (2016) Forensic linguistic examination in cases of insult: a scientific and informational guide for experts. (In Russian).
- Kusov G.V. (2013) Diagnostics of the qualifying sign "Indecent form" in forensic linguistic examination. *Culture and text*, 1 (14), 93-114. (In Russian).
- Mageramova Yu. Yu. (2018) Legal and linguistic contradictions in the interpretation of the concept of "insult". *Scientific dialogue*, 7, 93-102. (In Russian).
- Naumov A. V. Ed. (1996) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation/ (In Russian). URL: <http://www.bibliotekar.ru/ugolovnyi-codex/>
- Napreenko G. V. (2018) On the participation of a linguist in court hearings in cases of insulting representatives of the authorities. *Legal Linguistics*, 9-10, 100-112. (In Russian).
- Osadchy M. A. (2007) Legal self-control of the speaker. (In Russian).
- Pachina A. N., Pekarskaya I. V. (2016) Representation of the Phenomenon of "Insult with a Word" in Media Texts: Quantitative, Semantic and Pragmatic Aspects (Based on Mass Media Materials Presented in the National Corpus of the Russian Language). *Language and Culture*, 2 (34), 57-72. (In Russian).
- Popkova L. M. (2019) Indecent form of utterance in linguistic and legal aspects. *Bulletin of the Pskov State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 9, 151-157. (In Russian).
- Salyaev V. A. (2014) Indecent form of expression" as a problem of lexicography and linguoexpertology. *Problems of history, philology, culture*, 3 (45), 386-389. (In Russian).
- Salomatina M. A. (2022) The concept of a linguistic form that is contrary to generally accepted norms of morality and ethics. *Issues of psycholinguistics*, 2(52), 90-98. (In Russian).
- Sternin I. A. (2011) Indecent form of utterance in linguocriminalistic text analysis. *Legal Linguistics*, 11, 387-398. (In Russian).
- Sternin I. A. (2011) The problem of foul language. Ed.5, add. and correct. (In Russian).
- Sternin I. A., Antonova L. G., Karpov D. L., Shamanova M. V. (2013) Identification of signs of humiliation of honor, dignity, belittling of business reputation and insult in the linguistic examination of the text. (In Russian).
- Shakhmatova T. S. (2013) Insult as a tool of linguistic violence in speech situations of institutional communication. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Humanitarian sciences*, Vol. 155, Book 5, 267-278. (In Russian).
- Shcherbinina Yu. V. (2008) Verbal aggression. Ed. 2nd. (In Russian).
- Zhelvis V. I. (2001) Battlefield: foul language as a social problem in the languages and cultures of the world. Ed. 2-nd. (In Russian).
- Zuga O. V. (2016) On the status of the word "stupid" in the Russian language and its interpretation in linguistics and jurisprudence. *Legal Linguistics*, 5 (16), 190-199. (In Russian).

Dictionaries:

- Great Dictionary of Russian language. Ch. ed. S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: 2014. (In Russian).
- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / Ed. A.P. Evgenieva. 4th ed., stereotypical. M., 1999. (In Russian).
- Efremova T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational. M., 2000. (In Russian).
- Explanatory dictionary of the modern Russian language. Ed. S.I. Ozhegova, N.Yu. Shvedova. M., 1999. (In Russian).
- Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words / Ed. N.Yu. Shvedova. M., 2011. (In Russian).

- Kchimik V.V. A large dictionary of Russian colloquial expressive speech. In 2 volumes. St. Petersburg, 2017. (In Russian).
- Kveselevich D.I. Explanatory dictionary of profanity of the Russian language. M., 2005. (In Russian).
- Lopatin V.V., Lopatina L.E. Explanatory dictionary of the modern Russian language. M., 2009. (In Russian).
- Skvortsov L.I. Big explanatory dictionary of correct Russian speech. M., 2022. (In Russian).

Citation:

Доронина С. В. Неприличная форма высказывания: право, лингвистика, экспертная практика // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 111-117.

Doronina, S. V. (2023) Indecent Utterance in Law, Linguistics and Forensic Examinations. *Legal Linguistics*, 28, 111-117.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 27.06.2023 г.

Дата публикации издания 01.07.2023 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2023